

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

Серия "Экология"

Издается с 1989 г.

Выпуск 66

А.П. Гудыма, В.И. Булатов

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА**

Аналитический обзор

Новосибирск, 2002

ББК 87.6 + 20.1 + 60.56

Гудыма А.П., Булатов В.И. Социально-философские и экологические аспекты устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера = Social-Philosophical and Ecological Aspects of the Sustainable Development of the Scanty Northern Peoples: Аналит. обзор / ГПНТБ СО РАН. - Новосибирск, 2002. - 109 с. - (Сер. Экология. Вып. 66).

ISBN 5-94560-044-X

Радикальные перемены в России затронули все регионы и все стороны жизни населяющих ее народов. Особое место в процессах социально-экономической трансформации и обеспечения безопасности занимает Российский Север, природные богатства которого давно являются основным источником развития экономики и экспортного потенциала. Здесь, наряду с малочисленными коренными народами, накопившими на протяжении тысячелетий уникальный опыт выживания человека в экстремальных условиях, живет и трудится население пришлое, несущее новый образ жизни, культуру индустриального общества. За последние десятилетия на Севере сложился крайне сложный клубок экономических, политических, правовых, социокультурных и экологических проблем, решение которых имеет определяющее значение для устойчивого развития. Это показано в многочисленных публикациях, анализ которых составляет основу предлагаемого обзора.

Аналитический обзор предназначен всем, интересующимся вопросами освоения и природопользования Севера, социально-философской методологией исследования коренных малочисленных народов, поисками индикаторов социально-экономической и экологической ситуации, складывающейся в регионах их проживания.

Radical changes in Russia have influenced all regions and aspects of peoples' life. Special issue in the social and economic transformations and security is the Russian North, which natural resources are the main sources for economy development and export. During the last decade of the 20th century there has formed the tangle of economical, political, legal, social and cultural and environmental problems the solution of which plays a decisive role for sustainable development. That is revealed in numerous publications, which are the subject of the analysis in the review presented.

The analytical review is for all those interested in the questions of the North exploration and nature management, social and philosophical methodology for investigating aboriginal scanty population, searching for indicators of social, economic and environmental situation, forming in that regions.

Ответственный редактор д-р филос. наук, проф. Ю.Г. Марков

Обзор подготовлен к печати к.п.н. О.Л. Лаврик
М.Б. Зеленской
Т.А. Калюжной

ISBN 5-94560-044-X

© Государственная публичная
научно-техническая библиотека
Сибирского отделения
Российской академии наук
(ГПНТБ СО РАН), 2002

ВВЕДЕНИЕ

Перемены в жизни России после 1991 г. продемонстрировали крах идей научного коммунизма, учения об историческом процессе как смене общественно-экономических формаций, стратегии "социалистического освоения Севера". Северные районы в представлении советских политологов и обществоведов принципиально не отличались от всех остальных районов СССР: это должна быть промышленно развитая периферия, составная часть единого народнохозяйственного комплекса, с многочисленным рабочим классом и увеличивающейся прослойкой научно-технической интеллигенции. Форсированное развитие этих удаленных, с экстремальными климатическими условиями регионов обеспечивалось плановой экономикой, жесткой централизацией и добычей ценных полезных ископаемых, больше похожей на разграбление. Принимая во внимание факт проживания на Севере малочисленных народов, обладающих уникальными особенностями в хозяйстве, социальной организации и в быту, марксистско-ленинское учение признало их в общем отсталыми и предписало гигантским скачком перейти в социализм, интегрироваться в новую историческую общность - "советский народ". Последовавшие сложнейшие экономические и социально-политические перестроенные процессы сказались на жизни малочисленных народов Севера особенно негативно.

Вместе с тем к концу XX в. было достигнуто принципиально новое видение роли малочисленных народов в решении глобальных экологических проблем. Доказано, что их жизнь и деятельность не только не наносят ущерба северной природе, но и неразрывно вплетены в ее жизненный цикл. То, что ранее считалось признаком глубокой отсталости, оказалось прообразом таких отношений человека и природы, которые могут обеспечить выживание человечества. Произошла коренная переоценка традиций природопользования и самобытной культуры. Актуальной проблемой мировой практической политики стал поиск путей сохранения уникальных этнических сообществ Севера. Об этом свидетельствуют документы ООН, многочисленные международные конференции, фундаментальные научные исследования. 21 декабря 1993 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция о проведении с 10 декабря 1994 г. по 10 декабря 2004 г. Международного десятилетия коренных народов мира, цель которого - активизировать международное сотрудничество в таких областях, как права человека, состояние окружающей среды, сбалансированное развитие, образование, культура, здравоохранение.

Мировое сообщество приходит к отказу от политики патернализма и цивилизационной экспансии по отношению к "отсталым" народам, признанию самобытности и самоценности их культур, права на тот образ жизни, который они избирают. Осмыслению социально-философских, экологических и природопользовательских аспектов устойчивого развития малочисленных народов Севера России посвящено немало работ, заслуживающих специального аналитического обобщения.

Глава 1. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

Проблема выбора стратегии развития коренных малочисленных народов Севера (далее для краткости опускаем слово "коренные", которое присутствует во всех официальных документах) выступает средоточием едва ли не всех проблем современной российской жизни. В ней, как в фокусе, сходятся освоение природных богатств и охрана окружающей среды, распределение власти между Центром и регионами, интернационализация образа жизни народа и сохранение его национальных особенностей, соотношения российской и глобальной политики [6, 56, 57]. На жизнь малых народов оказывает непосредственное влияние процесс регионализации страны, пришедший на смену обычной для тоталитарных обществ унификации. На Севере в полной мере проявляются формирование локальных центров активности, обострение конкуренции между регионами в условиях рыночной экономики и ослабления власти Центра, решается проблема социальной устойчивости региона как способности его природной, социальной и хозяйственной составляющих обеспечить достойное качество жизни населения. Здесь впервые происходит осмысление необходимости саморазвития в противовес патерналистской направленности, порождающей иждивенчество. Не случайно говорят, что если кто-то рассчитывает на попечение государства, пусть думает о судьбе американских индейцев. Своеобразие ситуации состоит еще и в том, что крайне сложный комплекс проблем, проявляющийся в жизни коренных малочисленных народов Севера, настоятельно требует фило-софско-теоретического осмысления, основанного на анализе следующих постулатов:

1. Проблемы жизнедеятельности малочисленных народов не могут и не должны рассматриваться как локальные. Значение Севера слишком многозначно, и выполнять свои общебиосферные функции он может только при одном условии - сохранении здесь коренных народов с их традиционными занятиями. Даже в случае гипотетического предположения о полном прекращении добычи полезных ископаемых, уходе человека с Севера и превращении его в резерват глобальная экологическая опасность не исчезнет: по современным представлениям традиционные формы жизнедеятельности северных народов поддерживают здесь экологический баланс.
2. Решение важнейшей задачи сохранения и устойчивого развития малочисленных народов не может быть пущено "на самотек". Диктуемое стихией рынка хаотическое освоение Севера создает угрозу всему человечеству. Не является выходом из сложившейся опасной ситуации и такая деятельность региональных властей, которая, при всей добросовестности и благих намерениях, напоминает действия пожарной команды: тушение "горящих" проблем, следование за стихийно развивающимися событиями. Необходима разработка стратегии устойчивого развития коренных малочисленных народов, как важнейшего компонента общей региональной политики.

3. Подобная стратегия может быть разработана и проведена в жизнь при условии целостного видения происходящего в северных регионах России. Его не дают ни всеобъемлющая статистика, ни экономическая наука, ни этнография, ни политология. Взятые по отдельности, они не обеспечивают полной картины тесно взаимосвязанных процессов, протекающих на Севере. Интегрирующую роль могла бы взять на себя свободная от недавнего идеологического клише социальная философия, способная соединить результаты как общественных, так и естественных наук.

Развитие российских северных территорий может определяться только в общем контексте решения вопросов национальной и мировой экономики, национальной и глобальной экологической безопасности. Оно зависит от того, в какой мере отдельная страна и мировое сообщество в целом способны сознательно контролировать свое экономическое развитие, учитывая не только сиюминутные выгоды и интересы, но и дальние исторические перспективы [145, 153, 267].

Любая человеческая деятельность основывается на принятом решении, проведение которого в жизнь, в практику требует политической воли. Кто будет выступать субъектом политики, которая определит в будущем жизнь малочисленных народов Российского Севера? Они сами? Выступающие от их имени, но не тождественные с ними политические элиты, власть которых опирается на доминирующие позиции в региональной экономике? Власти субъектов Федерации? Центр? Международное сообщество, за которым тоже стоит целый спектр разнообразных политических сил, выражающих различные экономические интересы? Решение частного вопроса о перспективах коренных малочисленных народов неизбежно заставляет начинать с вопросов более общего плана: о соотношении политики, экономики и культуры, о сущности власти в современном мире, о сложном взаимодействии национального и интернационального, о принципах разделения власти между Центром, регионами и более мелкими формированиями, о небывалом обострении потребности в земном благополучии и земных благах. Не случайно появление и все нарастающее усложнение идеи мониторинга: чем большее могущество обеспечивают человеку техногенного общества естествознание, технология и техника, тем меньшими возможностями контролировать это могущество он обладает [56, 158, 198, 248, 265, 304].

Распад Советского Союза и тяжелый экономический кризис в России покончили с идеологией, изображавшей российский народ лидером во всемирно-историческом состязании с другими народами. Те из представителей социальной философии, кто ратует за сохранение линейной концепции всемирной истории, вынуждены отводить россиянам место во втором эшелоне "соревнующихся", какой бы критерий прогресса ни выбирался. Что же касается малых народов Российского Севера, то они оказываются в третьем эшелоне исторического развития. По всем скопированным с западных цивилизаций критериям они могут считаться арьергардом российского народа, отстающей его частью, которая еще даже не вступила в стадию индустриального общества, тогда как страны Запада уже перешли в стадию постиндустриальную - или совершают третью индивидуальную революцию [56, 209].

Развитие экологического сознания, постижение опасности безудержной индустриализации для выживания человечества заставили взглянуть на Север совершенно новым взглядом: видеть там не базу для ускоренного развития производства, а возможности для противостояния ему, сохранения условий жизни человечества на планете. Проблемы Севера все более осознаются как глобальные, касается ли это климата, Мирового океана, запасов пресной воды, состояния земной коры и атмосферы. Безопасность

Севера, защита его от техногенных, социально-экономических, политических, культурно-этнических и других катастроф являются проблемой как России, так и США, Канады, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии [6, 15, 87, 203, 234, 341].

Север - это граница, предел экспансии индустриальной цивилизации, последний ее резерв. Нерациональное интенсивное освоение его природных богатств иллюстрирует тупик в хозяйственном мышлении и хозяйственной культуре, утилитарной философии и прагматизме современного общества, которое само подрывает условия своего существования. Север - место встречи и антагонизма традиционной и современной индустриальной культур.

На примере жизнедеятельности малочисленных народов Севера в новых условиях наглядно видны безличность и псевдоэффективность монетаристского подхода к экономике, веры в то, что рынки с их механизмом свободной конкуренции несут обществу высокую степень устойчивости, а государственное вмешательство лишь подрывает ее. Сам рынок, являясь катализатором развития экономики, на деле способствует дифференциации общества, а интегрируют его такие сферы, как культура, наука, образование, здравоохранение, единое информационное пространство [45].

При таком понимании проблем Севера, которое, в сущности, является единственно возможным в "постиндустриальном" обществе, происходит и полная переоценка культуры: то, что раньше выглядело как нечто отсталое, предстает сегодня в экологическом сознании чуть ли не как идеал, к которому должно вернуться, разумеется, на новом уровне, на новом витке спирали, все человечество. Единство человека с природой, многовековой симбиоз всего живого становится прообразом грядущего образа жизни. Культуры, которые достигли этого, уже не кажутся примитивными [174].

Радикально меняется тон научных публикаций о Севере и населяющих его народах, интереснейшие открытия сделаны по истории заселения и освоения Севера, насчитывающей почти 10 тыс. лет. На основании этих открытий возникает новая концепция - концепция циркумполярной культуры, которая возникла в глубокой древности и существует до наших дней. Народы-носители этой культуры, главная ценность которой состоит в "нетравматическом" взаимодействии человека и природы, пронесли ее через века до настоящего времени, постоянно адаптируя к меняющимся условиям жизни.

Культурный опыт народов Севера и Арктики оказывается неопределимым и поистине феноменальным. Отличительной особенностью циркумполярной культуры является экстремальность условий ее зарождения и функционирования. С ее помощью северные народы удержали за человечеством в самой холодной части планеты уникальный плацдарм среды обитания, освоили большие территории. Не случайно при выделении особо ценных территорий природно-историко-культурного наследия народов России как специальный критерий рассматривают уникальность и своеобразие этнокультурных (социокультурных) условий районов компактного проживания малых народов Севера и старожильческого населения, где традиционные формы природопользования, уклады и обычаи сохранены наиболее полно [204, 220].

История существования, ассимиляции и вымирания коренных малочисленных народов в условиях Российской империи и СССР детально описана в соответствующих научных источниках. Множество очевидных фактов говорят об успешном решении проблем коренных малочисленных народов Севера во многих странах Запада. "Необходимо искать пути интеграции малых народов в сложную, большую общественную систему при сохранении их самобытности, при масштабной поддержке со стороны государства. В мире сейчас накапливается опыт сосуществования рыночных обществ и обществ, живущих в рамках природного цикла. Это Швеция, Канада, Австралия. При-

чем главная ценность этого опыта в том, что малые народы живут в соответствии со своими традициями, но интегрированы в рыночную среду. Необходимо идти по этому пути: взаимопонимание и сосуществование, взаимодействие и поддержка слабых" [270, с. 87]. В этих словах заключен переход к мышлению, в основе которого может и должна быть так называемая "арктическая политика" [16], а также концепция устойчивого развития.

Философский анализ истории развития биосферы и становления человеческого общества показал, что в процессе эволюции существовали два типа стратегии социально-экологического развития: самоорганизующийся и управляемый. Основные преобразования происходили благодаря действию законов саморегуляции через систему бифуркационных переходов и становление новых систем, реализующих возникающие взаимоотношения между компонентами. В условиях роста противоречий между природой и обществом невозможно надеяться на их решение за счет стихийных сил. Приходит время введения жестких ограничений, связанных с необходимостью управления взаимоотношениями общества и природы. Необходимо принимать срочные меры для выживания человечества, переходить к новой парадигме - устойчивому развитию в условиях сильных временных ограничений [125, 309].

В настоящее время существует более 100 определений устойчивого развития и количество их продолжает расти [17, 34, 94, 121, 311]. Такое положение отражает как сложность самого понятия, заключающего социальные, экономические и экологические аспекты развития человечества, так и несовпадение взглядов представителей разных слоев общества - научных, политических, предпринимательских. Наиболее распространенные варианты определения, предложенного в Рио: прогрессивное развитие, не ведущее к необратимым изменениям биосферы, к истощению невозобновимых ресурсов, обеспечение равных возможностей для будущих поколений [230]. Не допускать деградации ни цивилизации, ни биосферы - гуманистическая сущность концепции [93, 310]. В понятии УР два основных признака: антропоцентрический (возможность выживания и развития человечества [страны]) и биосфероцентрический (сохранение биосферы как естественной основы жизни на земле и ее естественной эволюции). Как указывают К.Я. Кондратьев и К.С. Лосев [121], чтобы перейти к устойчивому развитию, надо решить четыре проблемы:

- экологическую, возникшую при столкновении цивилизации с природой;
- экономическую, связанную с разрушением природных основ хозяйствования;
- социальную, связанную с выживанием и жизнеобеспечением человека;
- демографический кризис.

Разработка концептуальных и практических подходов к решению проблем устойчивого развития и связанной с ним экологической безопасности идет по многим направлениям и упоминается во всех сферах знания. Прежде всего это постепенная целенаправленная самоорганизация общества в экономической, социальной и экологической сферах с положительными параметрами экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости. Примеры типичных работ: "Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия" [155], "Показатели устойчивого развития: теория, метод, практическое использование" [31], "Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера" [56], коллективная монография "Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития" [36]. Выражения "от устойчивого развития до развития устойчивости" (Н. Богатырев), "сценарий поддерживаемого развития" (В. Зубаков), "концепция беспросветного счастья" (Г. Розенберг), "как действовать дальше, не знает никто" (П. Хо-

мяков), "теоретическая и практическая несостоятельность современной модели устойчивого развития" (В. Казначеев), "постоянна только изменчивость, устойчива только смерть" (Б. Шоу), "мы все погибнем, но если мы не будем ничего делать, то погибнем обязательно и значительно раньше" (А. Степанов) и другие сопровождают обсуждение этой противоречивой по сути проблемы.

В.П. Казначеев [104] констатирует, что принятая на конференции в Рио концепция как бы монополизировала право ее авторов и последователей на истину в последней инстанции в вопросах глобальной безопасности и сохранения крупномасштабных государственных и региональных структур. Поэтому она воспринимается научным сообществом как универсальный рецепт для преодоления практически всех современных форм нестабильности и, в частности, широко используется правящей элитой России в качестве расхожей программной установки.

Комиссия по устойчивому развитию Государственной Думы инициирует разработку концепции "Стратегия устойчивого развития России", в частности, раздела "Индикаторы устойчивого развития" с такими объектами мониторинга, как человек, семья, национальное сообщество, государство как подсистема мирового сообщества с анализом социальной, экономической, институциональной и эколого-ресурсной составляющих. Субъекты северных территорий России сформулировали и передали в Комиссию по устойчивому развитию ООН предложения использовать в качестве индикатора развития территорий проживания коренных малочисленных народов Севера индекс возрождения традиционной культуры, показатели, оценивающие ситуацию с сохранением биоразнообразия и появлением новых видов, и экономические данные по доле отчислений, направляемых на поддержание малых народов, от общей суммы доходов.

Современная научная картина мира характеризуется интенсивным междисциплинарным взаимодействием и взаимообменом понятиями, концепциями, моделями по всему спектру познавательной деятельности. Так, термин "бифуркация", возникший в недрах математической теории катастроф, обрел статус рабочего понятия в социальной философии. Совершенно новое, квазистационарное и неизвестное переломное состояние, в которое необратимо переводится человечеством биосфера, в терминах синергетики также называется бифуркацией. Бифуркация - момент прохождения системы от одного уровня устойчивости к другому через неустойчивость, пункт разветвления, дифференциации эволюционного процесса, когда невозможно предсказать будущее системы в обычном детерминистском смысле [114, с. 37].

Доказательством бифуркационного характера переходных процессов является обшая неравновесность состояния социальной системы в переходные периоды, нестабильность и неравноправное взаимодействие ее социальных субстанциональных оснований, несоответствие структурных уровней изменений уровню, характеру и интенсивности изменения ее функций. Бифуркационный этап бытия малого народа связан с окончанием этапа гомеостатического равновесия при взаимодействии его с более мощной, более развитой и широкой культурой, после которого начался процесс спонтанного развития коренных малочисленных народов в новом социальном качестве [57, 108].

В момент бифуркации социальных систем особое значение приобретают характер идей, господствующих в социальной среде, степень реализации системного вызова, соотношение сил самосохранения и разрушения малого этноса. В периоды исторических разломов, при смене общественно-политического строя объективно необходимым условием простого выживания выступает переходный период, в течение которого готовятся условия или завершается социальный сдвиг, идет модернизация собственности и

ее реальными основания - общественного разделения труда с его специфическими традиционными северными и доминирующими государственными формами.

Неопределенность поведения системы коренных малочисленных народов в точке бифуркации требует оптимального выбора задач на каждом этапе формирования новых элементов структуры и определяет потребность в логичной последовательности этапов формирования нового качества при непрерывном повышении его устойчивости и сохранности. Управление и прогноз развития северных территорий в условиях нестационарности невозможны без учета факторов социальной эволюции - синхронно идущих социально-экономических, правовых и научно-технических изменений в окружающем средовом поле. Непосредственно социальными основаниями трансформационных процессов выступают единство и борьба противоположностей законов социальных форм движения и этнических законов организации человеческих сообществ. Этнические параметры создают, по В.И. Карасеву [108], человекообразные параметры любой конкретной социальной системы, а социальные основания либо формируют адаптивную среду обитания, приходящую на смену "кормящего ландшафта", или, наоборот, отдают ему приоритет.

Во многих работах подчеркивается, что Россия, как ни одна страна, подготовлена к началу реализации концепции устойчивого развития учением о ноосфере В.И. Вернадского (термин "ноосфера" введен в науку французским математиком Э. Леруа и получил развитие в трудах Тейяра де Шардена). Однако в его трудах нет законченного и непротиворечивого толкования сущности материальной ноосферы как преобразованной биосферы. Ошибочно представление о ноосфере как результате коэволюции природы и общества (Моисеев, Гирусов, Урсул), поскольку коэволюция - это не параллельное развитие, а, прежде всего, взаимная адаптация. Попытка ограничивать разрушительную хозяйственную деятельность, соизмерять ее с законами природы, сохранить резервную часть в естественном состоянии и ограничить общий пресс может быть названа адаптацией общества, но признаков адаптации природы к человеческой деятельности нет - идет ее трансформация, а затем и деградация, но никак не эволюция [311]. Утверждая, что переход в ноосферу выступает в форме коэволюции, следует уточнять, что речь идет о коэволюции человека как биологического вида и окружающей его среды. При этом управляющее воздействие со стороны социума направляется на процессы взаимодействия компонентов природы, которыми выступают люди, их сообщества и другие природные объекты [141]. Представление о коэволюции как о возможном гармоничном сосуществовании природы и общества не соответствует ни историческому опыту, ни законам эволюции - научная несостоятельность такой "коэволюции" показана В.И. Даниловым-Данильяном [61].

Быстрое техносферное развитие и отставание биологии (бактериально-вирусных, иммунных механизмов, необходимых для нормальной жизнедеятельности и репродукции) вызывают колоссальные противоречия между резервами биологического эволюционного развития и ускоренной антропогенной трансформацией экологической среды. Кризисные явления, связанные с выживанием живого вещества, включая его интеллект, достаточно нестабильны, находятся на уровне дестабилизирующего отбора, в нелинейной коэволюционной зависимости, где нелинейность характеризует стохастическую катастрофичность. В результате, как подчеркивает В.П. Казначеев [103], биология по своему естественноисторическому природному времени "не поспевает" за изменением экологических структур, окружающих человека, особенно в мегаполисах. Отсюда вытекает и неудовлетворенность экологией, если понимать ее лишь как биологическую науку.

Замещение биосферы техносферой - это не эволюционный переход биосферы в новое качественное состояние. Идеальная ноосфера, Экогея, как новая ее организованность [93] более походит на символ веры, чем на объект научных исследований [121, 311]. Для примера приведем высказывание А.Д. Урсула: "В долгосрочной перспективе ставится цель смещения акцентов развития с экономических на эколого-социальные и с вещественно-материальных на духовно-нравственные и информационные ценности. Конечной целью перехода к устойчивому развитию, по мнению А.Л. Яншина, является становление ноосферы, где приоритетом станут духовные ценности и знания человека, решившего экологические задачи и прежде всего глобальные проблемы" [310, с. 180]. Предпосылками современного ноосфергенеза (биосфера-ноосфера), по А.Л. Яншину, являются: 1) единство человечества, 2) преобразование средств связи и обмена; 3) открытие новых источников энергии; 4) подъем благосостояния; 5) равенство всех людей; 6) возможность исключения войны из жизни общества. Величайшие революционные процессы современности - научная мысль и социальные отношения, по А.Л. Яншину, сливаясь в единый поток, сформируют ноосферу. Но единой научной мысли, как ее называл В.И. Вернадский, для того, чтобы сегодня строить ноосферу или тот универсум, о котором говорил П. Тейяр де Шарден, еще не существует. Нет пока и социальной синергетики, которая может быть представлена как своеобразное возрождение концепции прогресса [108]. Реальное состояние этих процессов в их планетарной конвергенции все больше показывает несоответствие желаемого и действительного.

Не случайно профессиональные экологи вспоминают "советскую ноосферную утопию" [138]. Они подчеркивают, что следует различать научные аспекты представлений Тейяр де Шардена и Вернадского и их интерпретации как со стороны теософов, так и "марксистско-ленинских" материалистов. Как научная концепция, ноосферология описывает "гоминизированный" этап развития биосферы и представляет учение, связывающее естествознание с наукой об обществе, неизбежность слияния которых в одну науку предсказывал еще Карл Маркс. Отражая объективную реальность, ноосферология формирует свои законы и принципы, основанные на изучении периодов ее становления. На их базе можно предвидеть развитие ноосферных тенденций в будущем, связанных, в частности, с реальным экологическим кризисом.

Еще больше противоречий наблюдается в якобы сформированной новой целостной системе "человечество-земля-космос". Они особенно видны при негативных процессах загрязнения ближнего космоса в процессе декларированного А.Д. Урсулом становления "космической цивилизации" [308]. Невозможность получить полную и точную информацию тянет за собой неопределенность социальных, экологических, технологических реформ, а эта неопределенность сопровождается неопределенностью последствий и непредсказуемостью ситуаций, порождающих социальный и экологический риск.

В.П. Казначеев также высказал мнение, что идея устойчивого развития не научная, а политизированная: "Вернадского редуцируют, пытаются задним числом оправдать решения политиков" [103, с. 203]. По его мнению, переход биосферы в ноосферу на Земле будет осуществляться по принципу многополосных региональных биосферно-ноосферных разделений. Однако отыскать на поверхности планеты перспективные ноосферные образования вряд ли возможно, несмотря на способности человека к управлению, целенаправленную осознанную деятельность, которые поспешили объявить фактором эволюции [125, с. 48]. Используемое во многих трудах понятие "надежда" не исключает риска, катастроф, негативных трансформаций. Само собой разумеется, что надежда - слабый критерий устойчивого развития системы малых народов. В период бифуркации ломаются старые представления о социальной устойчивости, стабильности и путях их достижения в современном обществе [227].

Сложные переходы от культуры к упадку на разных стадиях развития общества заставляют искать ценностные ориентиры, исходя из основных законов жизни, единства человека и природы в его традиционных формах, сложившегося менталитета. Проблема человеческих ценностей, их природа, виды и взаимоотношения, наше знание и необходимость заботиться о них - традиционно философская тема. С одной стороны, это идейно-идентификационная основа российского общества и государства, его центральная идея [330], с другой - интегративная основа внутреннего мира индивида или социальной группы, условие жизни соответствующего социального образования. В ходе развития человечества постоянно возникали конфликты между и внутри всех трех сфер ценностей (жизнеобеспечивающих, социальных, экологических), что всегда служило причиной переустройства социозосистем разного уровня [209].

Одной из главных ценностей выступает здоровье человека, показатель сбалансированного и уравновешенного отношения с окружающей средой, и общественное здоровье, включающее в себя процесс смены поколений. Правда, в существующих социальных ценностных ориентациях здоровье не всегда находится на первом месте, что подтверждает экологозависимая заболеваемость на некоторых активно заселяемых опасных территориях. Существует глубинная естественно-природная экологическая альтернатива: вымирание или выживание через измененную форму жизнедеятельности - хроническую патологию. Проблемы здоровья, беспороговой и пороговой экологии жизнеобеспечения, экологической патологии являются особой темой [4, 27, 103, 169, 185].

Диалектика выживания и качества самой жизни определяется аксиологическим принципом жизни, в основе которого - активное долгожительство, оптимальное психическое развитие, духовность, продолжение рода, экологический способ жизни, свойственный коренным малочисленным народам Севера. Все это неразрывно связано с категорией качества жизни, которую В.П. Казначеев называет ноосферной. В совокупности все эти элементы, принципы, начала формируют ценностную систему, вектор будущего, позволяющие не только сохранять себя, опираясь на собственное культурно-историческое наследие и традиционную форму ценностей, но и двигаться вперед во все усложняющемся мире. Для нации, состоящей из множества этносов, это единственно возможный путь.

Определенный оптимизм связан с возможностью структуризации проблем, увязываемых с устойчивым развитием, переходом от глобального и национального уровней их решения к региональному и локальному. Глобальный и региональный масштабы (суббиосферный уровень) охватывают фундаментальное изучение биосферы, динамику сфер (сред), компонентов, создание больших прогнозных моделей развития экологической ситуации [187]. Эти работы, как правило, идут по международным программам и затрагивают, помимо прочего, вопросы экологических ущербов, устойчивости крупных природных подразделений субконтинентального, зонального или бассейнового ранга. Низшие ступени иерархии устойчивого развития нуждаются в научном обеспечении прикладного характера с учетом конкретной экологической ситуации и возможностей экодиагностики состояния гео- и экосистем [298]. Возможны и промежуточные уровни иерархии, например: "Россия - бассейн - регион - область - округ - город" с иерархической соподчиненностью целей, задач и механизмов реализации соответствующих программ. Философские и биологические аспекты изучения структурных уровней иерархических систем и их переходы к новой реализации анализируются уже давно, со времен становления системного подхода [125, 138].

Основным механизмом сохранения компонентов при реорганизации соответствующего уровня выступает самоорганизация. Процесс преобразования регулируется

или управляется со стороны более высокого уровня путем установления определенных ограничений или введением принудительных аттракторов, то есть организационно. Система объективно необходимых ценностей ноосферной цивилизации также может быть иерархичной, но определение ее, например, через оптимизирующую идею глобализации мира, концентрацию власти на высоких иерархических уровнях социосистем, создание совместных организаций и согласованных моделей поведения далеко не обеспечивает устойчивое развитие.

Анализ уровней социальных систем коренных малочисленных народов Севера, рассматриваемых как особый объем категории социальной трансформации в период бифуркации, представляет собой прежде всего оценку форм социального изменения с имманентными качественными характеристиками [108]. В ряду категорий социальных изменений, таких, как эволюция, развитие, преобразование или реформирование, социальная трансформация выступает как наиболее универсальная категория, процесс смены качественной определенности социальной системы малых народов, взятых как единое целое в своих субстанциональных основаниях и функциональной деятельности, изменяющее структуры и функции в процессе развития.

С точки зрения описания этого объекта (малые народы) стоит задача выделения их структурных уровней и основных элементов. Эта исследовательская процедура помогает отделить, например, этническую идентификацию от других социальных изменений, включить в анализ принципы антропоэкологического таксонирования, показать изменения организации управления при переходе системы на новый иерархический уровень.

В.И. Карасев [108] указывает, что отправной базой системной структурной организации человеческих сообществ является градация биологического, этнологического, социального и интеллектуального оснований. Если допустить, что каждый из уровней может быть обозначен как форма социальной общности, то их совокупность формирует макроуровень структурной организации объекта социальной трансформации, то есть коренные малочисленные народы Севера в целом. Средний уровень включает в себя такие внутренние параметры, как социальные изменения личности, социальных институтов и государств. Качество любых систем мезоуровня является содержанием социума как третьего уровня универсальной шкалы структурной организации человеческих сообществ. Актуальным для сегодняшнего дня развития человечества представляется последовательный переход от основанного на биологическом и этническом строении социального уровня структурной организации человечества к воплощающему в себе как момент собственного движения и фрагмент собственного бытия уровню, ведущим основанием которого является разум. Устоявшимся определением данного уровня считается понятие "ноосферы" [108, с. 26].

Данная схема требует более жесткой структуризации с подразделением всех объектов социальной трансформации по принципу принятых схем иерархии на макро-, мезо- и микроуровни с возможным использованием промежуточных градаций пространственного типа - региональной и планетарной. Такой подход помогает разобраться в кажущейся чересчур сложной шкале взаимных переходов и отношений форм и уровней структурной организации групп социумов малочисленных народов Севера с ее взаимодействиями по вертикали и горизонтали. Например, С.В. Костаревым [125] представлена следующая классификация социосистемных уровней и соответствующее распределение властных полномочий:

- локальный (поселение, город) - местное самоуправление;
- региональный (ассоциация) - делегируемые полномочия;
- государственный - уровень государственной власти;
- глобальный - представители мировой власти.

Этот достаточно стандартный социосистемный контур управления не включает в себя промежуточные уровни, неформальные общественные объединения и структуры с самоорганизующимися отношениями, например, межгосударственные ассоциации коренных малочисленных народов, Лигу малочисленных народов Севера (генеральный секретарь которой - Евдокия Гаер) и т. д. Они, как правило, не могут управляться извне, но к ним применимы механизмы регулирования, устанавливающие определенные нормативы поведения, и в этом смысле они выступают как креативные.

Социальная философия при этом смыкается с социальной экологией как наукой о взаимоотношениях между человеком, обществом и окружающей средой, пытается найти альтернативные пути развития и адаптации коренных малочисленных народов, развивая социальные отношения не в ущерб стабильности природы. Социально-географические и демографические критерии оценки региональных антропоэкологических ситуаций в регионах проживания коренных малочисленных народов делают исследования по вопросам современного этногенеза и становления новых социальных структур особенно информативными, а выводы и предложения - обоснованными. Развивая фундаментальную и нормативно-прикладную части, социальная философия выступает как комплексно-интегративная, общенаучная область научного поиска. Иллюстрирует это положение рис. 1, показывающий положение коренных малочисленных народов Севера в сложившейся системе гуманитарного знания.

Рис. 1. Малочисленные народы Севера в мониторинговой системе гуманитарного знания

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Осознание конфликтности, взрывного характера современных социальных процессов, обусловленных столкновением интересов техногенной цивилизации и духовной культуры, становится прерогативой философского анализа, ставящего целью раскрытие фундаментальных противоречий природы и общества, сущности и существования, духа и тела, высшего и низшего, цели и средства, свободы и ответственности. Технократический подход, реально решающий некоторые хозяйственные задачи, сочетается с кризисом гуманизма и тоталитарностью общества, при которых человек теряет исходную самоценность и превращается в рядовое функциональное звено гигантской машины. Подлинное уяснение диалектики человека, техники и природы в социуме вне философского истолкования невозможно [227].

Стратегия развития коренных малочисленных народов Севера увязывается с вопросами современного этногенеза и социальных структур. Демографическое развитие этносов характеризуется своеобразной социально-исторической динамикой, показанной в соответствующем разделе. Вопросы эволюции коренных малочисленных народов Севера, их внутренней структуры требуют глубокого изучения с анализом факторов устойчивости малых национальных групп [103, 313]. Специального анализа заслуживают количественные характеристики различных социально-исторических, экономических и политических процессов, которые, не отражая качества популяции и среды ее жизнедеятельности, позволяют перейти к регистрируемым показателям демографии. Более глубокие процессы описываются такими этнологическими показателями, как фазы этногенеза, по Л.Н. Гумилеву, П.А. Сорокину и др. В каждом этносе ими выявлены черты пассионарности, гомеостатического регулирования, торможения, пессимальности. Глубинные механизмы волнообразной количественной и качественной динамики двойственны: с одной стороны, это характер самого этноса с его социальным поведением и репродуктивной активностью, что влечет его постепенную ассимиляцию.

С другой стороны, на коренные малочисленные народы влияли базисные социально-экономические процессы, проходившие в СССР в период холодной войны и необратимо разрушавшие популяционно-демографический потенциал страны в силу высокого уровня человекопотребления. Этнологическая ситуация с малыми этносами еще ждет углубленного аналитического описания и анализа [95, 98, 131]. Решение проблем эко-социальной неустойчивости в рамках административных формирований - это тактика, стратегия заключается в разработке геополитического прогнозирования, поисках ведущего звена геополитики, поскольку в малочисленную популяцию может превратиться весь российский суперэтнос. Философское знание может опереться на категорию реальной социальной трансформации, на исследование ее региональных качественных

характеристик, включающих социальное вещество (динамичные социальные системы разного уровня структурной организации) и социальное поле (систему духовных отношений в границах конкретных форм человеческого сообщества - малочисленных народов, находящихся в интерактивных социальных взаимодействиях) [108, 140].

Цикличность истории малых народов находит отражение в социальной трансформации, описывающей процесс перехода от одного состояния качественной определенности социальной системы известного уровня организации к иному социальному качеству. Системная смена полного социального качества этих народов в России произошла дважды за последние 100 лет. В ходе исследования социальных изменений малых народов в процессе социальной трансформации приходится иметь дело с двумя предметами рассмотрения: с объектом изменений (малыми народами) и с самим процессом социальных изменений.

Концепция устойчивого развития интегрирует в себе экологическую, экономическую и социальную сферы и является, прежде всего, политическим документом, для успешной реализации которого необходимо последовательное проведение демократизации управления и соблюдения определенных принципов. К проблематике коренных малочисленных народов Севера имеют отношение прежде всего [56]:

- принцип иерархической организации (Мировой Арктический Север, Арктика и Субарктика России, Север Сибири, регионы Севера);

- принцип единства целей (обеспечение мира, безопасности, здоровья населения, рациональное природопользование, охрана ландшафтов и экосистем, сохранение биоразнообразия и др.);

- принцип последовательной экологизации всех сфер жизнедеятельности территории;

- принцип "управление - для населения";

- принцип единого контроля и доступности информации;

- принцип финансирования программ устойчивого развития;

- принцип осуществимости Концепции, реализация систем ее обеспечения: законодательно-правовой и нормативной, экономической, мониторинговой, научной, просветительно-образовательной, материально-технической и ресурсно-трудовой, организационной [311].

Давая свою оценку экологическому форуму 1992 г. в Рио, Н.Н. Моисеев отметил, что концепция "устойчивого развития" - одно из опаснейших заблуждений современности, особенно в том виде, как она интерпретируется политиками и экономистами разных стран, в том числе и России. И если под устойчивым развитием подразумевать необходимость процесса, который однажды приведет к реализации принципа коэволюции или эпохи ноосферы (для Н.Н. Моисеева коэволюция и ноосфера являются синонимами), то надо сразу же оговориться, что человечеству придется пройти долгий путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. И этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие [188]. В геополитически расчлененном мире цивилизации сталкиваются, как материки в процессе геологической эволюции. И все это сопровождается напряжением, военными конфликтами, масштабными террористическими актами, экономической агрессией и другими, еще мало известными формами противостояния геополитических режимов, которые зарождаются в политике столь рекламируемого устойчивого развития.

Коэволюция и устойчивое развитие, конечно, не окончательные варианты разрешения глобальной экологической проблемы, но на сегодняшний день они наиболее адекватны, обоснованы и дают реальную перспективу для мобилизации интеллектуально-нравственных и научно-технических ресурсов человечества с целью поиска стратегии выживания [114].

Родовая форма собственности может решить многие проблемы природопользования в районах Севера, возродить традиционную культуру малочисленных народов, их уникальные трудовые навыки, местные обычаи охраны природы [175, 273]. Об этом свидетельствует опыт США, Канады, Скандинавских стран. Ассоциации коренных жителей смогли заставить промышленные компании вести более рациональную и экологически грамотную эксплуатацию недр, проводить рекультивацию, обеспечивать охрану природной среды от загрязнения. По экологическим соображениям были отменены строительство плотин и электростанций на реке Юкон, программы "мирных" ядерных взрывов на севере Аляски, проект танкерной перевозки нефти через Берингов пролив и многое другое. Речь идет о проектах, исходивших из сиюминутной выгоды или узко понимаемых национальных интересов. Время показало, что при нестабильности мировых цен на минеральное сырье и энергоносители удары, наносимые природе Севера и его коренному населению, оказываются бессмысленными и дорогостоящими. Подобные примеры есть для Ханты-Мансийского автономного округа: производство "мирных" ядерных взрывов, танкерная перевозка нефти по рекам и т. д.

Со временем может сформироваться частная собственность на основные производственные активы, включая природные ресурсы. Она не только предопределяет рыночную мотивацию у хозяйствующих субъектов и заложит основу для рационального поведения, но и приведет к разъединению эксплуатационных и контрольно-надзорных функций в сфере природопользования и охраны природы. Развиваясь на собственной основе, рыночное хозяйство сможет компенсировать как экономические, так и социальные пороки бесплатного использования "даровых" благ природы при социализме, критически оценить опыт испытания рынком коренных малочисленных народов. Произойдет изменение мировоззренческого подхода к ценностям природы, станут острее осознаваться социальные и экологические императивы.

В природопользовании со временем формируются поведенческие стереотипы, объективно выражающие стремление хозяйствующих субъектов к получению высокой прибыли, сохранению устойчивого хозяйства, добровольно и добросовестно соблюдающего природоохранные нормы и имеющего хорошую экологическую репутацию. В конечном счете, возродится традиция рачительного, по-настоящему хозяйского подхода к использованию природных богатств, который составлял суть существования малых народов Севера. На основе новой традиции может возникнуть существующая пока что в идеале модель "согласия", или, как писал академик В.Б. Сочава, "сотворчества" человека с природой, без которой немислимо их устойчивое социально-экономическое развитие [101].

На рубеже веков выявилась острая потребность в "человеке регулирующем", способном оценить ситуации и принять правильные решения в условиях конфликта между природой и обществом, заменив множество бесполезных "экологов". И это будет не "технологический менеджер", а специалист, понимающий необратимость процессов экологического кризиса и осознающий неизбежность выхода из него путем гуманизации отношений природы, общества и социальной природы человека. На повестку дня выходят "гуманистическое управление", "гуманистическое право", "гуманитарная экология" и просто "гуманизм" [16, 98, 230].

В последние годы установлено, что наука как фактор рациональной упорядоченности экологической действительности способна формировать как хозяйственную идеологию освоения природы, так и гуманитарное экологическое мировоззрение. Тоталитарному государству как жесткой социальной системе, отстаивающей идею всеобщей упорядоченности, противопоставляется идея гражданского общества, где упорядоченность достигается диктатурой права [54, 98, 225].

При разработке социальных основ стратегии устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера необходимо следовать тому естественному (стихийному) эволюционному процессу, о котором говорил В.И. Вернадский, той стихии, которая ведет нас к будущему. При опоре на прежние представления, выработанные в прошлом веке и казавшиеся прогрессивными, мы расходимся с природой. Автоматический перенос их на новый век, сопровождение этого процесса якобы научными и математическими выкладками, схемами и графиками является лишь проявлением крайнего саентизма. Речь идет о появлении скороспелых технологий, рецептов, поскольку рынок существенно перекрывает дорогу фундаментальной науке об экологической и социальной эволюции коренных малочисленных народов.

Механизм реализации общественных, в том числе правовых, регуляторов всецело опирается на принцип научного управления как обществом в целом, так и его подсистемами, включая региональные и отраслевые структуры. Социально-правовое регулирование обеспечивает стабильность, гарантирует малым народам защиту от случайных явлений, произвола властей, снижает уровень социальных и экологических рисков, позволяет избежать социальных и экологических катастроф. Социально-технические и социально-правовые нормы совместно обеспечивают экологический регламент и природоохранные нормативы. Целью регулирования экологических отношений в сфере функционирования малочисленных народов является осознанная, экологически приемлемая, исторически обусловленная модель поведения индивида или малого этноса и ее мотивация. Вся структура социальных или "диверсификационных" регуляторов в районах обитания коренных малочисленных народов Севера не может быть жесткой и имеет свою специфику в зависимости от региона, уровня культуры, традиций, ценностей [84, 98, 184, 203, 213].

Рассматривая этнос в системе малочисленных народов России, не следует забывать, что в новый век планета вступила разделенной на фрагменты, называемые национальными государствами, практически никак не соотнесенные с природными таксонами. В условиях беспрецедентного техногенного давления экосистемы и природа в целом защищаются специфическими способами, о которых Ф. Энгельс писал: "природа мстит". Изменяются представления о пространственно-временном континууме, новые черты приобретают такие, казалось бы, устоявшиеся понятия, как среда, этногенез, геополитика, региональная экологическая политика. Например, демографический кризис в России характеризуется не перепроизводством населения, а резким снижением его прироста и падением показателей исторического здоровья. Резко понижен коэффициент эффективности системы жизнеобеспечения. Многие этносы фактически остановились на пути своей эволюции, потеряв главный стимул - продолжение рода. Урбанизирующая "доместикация" малых этносов отражается в новых поколениях через аномальное поведение в любых вариантах - этических, сексуальных, политических, экономических, хозяйственных. Наиболее уязвимый Север России оказался и наиболее грязным регионом с минимальными вложениями в систему жизнеобеспечения и сохранения потомства. Демозэкологическая ситуация, отражающая связь медико-демографических и социальных характеристик населения с совокупностью природных и экологических факторов, характеризуется в азиатской части России как очень напряженная [104, 258, 352].

Взаимодействие этносов с окружающей природной, производственной и социальной средой осуществляется через определенные каналы, которые В.П. Казначеев [104] предлагает именовать валентностями. Каждому этносу и составляющим его таксонам присущи следующие валентности:

- 1) отношения с производственно-экономической, промышленно-технологической рыночной средой, ее человекопотребляющими и человекопроизводящими структурами;
- 2) отношения с культурно-этической, моральной, религиозной средой, ценностными ориентациями, идеологическими догматами, отношения с наукой, культурой, искусством;
- 3) отношения с биологической и воспроизводственной средой (институт семьи, популяционная генетика человека, жизнеобеспечивающие системы);
- 4) отношения с языковой, этнопсихологической средой.

Все указанные валентности присутствуют, например, при рассмотрении не имеющего официального статуса единого субъекта, известного как сибиряки, сформировавшего много субэтнических обычаев, традиций и правил поведения [263]. Малочисленные народы Крайнего Севера, благодаря некоторой обособленности от исторического процесса, сохранили уникальную культуру, своеобразные обычаи и традиции природопользования. У них вообще не было обобщенного отношения к внешнему миру, а имелись сугубо личностные отношения с иными, но столь же живыми для них, как и сам человек, существами: земля, ягель, реки, озера, леса [97, 101, 141].

Пространство, по Н.Ф. Реймерсу, один из важнейших экологических факторов. Малыми народами Севера оно используется для осуществления жизненных функций, получения необходимых продуктов, удовлетворения всех потребностей, но реализация этих условий недостаточно регламентируется и далеко не полностью гарантируется. Государство неоднократно вторгалось в эту деликатную сферу, нарушая нормальное взаимодействие. Насильственные и жестокие меры превратили природную среду мест высылки и ссылки из союзника в злейшего противника человека. Территориальный "экологический этноцид" (термин введен К.Б. Клоковым в 1998 г.) в этнохозяйственных ареалах малых народов нарушил их связи с природой Севера России и серьезно исказил традиционное природопользование [116, 117]. Главным орудием такого воздействия была многолетняя кампания за "оседлый образ жизни", имевшая антиэкологической и антисоциальный характер. Она нанесла огромный ущерб коренным таежным и тундровым промыслам (особенно северному оленеводству), породила преграду между поколениями, привела к социальной деградации значительной части молодежи [165, 242, 256, 262]. Постоянно критикуя и "разоблачая" резервации для индейцев Северной Америки, советская власть не заметила их очевидных достоинств и не нашла адекватной замены им в наших условиях [63, 355], несмотря на "прогнозное социальное проектирование" [236], "программные методы управления экономическим и социальным развитием коренных малочисленных народов Севера" [237] и многочисленные "концепции" [124].

Субъектное измерение жизнедеятельности этноса включает, как указывает В.П. Казначеев [104], популяционный ресурс - затраты физического и психического здоровья, его репродуктивного потенциала, способности к биологическому и социальному воспроизводству. Одновременно расходуются и естественные ресурсы, технологическая информация. Исторический опыт и современные оценки свидетельствуют, что по мере трансформации социального поля, истощения или уничтожения этих "внешних" ресурсов нагрузка на популяцию резко возрастает, в том числе в форме недопроизводства средств потребления и резкого сокращения жизнеобеспечивающих структур.

Этот процесс имеет серьезные следствия: в России коэффициент использования врожденных и приобретенных духовных, интеллектуальных качеств, способностей человека составляет не более 5%, тогда как в США он равен 20%. Механизм этот очень

сложен, но вслед за природопотреблением неизбежен процесс человекопотребления. Восстановление этнического потока через репродуктивный процесс, образование, воспитание, развитие духовности, навыков жизнеобеспечения, столь необходимых малым народам, снижается необратимо. Необходимы сдвиги в общественном сознании, смена структур и функций социальных систем различного уровня.

При снижении темпов восстановления нарушенных природных систем все более снижается пространственный ареал и система жизнеобеспечения малого этноса (человека), всего процесса его воспроизводства, требующего биологического, генетического, семейного статуса, государственных гарантированных экономических вложений, преемственности поколений. Нуждаются в критическом анализе принципы платного природопользования, повсеместно внедряемые лесными, рыболовными, охотничьими организациями и сильно ограничивающие права граждан на ресурсы пространства.

По мнению В.П. Казначеева, существуют определенные параметры жизнеобеспечения этнического национального потока, закономерности вхождения коренных малочисленных народов Севера в естественно-природный, биосферный мир. Они отражаются в количестве изымаемых из природного окружения ресурсов, лимитируются продуктивным потенциалом "кормящего ландшафта" этноса. С ними связано и разное понимание эколого-социальных приоритетов: устранить ли вначале голод ("у голодного нет бога"), решать проблемы охраны и восстановления среды или сохранять достигнутый высокий уровень благополучия, жизнеобеспечения и здоровья. При этом не обойтись без формирования системы интегральных критериев, анализа антропоэкологических, социо-эколого-экономических систем и геосистем в регионе проживания малочисленных народов, решения задач многокритериальной оптимизации [187]. Это позволит не только адаптировать конкретный социум к нарастающему потоку перемен, но и обеспечить применение инновационных технологий для получения качественных сдвигов в таких сегментах социального поля, как экономика, политика, идеология и право.

Процессы эти имеют далеко идущие следствия [104, 108]. Появляются и развиваются исследовательские системы социально-философского и антропокосмического плана, последовательно оперирующие все более сложными и широкими по объему категориями предмета социальных изменений и трансформации этносов в планетарных границах. На смену таким единицам анализа, как нация и государство в границах общества, приходят концепции, системными единицами которых выступают сами социальные процессы, понимаемые как морфогенез культур, жизненный цикл этносов и супер-этносов, системная трансформация суперкультурных систем, становление локальных цивилизаций типа "народы Севера" и зарождение ноосферных процессов. Идея живой природы возвращается из дохристианских времен, из традиционных воззрений малых этносов. Неоязычество, или экологизм, могут стать важными составляющими вектора будущей новой системы ценностей [330]. Если все мы примем формулу Гоголя - "наш храм - Россия", решать экологические, да и неразрывно связанные с ними социальные и экономические проблемы будет легче.

Использование категории "идейно-идентификационная основа малого этноса" дает ключ к пониманию глубинных социально-исторических процессов, происходящих с коренными малочисленными народами Севера как в России, так и за рубежом. Кризис идейно-идентификационной основы есть ситуация, когда совокупность традиционных норм и ценностей перестает работать и нуждается либо в замене, либо в радикальном реформировании [330, с. 11].

В национальном государстве малым национальным группам, сохраняющим свои этнические структуры, всегда живется хуже, чем потерявшему племенные черты орга-

низации ведущему, государствообразующему народу-нации, максимально использующему как главный принцип развития самоорганизацию. Этот принцип при самоидентификации малого народа также используется, но в условиях многополярного и поликомпонентного гражданского общества малый этнос не может диктовать авторитарные принципы построения антропоэкологического сообщества даже на своей исконной территории, за исключением пределов пространства кочевой родовой общины или аналогичного территориального формирования. В современных условиях России организованный малый этнос лишь противодействует непропорциональному техногенному воздействию на природу различных социальных и хозяйственно-производственных формирований и противостоит действиям, вызывающим конфликты, имеющие экологическую природу [102, 129, 172, 272, 273].

Самоидентификация коренных малочисленных народов Севера базируется на имманентно присущей конкретному социуму системе ценностей. Это его качественный стержень, информационная матрица. Социум, не обладающий ею, не структурирован и либо еще находится в стадии становления, либо уже вошел в полосу постепенного или лавинообразного процесса деградации предшествующего уровня своей структурной организации. Причины такой деградации столь многогранны, что заслуживают специального анализа [104, 241, 277, 313].

Вполне закономерна постановка проблемы "Малый этнос и личность в процессе социальной трансформации" [108]. Объемность такого модального, объективно-субъективного подхода заключается в том, что личность в системе общественных отношений рассматривается во взаимодействии природных, пограничных и социальных форм движения материи. Происходит одномоментный срез общественного бытия как способ организации жизни этноса с доминирующими факторами развития. С позиции самой формы взаимодействия биологического и социального движения прослеживается цикличность филогенетических жизненных процессов этноса и линейность (поступательность, спонтанность) общественного развития [108, с. 45].

Права человека без включения в их перечень права личности на закрепление своей этнокультурной идентичности страдают известной ограниченностью, лишают его возможности на защиту своего этнокультурного облика, идентификации себя, положим, русским, ханты, чукчей, татаринном. Человек де-юре становится беззащитным перед угрозой утраты национальности. Эта угроза исходит из реальности, жизненной практики этнического обезличивания, национально-нигилистической позиции любого многонационального государства, принижающего принцип самоопределения (самоидентификации) народов в угоду ложно понятому приоритету территориальной целостности политически подвластного ему пространства [54, 73, 79, 170, 225, 279, 317].

Говоря о статусе коренных малочисленных народов Севера и родовой форме собственности, юристы отмечают, что в содержании региональных актов, вместо четких юридических конструкций о родовой форме собственности на природные ресурсы, воспроизводятся пустые декларации и неопределенные формулировки. Так, в ст. 8 закона Республики Саха (Якутии) "О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера" говорится: "Земли, переданные общине в пользование, являются *достоянием народов* Республики Саха (Якутии) в лице малочисленных народов Севера и коренных народов Якутии и без их согласия не подлежат изъятию под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием". Понятие *достояние народов* по своей неопределенности сродни термину "государственная (общенародная) собственность", которым более семидесяти лет обозначали безжалостно разграбляемые природные ресурсы.

Становится понятным, почему в Ханты-Мансийском автономном округе органы государственной власти получили в соответствии с законом "О рациональном природопользовании" право изымать родовые угодья из традиционного природопользования, почему до сих пор не отработан механизм компенсации родовым общинам за причиненные убытки и упущенную выгоду. Это понимают представители коренных народов Севера, протестующие против ущемления их прав на развитие традиционных отраслей хозяйства на территории родовых угодий [7, 101, 184, 251].

Этнические свойства, носителями которых являются малочисленные народы Севера, - достояние человечества. Но в России социальные институты, экономические структуры мало учитывают естественно-природную расово-этническую специфичность, и это происходит во всем мире, так как современное рыночное пространство уничтожает, стирает и затушевывает природное разнообразие человечества [104].

Для определения статуса коренных малочисленных народов Севера имеет значение определение ведущего уровня их структурной социальной организации, в которой доминирует родовая конкретно-историческая форма как локальная часть человеческого сообщества. Преобладающей формой их деятельности является природный метаболизм в пределах кормящего ландшафта, противостоящий коллективным формам, основанным на орудийной инновационной производящей деятельности. Однако важнейшие функции социальных систем - адаптивная, инновационная, когнитивная и креативная - в разной степени выявляются в структурах жизни малых народов. Исследование функциональных связей малочисленных народов с естественно-природной, техногенной, социокультурной и внутренней средой жизнедеятельности способствует определению статуса коренных малочисленных народов Севера на базе изучения самого широкого множества субъект-субъектных и субъект-объектных отношений [108, 114].

Сегодня вряд ли можно опаривать, что хозяйственная политика, кажущаяся успешной на фоне высоких темпов роста валового общественного продукта, в промышленных странах с опорой на добывающие отрасли на самом деле ведет к разграблению природного капитала, разрушению окружающей среды, потере экосистем, видового разнообразия, почв и чистых водоемов. Чрезвычайно актуальная взаимосвязь между мировой хозяйственной политикой, ориентированной на слишком узкую технократическую концепцию роста, и разрушением природы делает особенно необходимым расширение концепции валового продукта на основе его экологической ревизии, вопросов природной ренты и рентных отношений [55, 74, 102, 129, 172, 272, 306, 333], поиск новых сценариев перспективного развития регионов с традиционным природопользованием коренных малочисленных народов Севера [47, 134, 212, 216, 299].

В этой проблеме есть несколько аспектов. Первый касается определения собственника на природные объекты. Формы обладания объектами и технологии передачи этого права от одного собственника другому сильно отличаются друг от друга, но методологический подход реализовывался, как правило, один - природный объект обладал потенциальной возможностью быть собственностью частного лица. Возникает вопрос, на каком основании то, что не создано никем и является основой жизни всех людей, принадлежит конкретному субъекту хозяйственной деятельности и почему этот субъект может получать доход, не создавая ничего. Поиски ответа на этот вопрос постоянно становятся основанием сильных потрясений, и от ответа на него зависит дальнейшая судьба общества [125].

Другой подход говорит о том, что природные ресурсы, являясь достоянием многих, могут только передаваться в аренду, доход от которой используется для удовлетворения потребностей общественного собственника. Третий подход реализуется в концеп-

ции частного владения природными объектами, основанной на идеях Генри Джорджа: "Никакое поколение не может считать своим этот мир или какую-либо его часть. Он создан не людьми, и люди являются лишь его временными обитателями". Проблема собственности на природные богатства распадается на три аспекта: кому должно принадлежать природное богатство, кому - ценность улучшений, а кому - продукты труда. Г. Джордж считал, что человек обладает абсолютным и неотчуждаемым правом на самого себя, на свой труд и продукты этого труда. Кроме того, все люди имеют равные права пользоваться природными богатствами, а общество имеет право владеть тем, что производит [65, 66].

В решении этих вопросов в связи с правами коренных малочисленных народов на часть природных территорий, владение естественными богатствами много неустоявшегося и спорного: как учитывать лимиты естественно-природного запаса жизни, распределять необходимые атрибуты жизнедеятельности на все ограничивающемся пространстве, что делать с загрязненными и нарушенными землями. Если в Азиатской России это пока не так актуально, то в мировом масштабе ситуация уже кризисная. Наши российские предки выполнили задачу сплочения территорий и земель, теперь она распространяется на социальные общности. Успешное ее решение даст возможность всем, кто живет в России, почувствовать себя россиянами, единой нацией, состоящей из множества этносов [330].

Показателем наиболее высокого естественно-природного и социально-исторического уровня развития коренных малочисленных народов Севера может быть коэффициент удовлетворения жизнеобеспечения личности, семьи, этноса. Он очень значим исторически, так как именно малые этносы наиболее пострадали в предыдущие эпохи. В XX веке на восстановление природного комплекса, основу жизни малых этносов, в мире тратилось не более 20% получаемых доходов, а в России намного меньше.

Сценарии перспективного развития и основные элементы стратегии устойчивого развития коренных малочисленных народов должны опираться на приоритеты национальной экологической политики, детально разработанные и обоснованные рабочей группой экспертов Центра экологической политики России [230].

Решение социальных и экологических проблем сегодня рассматривается с позиций двух основных стратегических направлений: технологического и гуманитарного. При всей очевидной важности первого приходит понимание его недостаточности, так как в нем практически не учитывается психология человека. Между тем важнейшими факторами решения вышеназванных проблем являются:

- психологическая готовность людей внедрять уже существующие экологически безопасные технологии;
- сознательное соблюдение экологических ограничений;
- стремление принимать личное участие в природоохранной деятельности;
- стремление защитить и облагородить природу в пределах ареала жизнедеятельности как разновидности экологического ареала и др.

Гуманитарное направление предполагает, прежде всего, смену системы ценностей, коррекцию мировоззрения, перестройку сознания людей. Стоит задача формирования новой экологической культуры как части общей культуры человека [230, 338].

Отечественная и мировая практика показала, что охрана окружающей среды, основанная лишь на запретах, является малоэффективной: возникает противостояние между государством (в лице природоохранных служб) и населением. Используются все доступные средства преодоления установленных запретов: от браконьерства до подкупа

чиновников. Надежным гарантом устойчивого развития общества, поддержания и сохранения природной среды является высокий уровень развития экологической культуры всего населения.

В приложении к коренным малочисленным народам Севера нужно говорить об этнокультурном императиве как составной части их жизни, этнокультурном уровне, основном и определяющем все ее сферы. Этнокультурные потребности малых народов, их культурные стереотипы, родившиеся как рациональный ответ и результат адаптации к конкретным экологическим условиям, постепенно совершенствуясь, достигли высокой гармоничной устойчивости и оказываются сейчас важнее многих других. Если процесс негативной трансформации превышает этнокультурную устойчивость и адаптивность малого социума, встроенного в материнскую экосистему, то он обречен на исчезновение [92, 98, 141, 255, 268, 285, 303, 315, 347].

Под воздействием культовых мифов, одной из составляющих этнической культуры, значительная часть нерасчлененных норм коренных народов Сибири трансформировалась в религиозные нормы. Они содержат многочисленные запреты на добычу тотемных животных и растений, осквернение священных объектов природы, особо почитаемых урочищ. Реализация таких норм обставляется соответствующими обрядами, и сами они воспринимаются как вечные и неизменные, обладающие непререкаемым авторитетом, высшей силой по сравнению со всеми другими социальными нормами [8, 101, 166, 167, 224, 334, 344].

Применительно к малочисленным народам Севера на протяжении многих лет осуществлялась политика настоящего геноцида. Факты эти известны: насильственное изъятие родовых угодий, загрязнение водоемов, уничтожение пастбищ, истребление ценных пород животных и рыб и в итоге - разрушение материальной первоосновы традиционных промыслов и культуры малых народов. Настоящим бедствием стала кампания по борьбе за оседлый образ жизни, которая нанесла огромный ущерб таежным и тундровым промыслам, северному оленеводству, оторвала подростков от занятий предков, навыков и обычаев традиционного природопользования. Были утрачены уникальные трудовые навыки, забыты местные обычаи и традиции, процветали поголовное пьянство и социальная деградация. Средняя продолжительность жизни представителей коренных малочисленных народов Севера сейчас составляет 42 - 45 лет (эскимосы Аляски живут в среднем 74 года). Практика хозяйственного освоения Азиатского Севера подтвердила правильность выводов К.Б. Клокова, что "научно-технический прогресс без гуманизма ведет к разрушению традиционной основы культуры любого народа и, в конечном счете, к экологическому кризису" [117].

Ренессанс социально-культурного состояния малых народов должен базироваться на формировании экологической культуры, важнейшего компонента культуры в целом, и возрождении (восстановлении на традиционной основе) морально-нравственного облика этноса. Свой вклад могут внести и обладающие огромной потенциальной возможностью традиционные для Сибири виды религий, народная охрана природы, концепция которой изложена в монографии А.И. Казанника [101].

Достаточно сложные вопросы о роли социокультурной (исторической) памяти в процессе вынужденного перемещения населения, о взаимодействии с инокультурной средой, частичной ассимиляции, адаптации, формировании неких анклавов, остающихся носителями традиций и культуры коренных малочисленных народов Севера, заслуживают специального анализа [225].

Перспективы развития хозяйственной культуры коренных малочисленных народов Севера неразрывно связаны с социально-экологической политикой в регионах их про-

живания. Целостность и системность достижения данной цели обеспечиваются решением следующих задач [230]:

- формирование у населения системы представлений о ценности природных ресурсов, об основных положениях стратегии устойчивого развития, о проблемах поддержания здоровья среды и т.д.;
- формирование гуманного отношения к природе, обеспечивающего психологическое включение животных и растений в сферу действия этических норм;
- освоение населением экологически безопасных способов природопользования;
- обучение людей умению осознанно использовать уникальный потенциал, который заключен в духовном общении с миром природы, для собственного личностного развития;
- формирование у людей потребности в активной личной поддержке идей устойчивого развития, рационального природопользования.

Необходимо систематизировать (классифицировать) историю освоения региона качественно, по ступеням развития конкретного природопользования как имманентных форм конкретно-исторических сущностей коренных малочисленных народов Севера: культура биологическая, этническая, социальная, ноологическая (интеллектуальная) с учетом периодизации пространственных форм человеческих сообществ, исследуемых в границах социального поля малых народов [108, 285].

Специфику хозяйственной культуры малочисленных народов Севера в перспективе можно выразить словами В.С. Соловьева: "Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой - оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного... Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни... В общей жизни человечества борьба с внешнею земной природой и покорение ее есть только необходимый переход, а не окончательная норма деятельности: нормальная деятельность здесь есть культивирование земли, ухаживание за нею, ввиду ее будущего обновения и возрождения" [280].

Культурно-цивилизационный контекст рассматриваемой проблемы освещен во многих публикациях, в частности, в монографии А.И. Киселева [114, с. 181 - 189], в ряде других [73, 77, 139, 168].

Реализация программ по формированию экологической культуры населения в целом и малых национальных групп не может быть эффективной без четкого представления о мировоззренческих позициях, на основе которых осуществляется соответствующая деятельность. В качестве мировоззренческой основы, определяющей стратегические ориентиры экологической культуры, отвечающей современным требованиям, может рассматриваться приобретающая все большую популярность в международном сообществе "новая экологическая парадигма", основные положения которой формулируются следующим образом [103, 230]:

- Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой и ныне живущих людей как ее неотделимой части, а не только "для следующих поколений". Все природное признается изначально самодостаточным, имеющим право на существование вне зависимости от "полезности или вредности" для человека, который не собственник природы, а часть экологического сообщества.
- Наличие разума налагает на человека особую экологическую ответственность, дополнительные обязанности по отношению к природе.

- Характер взаимодействия с природой определяется следующим положением: правильно и разрешено только то, что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие. Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы, на трансграничные хозяйственные процессы и оцениваются с помощью комплексного эколого-биосферного и социально-демографического анализа.

Ориентиры подобной системы мировоззрения, призванной элиминировать неопределенность долгосрочных целей, включают в себя такие факторы:

- экологическая целесообразность поведения людей;
- отсутствие противопоставления человека и природы;
- восприятие природных объектов как полноправных партнеров взаимодействия;
- баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой;
- учет региональной природной и этнической специфики;
- преодоление социально-классового, национально-этнического и конфессионального отчуждения;
- антропоэкологический мониторинг в системе управления развитием территории (среды обитания) коренных малочисленных народов Севера.

Известно, что в рамках так называемой "фронтальной экономики" не учитывались такие фундаментальные положения мегаэкологии, как *закон падения природно-ресурсного потенциала* и *закон снижения энергетической эффективности природопользования*, которые действуют и в приложении к концепции устойчивого развития малочисленных народов Севера. Преодоление такой ситуации под наивным лозунгом радикального крыла "зеленого" движения "Назад к природе" нереально, так как противоречит *закону исторической необратимости*, справедливому и для природных систем (*правило необратимости эволюции Л. Долло*). Гораздо продуктивнее решать на местах задачи экологической инженерии жизнеобеспечения [22, 34, 101, 138, 311].

В разработку мировоззренческих оснований программно-целевого подхода к развитию малочисленных народов Севера весомый вклад вносит экология человека - наука об антропоэкосистемах, их структуре, динамике, функционировании, информационных полях, пространственных границах, времени существования [241]. Модель антропоэкосистемы показана на рис. 2.

На графической модели антропоэкосистемы в центре находится общность людей (блок 1). Она взаимодействует с природой (блок 2), хозяйством (блок 3), населением (блок 4), частью которого эта общность является, и с социально-экономическими условиями (блок 5). Влияет на человека загрязнение окружающей среды (блок 6). Далее показаны характеристики общности людей: демографическое поведение (блок 7), экологическое сознание (блок 8), уровень здоровья (блок 9), профессиональные предпочтения (блок 10), уровень культуры (блок 11) и уровень образования (блок 12). Изменения в блоках могут быть как положительными, так и отрицательными. Детальное рассмотрение по блокам, выявление, анализ и оценка реальных проблемных ситуаций на различных территориях в результате воздействия факторов окружающей среды на жизнедеятельность и здоровье коренных малочисленных народов Севера и их демографическое поведение составляют суть антропоэкологического исследования.

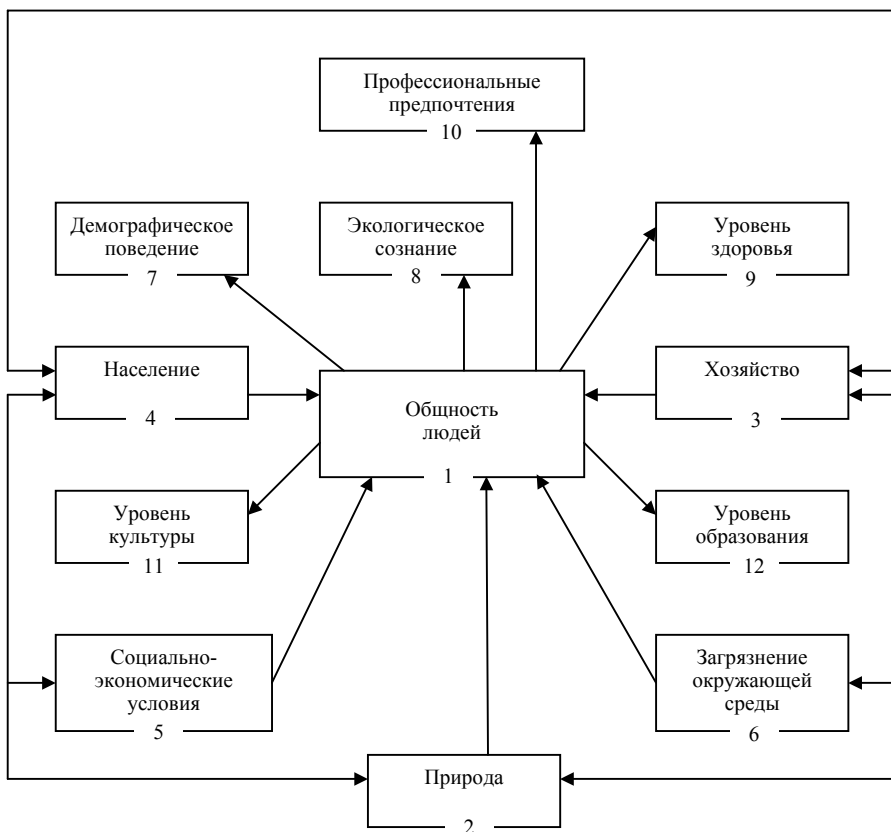

Рис. 2. Модель антропоэкосистемы [241]

Изучая общности людей (например, этническую - ханты Среднеобья среди всего населения Ханты-Мансийского автономного округа, входящего в Северообский антропоэкологический район России) во взаимодействии с окружающей средой на ограниченной территории, антропоэкология дает возможность выявления, анализа и оценки проблемных ситуаций с целью решения реальных практических задач [241]. Региональная антропоэкология Сибири включает в себя эколого-гигиенические оценки потенциала природной среды, разрабатывает социально-географические и демографические критерии оценки ситуации в местах проживания коренных малочисленных народов Севера, дает эколого-гигиенические прогнозы, например, в связи со строительством магистральных трубопроводов на севере Западной Сибири [258].

Необходимо упомянуть в связи с рассматриваемой проблемой об интегративных тенденциях в решении проблем коренных малочисленных народов. Они связаны с такими известными понятиями, как "Северный дом", "Северное измерение", "Северный Исследовательский Форум - Northern Research Forum" и другие, которые призваны обеспечить конструктивный диалог между исследователями, политиками, руководителями бизнеса, лидерами национальных и территориальных общин, менеджерами ресурсопользования, представителями государственных и общественных организаций, культуры и образования стран и регионов Севера. Северяне должны определять свои перспективы на уровне мировых организаций, интернациональных научных объединений [265].

При рассмотрении этого вопроса необходимо коснуться проблемы, связанной с дивергентностью и конвергентностью - явлениями, характеризующими многие механизмы функционирования коренных малочисленных народов Севера. Их объединение на общей межнациональной идее по принципу принадлежности к категории "малочисленных" этносов позволяет развернуть в свою пользу материальные и финансовые потоки. Они же выступают и как конвергентные системы, когда действуют в межнациональном межгосударственном масштабе и перестраивают управление геополитической машиной в свою пользу.

В потоках цивилизаций в современном многополюсном мире все большее значение приобретают социально-технические информационные системы, которые становятся решающей силой социально-биосферной, планетарной эволюции [104]. Переход цивилизации в постиндустриальную формацию привел к перегруппировке стран на информационно развитые (их 40) и отсталые (160). Россия, проигравшая информационную, или консциентальную (связанную с преобразованием ценностных установок общества при распаде СССР), войну, оказалась в конце списка [93, 94]. Коренные малочисленные народы Севера, находящиеся в эпицентре экологических проблем, репродуктивного дефицита, дисимметрии знаний и даже "аккультурации" [116], пребывают и в глубоком информационном кризисе. Обсуждения их проблем отстают от понимания остроты ситуации [29, 68, 128, 130], а принимаемые тактические решения лишь смягчают угрожающий фазовый (бифуркационный) переход [122, 124].

Информатизация системы образования коренных малочисленных народов Севера имеет целью подготовить обучаемых к полноценному и эффективному участию в бытовой, общественной и профессиональной областях в условиях информационного общества. Достижение данной цели обеспечивается решением задач, непосредственно связанных с системой образования, таких, как повышение качества, доступность, рост уровня образованности, непрерывность образования на протяжении всей производственной деятельности, интеграция локальной системы образования в региональную, общероссийскую, мировую. Об этом еще будет сказано ниже.

Положение об охране прав и свобод человека закреплено в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей, что "Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека". Статья 2, в свою очередь, указывает, что "человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства". Выдвигаемое на этой основе положение, что важнейшей (главной) функцией государства в цивилизованном обществе может и должна стать охрана интересов человека и защита его прав, применительно к России воспринимается как высокая, но пока труднодостижимая цель [225].

Вышеуказанные конституционные принципы положены в основу экологических прав, сводимых к праву на жизнь в благоприятных природных условиях, что и отраже-

но в ст. 42 Конституции РФ. Из дифференциации этих прав следует обязанность государства обеспечивать следующие требования его граждан:

- поддержание природной среды в состоянии безопасном, комфортном для здоровья и социального благополучия живущих людей и будущих поколений;
- своевременное и полное информирование населения о качестве природной среды и о реальных или вероятных угрозах для людей со стороны природы;
- предоставление гражданам достаточных возможностей пользования природной средой, природными объектами и ресурсами для удовлетворения разнообразных потребностей жизнеобеспечения;
- предоставленная общественности возможность своевременно оценить и прекратить любую человеческую деятельность, угрожающую опасными изменениями природной среды;
- возможность получить достаточную помощь и компенсации в случае возникновения конфликтных ситуаций и реального наступления неблагоприятных экологических последствий.

Экологические права коренных малочисленных народов Севера имеют специфические особенности, которые надо знать и учитывать в практической деятельности [120, 288, 340]. Они заслуживают специального анализа с учетом того факта, что окружающая природная среда является общим условием жизни населения всего региона, поэтому требование благоприятной среды практически не может быть реализовано для отдельных личностей или малых групп. Кроме того, критерии благоприятной среды по необходимости носят официальный обобщающий характер и не ориентируются на самочувствие отдельных личностей, которое отличается большим разнообразием и индивидуальными обстоятельствами. Наконец, экологические права малых народов часто вступают в противоречия с некоторыми другими экономическими, политическими и социальными правами граждан, могут вызвать непомерные расходы общества, экономические трудности, безработицу. Отсюда неизбежность компромиссов, а зачастую и реальное нарушение экологических прав, чему есть немало примеров во всех северных регионах.

В России при подготовке к Всемирному саммиту по устойчивому развитию в Йоханнесбурге отмечался прогресс в этой сфере, усилили свою деятельность природоохранные и экологические структуры. Развиваются новые инициативы, имеются определенные успехи в формировании средозащитной политики, законодательстве, образовании, просвещении населения. Но спустя 10 лет после Конференции в Рио устойчивое развитие все еще является нормой фактически во всех регионах. Экономическое развитие в России базируется на росте природоэксплуатирующих секторов в отраслях экономики, что ведет к крупномасштабному истощению природных ресурсов и росту загрязнения окружающей среды. Осознание взаимосвязи экологических, экономических и социальных проблем недостаточно, уровень понимания идей устойчивого развития большинством населения и лицами, принимающими решения, невысок.

Невозможно не замечать и замалчивать призыв мирового сообщества к России все-речь заняться сохранением окружающей среды и рациональным использованием имеющихся ресурсов. Необходим переход от ведомственной политической идеологии к экологической культуре, нужна новая система принятия экологически значимых решений, опора на развивающуюся сложно дифференцированную систему российской экологии [34, 138, 230]. Тезис об учете экологического фактора в практике природопользования указывает на подчинение экологии экономике, в то время как концепция устой-

чивого развития ориентирует на паритет экологических, экономических и социальных ценностей общества [121, 126, 155, 217, 257].

Один из главных приоритетов экологической политики - движение от федерально-центра к регионам. Оно включает в себя поддержку в разработке правовых документов, которая начиналась в регионах, проведение экспертизы их экологического законодательства [197]. Управленческая и правоприменительная практика дает массу примеров того, как в сферах охраны окружающей среды и природопользования пересекаются самые разные интересы, которые с точки зрения государственного устройства имеют федеральный, региональный или местный масштаб. Реформирование системы государственного управления затрагивает сферу разноплановых экологических интересов и приобретает большую остроту в местах компактного проживания малых народов. Оценка природных ресурсов в таких районах может стать важным этапом для создания международно совместимой системы экономического и экологического учета на уровне локальном, субъектов Федерации и на федеративном уровне. Инициатива в этом должна принадлежать регионам, прежде всего заинтересованным в разработке стратегии и программ устойчивого развития.

Мировая практика свидетельствует о возрастании активности правительств и международных финансовых организаций, стимулирующих инвестиции в природоохранные и ресурсные проекты. С учетом отдаленных экологических последствий инвестиционных решений необходима поддержка экологически значимых проектов, ориентированных на решение долгосрочных целей, совместимых с принципами устойчивого развития. Однако оценка акций подобных компаний неизбежно занижена по сравнению с акциями компаний, нацеленных на сиюминутную прибыль. Для большинства инвесторов определяющим мотивом остается доходность вложений, а методы бухгалтерского учета и аудита пока не дают возможности адекватно оценить деятельность компаний по снижению экологических рисков, которая могла бы стать дополнительным активом, повышающим деловую репутацию и курсовую стоимость акций [292, 333].

Преодоление этого препятствия - в создании в регионах условий для развития экологически ориентированного предпринимательства как хозяйственной основы устойчивого развития. Путь лежит через стимулирующую такое развитие налоговую, кредитно-финансовую, страховую политику, унификацию стандартов со стороны государства (центральной и местной власти), заемные средства отечественных и иностранных банков, а также ответные меры со стороны предприятий по внедрению соответствующих требованиям устойчивого развития менеджмента и его подготовки (экоаудит, обучение, информация и т. д.).

Например, специфика Ханты-Мансийского автономного округа как субъекта Федерации в течение последних десятилетий определяется преобладанием интенсивной добычи невозобновляемых природных ресурсов, притоком населения из других регионов и уменьшением доли коренных малочисленных народов. Сохранение их самобытности, культуры, традиционной хозяйственной деятельности, экономической самостоятельности и окружающей природной среды является приоритетом устойчивого развития, стержнем региональной экологической политики. Этноэкологический фактор должен учитываться при разработке макроэкономической стратегии региона с самого начала процесса планирования инвестиционных, экономических и хозяйственных решений [122, 185, 197, 281, 283, 306].

Необходимость исследования территориальных образований, пространственно локализованных сред, включающих мир человека, мир общества и мир природы, требует специального подхода, изучения их как совокупности процессов и явлений личностно-

го, общественного и природного характера, объединяемых временем и определенными границами [157]. Этот проблемно-объектный уровень исследования, оказавшийся продуктивным при изучении территориальной дезинтеграции, национально-этнических отношений, средовых ситуаций и разрушающего регулирования в политике этнического выживания малочисленных народов, также является компонентом стратегии устойчивого регионального развития.

Исследование антропоэкологических проблем территориальной организации жизни населения раскрывает многие стороны существования людей в условиях мало комфортной природной среды с ее возрастающим техногенным загрязнением. Под таким углом зрения рассматриваются проблемы территориальной организации населения (расселение, размещение населенных мест), хозяйственной и рекреационной деятельности, роль региона в функционировании геосистем [258]. Особое место в них принадлежит социоэтническим отношениям малочисленных народов [57].

Интегрирующие компоненты сохранения малых народов определяются через такие понятия: природная среда, духовная культура, традиционное природопользование. Огромный регион, включающий в себя Север европейской части России, Сибирь и Дальний Восток, находится в неустойчивом состоянии, а положение коренных малочисленных народов можно назвать кризисным. Эта ситуация складывалась десятилетиями и сейчас достигла пика [56, 321]. Направления научного поиска для устойчивого развития малочисленных народов Севера включают:

- социально-философское обоснование стратегии устойчивого развития;
- разработку принципов устойчивого регионального развития;
- эколого-экономический учет и специальное финансирование в региональном развитии;
- денежные оценки природных объектов и ресурсов с учетом экологического фактора на локальном уровне;
- прогноз динамики природного капитала на базе ресурсно-географического анализа;
- развитие гуманизированных и экологизированных подходов к оценке природных ресурсов, их перевод из чисто экономической сферы в область региональной экополитики;
- оценку социально-экономической значимости особо охраняемых природных территорий;
- устойчивое развитие местных сообществ;
- становление гражданского общества и действенной практики местного самоуправления.

Еще одним приоритетом национальной экологической политики России, направленной на достижение устойчивого развития, является повышение ценности природных ресурсов, активного использования каждым человеком не только материально-утилитарных, но и духовно-психологических ценностей природы для личного развития и самосовершенствования через целенаправленное формирование экологической культуры всех категорий населения [18, 345, 347, 348, 365].

Инструменты и институты формирования экологической культуры требуют профессионального и научно-методического обеспечения, широкой социальной направленности и экологизации всей системы образования [337]. Усиление роли гуманитарных аспектов в методике формирования экологического сознания населения является одним из приоритетов национальной образовательной политики. Региональное преломление этой проблемы на социокультурной основе показано в специальной монографии [57].

Индикатором эффективности экологической политики становится **"здоровье"** среды, поддержание которого можно назвать научной проблемой. Это единственный путь сохранения баланса между интересами хозяйственной деятельности и обеспечением экологической безопасности, здоровья человека, выживания будущих поколений. Появляется уникальная возможность для формирования национального консенсуса разных национальных групп и слоев общества в обеспечении всевозрастающей ценности, в том числе экономической, не только природных ресурсов, непосредственно вовлеченных в производство, но и всего природного богатства, включающего биоразнообразие и здоровье среды [34].

При разработке методов интегральной оценки "здоровья среды" возрастает роль концепции риска, увязывающей здоровье среды, здоровье человека и приоритеты экологической политики. Выявление "рисковых" приоритетов означает переход к активной природоохранной стратегии, обеспечивающей благополучие и здоровье человека. Динамическое изменение приоритетов финансирования является действенным механизмом системного природопользования, целью которого является устойчивое развитие регионов.

И еще один компонент, заслуживающий особого внимания при разработке научных основ развития регионов и местных сообществ. Социальная общность, также выступающая как важнейшее условие устойчивого развития, может реализоваться только при наличии адаптационных ресурсов, то есть качеств и черт, которые облегчают приспособление к активно проходящим изменениям. Среди них доминантами являются как социально-экономические характеристики (образование, наличие стартового капитала, уровень профессионализма), так и социально-психологические (целеустремленность, активность, предприимчивость, коммуникабельность). Их внедрение в этническое сознание малых народов становится реальным инструментом оптимизации социэтнических отношений [56].

Глава 3. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Отношения взаимосвязи и взаимозависимости определяют сущность бытия всех видов социальных сообществ, в том числе этнических. Состояние общества на макро- и микроуровнях определяется возможностью исчезновения или деградации структурных элементов системы. Невнимание к этническим сообществам как элементам социетальной (общественной) системы может вызвать процессы и явления, опасные для существования целого. Понятие "малочисленные народы", принятое международным сообществом и используемое в сравнительном, отличительном смысле, не означает меньшего к ним интереса, а скорее наоборот, - большего, как к чему-то этнически уникальному, редкому.

Среди принципов интенсивного развития, характерных для высокоразвитых стран, выделяется условие многовариантности моделей экономического поведения, сосуществования интересов, связей, культур социальных сообществ и групп. А. Печеня включает культурное разнообразие в число условий выживания и прогресса человечества. Подобно тому, как биологический плюрализм и дифференциация способствуют стойкости природных систем, этническое, культурное, политическое и экономическое разнообразие обогащают человеческие системы.

Анализ жизнедеятельности и перспектив развития северных народов традиционно проводился в двух аспектах: этнический подход учитывал уникальность и неповторимость членов сообщества, а социальный конкретизировал внимание на общих с другими нациями и народностями проблемах жизнеобеспечения.

Использование в недалеком прошлом идеологизированных метафор расцвета наций и народов и их интернационального сближения привело к нивелированию культур и к господству официально-пропагандистской субкультуры, которая подменяла реальную культуру. Расцвет и сближение в действительности не обозначали и не вскрывали противоречия культур, а лишь маскировали их [16, 26, 33, 351, 363].

Народы Севера психологически и экономически связаны с традиционным землепользованием, а регулятором их жизнедеятельности выступает традиция. Культурная экспансия размыла это состояние, сформировав, с одной стороны, авангардные (в смысле европейской цивилизации) слои, а с другой - маргинальные. Социально-этническая система стала неустойчивой, переходной, вызванной внутренними кризисными причинами и вторжением более развитых культур. Маргинальность как духовное состояние чаще всего сопровождается утратой корней духовности, когда люди становятся безразличными к своим и чужим ценностям, легко порывают с традицией, составляют мобильную основу для хозяйственной экспансии [1, 28, 44, 57, 70, 109, 163, 242, 256, 322, 326].

Л.Н. Гумилев рассматривает этносы как явление, лежащее на границе биосферы и социосферы во взаимодействии с вмещающим ландшафтом и имеющее весьма специальное назначение [58]. Согласно его представлению о пассионарности, энергетике этносов северные народы находятся на грани нарушения гомеостаза, в ходе которого происходит депопуляция населения, падает хозяйственная активность. Среди вероятных исходов - либо распад и исчезновение этносов, либо восстановление через воспроизводство условий возрождения. Этап гомеостатического равновесия у северных народов был пройден, когда состоялась встреча с более развитой культурой, приведением системы жизнедеятельности в неустойчивое состояние, о чем свидетельствуют медицинские, социологические и этнографические исследования.

Мощным экзогенным фактором развития этносов является культура освоения Севера. Она привела к таким факторам, как рост числа смешанных браков, незнание своего этнического прошлого, затруднения при идентификации себя в рамках одного этноса, утрата для многих таких этнических определителей, как территория, язык [78, 91, 164]. В массовом масштабе в районах нового освоения наблюдается утрата знаний и потребностей такого устойчивого элемента культуры, как традиция. Элементы традиционной этнической культуры остаются невостребованными прежде всего молодежью, которая в силу специфики ее социально-психологического и даже биологического факторов наиболее восприимчива к инновациям. А это означает обрыв связей при передаче основных элементов традиционной культуры от поколения к поколению, элементарное невежество в данной области. В развитых странах, осваивая исторически чужие ценности, нормы, элементы культуры, молодежь заменяет стремление к сохранению национальной идентичности сохранением культурной самобытности.

Для развития коренных малочисленных народов необходимо время, в течение которого социокультурная система способна научиться гасить внешние воздействия, аккумулировать их в собственную культуру, придавать новым явлениям привычную форму, усвоить их за счет механизма социального метаболизма или адаптации. Поскольку тесная зависимость северных народов от природы ослабляется за счет потенциальных возможностей технических средств, новых технологий, то возврат к традиционной структуре не может происходить в прежней форме, когда житель Севера мог опираться только на клановую взаимопомощь и собственную стратегию выживания в экстремальных условиях.

Недостаточно исследована, применительно к малым народам, проблема допустимого социокультурного вмешательства. Ставится вопрос о мере и способности малого этноса усвоить и переработать воздействие без разрушения структурной целостности. Выбор между открытостью и относительной закрытостью - это выбор одного из двух сценариев развития. Пока что открытость обозначила тенденцию распада и исчезновения этносов, выражаемую в показателях алкоголизма, рождаемости, смертности, маргинализации. У малочисленных народов, которые не живут в изоляции, речь может идти только об относительной закрытости.

Актуальной задачей является обретение северным этносом динамической устойчивости. Главным направлением является ревитализация традиционной культуры, но не буквальное следование многовековому образу жизни, а восстановление традиций этнического природопользования на более высокой технической основе с сохранением духовных ценностей.

В 1995 г. Государственная Дума приняла федеральный закон "Основы правового статуса коренных малочисленных народов России" (не подписан президентом), в 1996 г. принят федеральный закон "Об основах государственного регулирования соци-

ально-экономического развития Севера Российской Федерации". При некоторой разнице их названий в них устанавливается правовой статус малочисленных народов, в том числе северных: это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. И только 9 августа 2002 г., в День коренных малочисленных народов, президент В.В. Путин подписал закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока".

Значительно сложнее выглядит реальная субъектность северных народов. Центральной проблемой здесь является обеспечение особого режима природопользования [24, 46, 86, 116, 190, 193, 243, 260]. Существующая практика компенсации только владельцам родовых угодий приводит к преднамеренному расщеплению экономической субъектности. Она касается не народа в целом, а лишь малой его части (например, в Ханты-Мансийском автономном округе это 10% коренного населения).

В.М. Куриков в связи с этим отмечает: "Приобретение хотя бы минимальной финансово-экономической независимости позволит малочисленным народам стать равноправным субъектом любых отношений, а главное, самим определять свою дальнейшую судьбу, не подстраиваться под концепции, приходящие со стороны и имеющие тенденции к постоянному частичному, а то и полному изменению в зависимости от изменений в социально-политической ситуации в обществе и ресурсных возможностей страны" [150, с. 74].

Говоря об экологических аспектах проблемы, сошлемся на мнение экологов. А.И. Таскаев, директор Института биологии Коми научного центра УрО РАН, подчеркивает: "Важнейшим и необходимым условием устойчивого развития северных регионов России является смена сложившейся концепции природопользования. Эксплуатационная модель природопользования, господствующая до настоящего времени, по мере развития производительных сил входит во все большее противоречие с природообразующей и жизнеобеспечивающей функциями тайги и тундры - главных ландшафтообразующих факторов этих регионов. Экономическая самостоятельность субъектов Российской Федерации, экологическое благополучие и сохранение элементов исторически сложившегося уклада жизни, в том числе финно-угорских народов, в XXI в. будут зависеть от успешного решения проблемы комплексного использования, охраны и воспроизводства природных ресурсов" [297]. А.И. Таскаев излагает программные аспекты переориентации хозяйства на Севере:

- переход от покорения к сотворчеству человека и природы на основе передового международного опыта и местных традиций коренного населения;
- признание в качестве приоритетной в условиях Севера природостабилизирующей, а не ресурсной роли лесов;
- переход от ресурсодобывающей политики к комплексному использованию территориальных сочетаний природных ресурсов, политике обживания северных территорий;
- отказ от разрушительных энерго- и трудозатратных технологий освоения природных ресурсов;
- минимизация антропогенного вмешательства в наиболее уязвимых ландшафтах Севера;
- разработка зональных и районных нормативов антропогенной трансформации таежных и тундровых ландшафтов с ограничением промышленного освоения территорий в местах традиционных промыслов коренного населения с учетом особого экологического и социального значения лесных и тундровых экосистем;

- разработка многоцелевой автоматизированной системы регионального и локального контроля над состоянием окружающей среды и возобновимыми природными ресурсами;

- законодательный учет мнения местного населения при освоении месторождений и размещении новых производств [297].

Северное хозяйствование в регионах России, его своеобразие во всех аспектах, прежде всего экономических и эколого-географических, концептуальные основы сбалансированного освоения природно-ресурсного потенциала, которые в любом случае затрагивают интересы малых народов, освещены в публикациях [32, 81, 137, 192, 217, 232, 267, 300, 325, 327, 332].

Малочисленные народы Севера могут выступать адвокатами природы и отстаивать интересы "кормящего ландшафта" как через общественное мнение, так и с помощью аргументов стоимости и прибыли. Приведем рассуждения известного западного ученого Ф. Сен-Марка: "Ввести богатства природы в мир экономики и количественных показателей - такова для нашей цивилизации единственная возможность выжить; таков единственный способ заставить плановиков, политиков и техников заметить, что защита природной среды не является "роскошью", а имеет свою стоимость и рентабельность и что нематериальные издержки любого экономического решения должны быть тщательно взвешены" [56].

Ф. Сен-Марк подчеркивает, что экономика природы оперирует теми же понятиями, что и экономика материальных благ: капитал, производство прибыли, потребление, стоимость. Капитал - это количество наличного естественного пространства на данной территории, величина которого уменьшается, если часть его отводится под застройку, и увеличивается, если застроенную часть преобразуют в фитоценоз или водоем. Этот капитал производит прибыль, которая представляет собой удовлетворение биологических, эстетических и научных потребностей. Потребление - это пользование биологическими, эстетическими или научными "прибылями", получаемыми от природы. Потребление зависит как от размеров этих "прибылей", так и от возможностей доступа к естественному пространству. Наконец, стоимость естественного пространства измеряется, прежде всего, объемом потребностей, которое оно удовлетворяет [56]. Эти воззрения перекликаются со взглядами многих ученых в области экономики и экологии природопользования [39, 40, 55], с развитием предположений о природной и экологической ренте [201, 333]. Известный специалист по вопросам освоения Севера Г.А. Агранат давно указывает на несовершенство методик исчисления ущерба северной природе, отсутствие компенсаций за потерю огромных пространств Арктики, ландшафты которой восстанавливаются крайне медленно или совсем не восстанавливаются [5, 6, 234, 254].

Интенсивное промышленное развитие Севера, по существу, разрушило среду обитания и сложившуюся практику развития традиционных отраслей хозяйствования как основной формы деятельности коренных малочисленных народов Севера [99, 115, 217, 325, 326]. Идет масштабная деградация ландшафтов, выведение их из стабильного природного состояния. Под разработку месторождений постоянно резервируется около 50 тыс. га земли в расчете на месторождение, а в целом по Ханты-Мансийскому автономному округу под лицензионными участками добычи зарезервировано более 11 млн га земельных участков или около 21% от его общей площади. Расчеты, выполненные по 235 участкам нефтедобычи, свидетельствуют, что к категории нарушенных земель следует отнести территорию 10885,8 км², что составляет 2,04% площади округа. В соседнем, Ямало-Ненецком, округе данные по нарушенности близки к названным. Все это порождает значительные этносоциальные проблемы. Кроме того, 60% объектов

нефтедобывающего комплекса являются объектами повышенного риска, официально сообщается лишь о малой части аварий, скрывается реальный ущерб, наносимый природе. Искажение информации о действительных размерах аварийных разливов загрязняющих веществ и сокрытие самих аварий имеют массовый характер и препятствуют объективной оценке воздействия нефтедобывающего комплекса на окружающую среду [37, 38, 339]. Э.И. Валева и соавторы пишут: "Можно с уверенностью утверждать, что именно ухудшение экологии, а не экономические и социальные факторы в первую очередь влияют на разрушение культуры коренных народов Обского Севера" [37, с. 84].

В равной мере это относится и ко всем другим отраслям, развитым на Севере - цветной металлургии, газодобывающей, лесоперерабатывающей, алмазной, золотодобыче, водному и трубопроводному транспорту и т. д. [6, 15, 32, 234, 300]. По данным федеральной целевой программы "Экономическое и социальное развитие малочисленных народов Севера до 2000 года", на 1 января 1996 г. по сравнению с 1 января 1991 г. стадо оленей сократилось на 600 тыс. голов, на 50% уменьшились добыча пушнины и морского зверя, продуктивность охотничьих угодий, в 7 раз уменьшился улов рыбы. Негативные последствия промышленного освоения, в том числе нефтяного бума 60 - 70-х гг., привели к свертыванию традиционных занятий, сокращению доли занятого в них аборигенного населения. Развал Советского Союза усилил многие негативные процессы на Севере, о чем свидетельствуют многие источники [44, 91, 110, 115, 232].

По данным [256], экспертные оценки абсолютно всех аспектов жизни коренных малочисленных народов Севера в 1993 г. были сверхпессимистичны, что резко отличало их от ранее публиковавшихся данных чиновников и апологетов "ленинской национальной политики" [3, 351, 355]. Анализируя данные экспертов по вариантам будущего решения проблем малых народов, таким, как закрытие отдельных территорий (74% экспертов), создание национальных органов власти (47%), запрет промышленной деятельности в местах проживания (43%), запрет въезда на территории малых народов некоренных граждан (36%), усиление прав местной власти, авторы публикации высказали большие сомнения в успешности создания в ближайшем будущем правового механизма возрождения малых народов [256]. В соответствии с известным законом Меррилла, который гласит: "В жизни нет победителей - есть только выжившие", можно сказать, что в СССР, стране "победившего социализма" среди малых народов были только выжившие.

Безусловно, исторические интересы коренных жителей во многом противоположны экономическим интересам пришлых. Однако их поведение не агрессивно, поскольку экспансия по природе не свойственна их образу жизни, поведению. Поэтому что при социализме, что при нарождающемся капитализме задача северных этносов состоит и во включении в пришлый мир с неизбежной внутренней трансформацией, и в сохранении по принципиальным позициям своих сущностных характеристик [140, 262, 266, 274, 289].

Необходимо особо подчеркнуть, что так называемый формационный подход к развитию малочисленных народов Севера не учитывает отдаленных последствий разрушения традиционного хозяйства этих народов. Уже говорилось, что в случае исчезновения народов Севера, их хозяйственных традиций неминуемо нарушатся естественные механизмы регулирования и восстановления равновесия природной среды. Традиционное природопользование, являющееся одновременно образом жизни северных этносов, не может быть товарным и существует в условиях простого воспроизводства; введение рыночных механизмов для него означает разрушение основ жизнедеятельности коренных народов. Уникальность их систем жизнеобеспечения требует рассматривать их как

часть общемировой культуры, древний и успешный опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. "Человечество делится на две неравные категории. Большинство, т. е. техногенное население, живет по формуле: "человек - техника - ущерб природе". Вторая, меньшая часть, - это аборигенные народы, у которых формула жизни: "природа - человек - природа". В этой формуле отсутствуют две вещи: техника и ущерб природе" [331].

Статус коренных малочисленных народов Севера как хранителей территории соответствует движению цивилизации к тому, что называется ноосферным обществом, поскольку его основные параметры легко укладываются в их статус и перекликаются с традиционным этническим природопользованием. Его можно назвать, например, статус "Торум" - на языке манси это Мир, Вселенная, все, что окружает человека, включая и его самого. Северным народам есть что предложить миру: уникальные технологии выживания в экстремальных условиях, опыт консенсуальных отношений, экологизацию хозяйственного мышления, жизнестойкость, простоту и доверительность в межличностном общении, воспитании и социальном управлении.

В этом разделе только обозначены параметры научной разработки проблем социального статуса малочисленных народов Севера. Анализ механизмов повышения статуса включает определение положения этносов как земле- и недродержателей (экономический аспект) [46, 96, 120, 284, 326], прав общин при регулировании конфликтов, связанных с освоением северных территорий (юридический аспект) [101, 102, 175, 273], объема ролевых функций (организационно-методический аспект) [23, 75, 147, 215].

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧНОСТИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Термины "этнос" и "этничность" существуют в литературе с начала XX в. Имена С.М. Широкогорова, Л.Н. Гумилева, Ю.В. Бромлея, В.П. Алексеева, Т.И. Алексеевой известны всем, кто касался проблем этнографии, антропологии, адаптации человека, географии населения, языкознания, культурологии и других наук [12, 14, 33, 335, 356, 358, 363]. Изучению биологических начал в этносе, этногенезу, этническим процессам, социальным общностям, самосознанию этносов посвящено достаточно работ [14, 27, 98, 119, 347, 357]. Имеется специальный труд по арктической этнологии [144].

В отечественной науке этносы рассматриваются как социальные общности, объединения людей, которые возникают и формируются на основе их культурно-исторической самобытности, родственных связей, сходства стадий жизненного цикла или различаются по территориально-региональным и профессионально-квалификационным признакам. Этнические группы от всех других обществ отличаются набором культурных атрибутов, в числе которых название или самоназвание (этноним), общее происхождение, историческая память. Сюда же входят такие культурные черты, как обычаи, ремесла, общественные институты и наиболее значимые культурные компоненты - язык, религия, привязка к исторической территории, поведенческие особенности, пища и т. д. [268, 274, 359]. Всего на территории Сибири и Дальнего Востока выделяется 16 национальных групп, которые объединяются в 9 языковых: тюркская (якуты, тувинцы); монгольская (буряты); тунгусо-маньчжурская (эвены, эвенки); финно-угорская (ханты, манси), самодийская (ненцы, селькупы), чукотско-камчатская (чукчи, коряки, ительмены), эскимосо-алеутская (эскимосы), изолированная (нивхи), славянская старожильческая (русские, украинцы, белорусы) [246].

Этничность рассматривается как совокупность особых, пространственно локализованных адаптаций человека, природы, общества, ощущаемых и поддерживаемых как этнические ценности. Она живет, изменяется, распадается в зависимости от состояния и перемен. Этничность поддерживает устойчивость среды и, как правило, сопротивляется ее распаду [157]. Особый интерес представляет специфика северной этничности. Как указывают В. Лексин и Е. Андреева, для большинства народов мира этническое - это поведение и отношения, этническое сознание. Их благосостояние строится на интерэтнических и внеэтнических основах, пространственно локализованные среды их обитания все более стандартизируются, межсредовые перемещения все менее болезненны (вспомним глобализацию, транснациональные корпорации, единую Европу и т. д.). А вот малочисленные народы Севера предельно этничны, предельно адаптированы средой, этническое выживание для них - это выживание как таковое. Для них этническое - это и хозяйствование, и поведение, и общение, оно в равной степени определяет этнобытие и этнознание. Малочисленные народы Севера, подчеркивают авторы, - неотъ-

емлемая, нерасторжимая часть северной среды, разрыв с которой чреват гибелью для обоих [157].

Другой важный аспект проблемы - в возросшей активности самоидентификации. Внутри России за последнее десятилетие резко возросло количество народов, которые желают подчеркнуть свою особость и национальную (этническую) идентичность. По данным микропереписи 1994 г., в России было обнаружено 172 самоназвания народов - на 45 больше того количества этнических групп, которое было зафиксировано в ходе переписи 1989 г. [206, 207].

С другой стороны, зафиксированы значительные изменения в численности этнических групп, и прежде всего сокращение численности коренных малочисленных народов Севера. Детальный анализ этого процесса проведен Э. Паиным [207]. Он указывает, что сокращение в рассматриваемый период затронуло большинство этнических общностей, даже имеющих собственные национально-территориальные образования (округа). Исключение составили только долганы и эвенки (их общая численность в России практически удвоилась). Масштабы сокращения неодинаковы: от 50% и выше у ненцев и чукчей до 10% у хантов. Учитывая незначительные размеры оттока представителей коренных малочисленных народов Севера с территорий традиционного расселения, автор утверждает, что сокращение их численности в основном обусловлено естественной убылью (превышением смертности над рождаемостью) и, в меньшей мере, ассимиляцией с другими, более многочисленными народами. Естественная убыль, в свою очередь, во многом является следствием растущих трудностей в адаптации представителей этих этнических общностей к новым политическим и экономическим условиям в постсоветской России, что подчеркивается во многих других публикациях [44, 256]. Переход к рыночным отношениям, уменьшение государственного вмешательства в регулирование занятости и доходов, значительное сокращение в начале 1990-х гг. государственных социальных программ, льгот и других видов помощи - все это оказалось достаточно болезненным для большинства населения страны. Однако наиболее труднопереносимым этот процесс оказался для народов, проживающих в экстремальных экологических условиях и сохраняющих многие черты традиционного уклада [1, 60, 71, 115, 250, 266, 364].

Новые социальные условия, подчеркивает Э. Паин, выявили неэффективность такой формы национально-территориальных образований, как автономные округа, которые специально создавались в 20-х гг. минувшего века для обеспечения социального патронажа над коренными малочисленными народами. Доказательством малой пригодности округов для выполнения этих функций может служить то обстоятельство, что сокращение численности титульных наций происходило на территории большинства округов (за исключением Долгано-Ненецкого), причем даже интенсивнее, чем за их пределами. Весьма типичная ситуация наблюдалась, например, в динамике численности эвенков. В специально созданном для их этнического самосохранения Эвенкийском автономном округе численность эвенков сократилась на 9%, тогда как в целом по России возросла на 82%. Явление это вполне объяснимо: в нынешних условиях автономный статус округов зачастую используется пришлым этническим большинством для того, чтобы бесконтрольно, не оглядываясь на федеральный центр, эксплуатировать природные ресурсы данных территорий. И эти экстенсивные, нарушающие традиционное природопользование формы хозяйствования острее, чем где бы то ни было, вступают в противоречие с интересами коренных малочисленных народов.

Каковы официальные данные по численности коренных малочисленных народов Севера? Часть их приведена в табл. 1. Видимо, до подведения итогов переписи населения остается руководствоваться косвенными или ориентировочными сведениями: в Рос-

Таблица 1

Коренные малочисленные народы Севера и Сибири

Название	Численность по переписи 1989 г.	Численность по другим источникам	Основные регионы расселения
1	2	3	4
Ненцы	34190	40000	Север России
в т. ч.	558		Тюменская область (УФО)
	20917		Ямало-Ненецкий авт. округ
	1144	994, 1366	Ханты-Мансийский авт. округ
	755		Архангельская обл. (СЗФО)
	6423		Ненецкий авт. округ
	215		Красноярский край (СФО)
	2446	2470	Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ
Эвенки	29901	30200	Север Восточной Сибири
в т. ч.	14428		Республика Саха (Якутия) (ДВФО)
	858		Красноярский край (СФО)
	3480		Эвенкийский авт. округ
	311	295	Таймырский авт. округ
	3691		Хабаровский край (ДВФО)
	1679		Республика Бурятия (СФО)
	1617		Амурская область (ДВФО)
Эвенки		15902	Республика Саха (Якутия)
Эвены		10532, 17000	Республика Саха (Якутия)
		1919	Хабаровский край
Ханты	22283	22500	Север Западной Сибири, Урал
в т. ч.	3144		Тюменская область (УФО)
	11892	9541, 16694	Ханты-Мансийский авт. округ
	7247		Ямало-Ненецкий авт. округ
Шорцы	15745		Юг Западной Сибири
в т. ч.	12585		Кемеровская область (СФО)
	1207		Республика Хакасия
Чукчи	15107	14000	Север Дальнего Востока
в т. ч.	649		Магаданская область (ДВФО)
	11914		Чукотский авт. округ
	70		Камчатская область
	1460		Корякский авт. округ
		539	Республика Саха (Якутия)

1	2	3	4
Вепсы	12142		Карелия, Ленинградская и Вологодская области (СЗФО)
Нанайцы	11883	10585, 12000	Хабаровский край (ДВФО)
Коряки	8942	9000	Дальний Восток
в т. ч.	618		Камчатская область (ДВФО)
	6572		Корякский авт. округ
	918		Магаданская область
	95		Чукотский авт. округ
Манси	8279	8500	Западная Сибирь, Урал
в т. ч.	490		Тюменская область (УФО)
	6562	4887, 10022	Ханты-Мансийский авт. округ
	216		Ямало-Ненецкий авт. округ
		194	Свердловская область
Долганы	6854	7000	Западная и Восточная Сибирь
в т. ч.	444		Красноярский край (СФО)
	4939	4880	Таймырский авт. округ
	408	541	Республика Саха (Якутия)
Нивхи	4631	4600	Дальний Восток
в т. ч.	2386		Хабаровский край
	2008		Сахалинская область
Селькупы	3564	3600	Западная и Восточная Сибирь
в т. ч.	102		Тюменская область (УФО)
	1530		Ямало-Ненецкий авт. округ
	1347		Томская область (СФО)
	359		Красноярский край
		14	Ханты-Мансийский авт. округ
Ульчи	3173	3000	Юг Дальнего Востока
в т. ч.	2733		Хабаровский край (ДВФО)
Ительмены	2429	2000	Север Дальнего Востока
в т. ч.	262		Камчатская область (ДВФО)
	1179		Корякский авт. округ
	492		Магаданская область
	17		Чукотский авт. округ
Телеуты	3500		Юг Западной Сибири
в т. ч.		2200	Кемеровская область
		1300	Республика Алтай

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Удэгейцы	1902	1500	Юг Дальнего Востока
в т. ч.	766		Приморский край
	697		Хабаровский край
Саамы	1835	1900	Европейский Север
в т. ч.	1615		Мурманская область (СЗФО)
Эскимосы	1704	1700	Север Дальнего Востока
в т. ч.	79		Магаданская область
	1452		Чукотский авт. округ
Чуванцы	1384	1500	Север Дальнего Востока
в т. ч.	41		Магаданская область
	944		Чукотский авт. округ
Нганасаны	1262	850	Север Восточной Сибири
в т. ч.	240		Красноярский край
	849	820	Таймырский авт. округ
	14		Эвенкийский авт. округ
Юкагиры	1112	650	Север Дальнего Востока
в т. ч.	697	783	Республика Саха (Якутия)
	68		Магаданская область
	160		Чукотский авт. округ
Кеты	1084	1100	Север Восточной Сибири
в т. ч.	803		Красноярский край
	178		Эвенкийский авт. округ
Тофалары	722		Юг Восточной Сибири
в т. ч.	630	730	Иркутская область
Орочи	671	700	Юг Дальнего Востока
в т. ч.	499		Хабаровский край
	39		Приморский край
Алеуты	644	700	Север Дальнего Востока
в т. ч.	380		Камчатская область
	10		Корякский авт. округ
	61		Пермская область (УФО)
Негидальцы	587	502, 600	Хабаровский край
Ижорцы	449		Ленинградская область
Ороки	391	350, 500	Сахалинская область

1	2	3	4
Энцы	198		Север Восточной Сибири
в т. ч.	18		Красноярский край
	103	200	Таймырский авт. округ
Титульные (коренные) этносы Сибири			
Алтайцы		50 тыс.	Юг Западной Сибири, Алтай
Хакасы		63 тыс.	Хакасия
Тувинцы	198 тыс.	200 тыс.	Тува
Буряты	249,5 тыс.	417,4 тыс.	Забайкалье и Прибайкалье
Якуты	380,2	365,2 (410) тыс.	Север Восточной Сибири

сии 60 этносов численностью менее 50 тыс. человек; 8 народов насчитывают от 150 до 1000 человек и 12 - до двух тысяч. В "Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации", утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 названо 45 малых народов (без проживающих в Дагестане: эта оговорка сделана в документе). Из них на территории Сибири и Дальнего Востока обитают 40.

Важнейшим компонентом освоения территорий Севера является обеспечение жизнедеятельности коренных и малочисленных народов Севера, к которым по праву могут быть отнесены коренные обитатели южного горного обрамления Сибири и территорий юга Дальнего Востока: шорцы, телеуты, тофалары, нивхи, удэгейцы и другие. В этот перечень логично включить обладающие автономией "средние" по численности народы - алтайцев, хакасов, тувинцев, эвенков, проживающих на горных территориях с природно-климатическими условиями проживания, приравняваемыми к северным (табл. 1, составленная по данным [56, 67, 92, 113, 157, 216, 250]). Часть этих народов в силу сложных исторических, этносоциальных и экологических процессов оказалась на грани вымирания или ассимиляции. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в переписи 1989 г. не были выделены отдельно телеуты (Кемеровская обл., Республика Алтай - 3,5 тыс. человек, включены в число алтайцев), алторцы (Корякский авт. округ - 2 тыс. человек, включены в число коряков), чулымцы (Красноярский край, Томская обл. - 0,5 тыс. человек, включены в число татар или хакасов), тазы (Приморский край - 0,3 тыс. человек, включены в число удэгейцев), кереки (Чукотский авт. округ - 0,1 тыс. человек, включены в число коряков [157]). В указанную таблицу включены народы, проживающие только на Севере и в Сибири в широком смысле, от Урала до Тихого океана, в федеральных округах Северо-Западном (СЗФО), Уральском (УФО), Сибирском (СФО) и Дальневосточном (ДФО).

Основу табл. 1, как указывалось выше, составляют материалы переписи 1989 г., когда в списке малочисленных народов числилось 65 этносов. Кроме официальных данных переписи, в таблице на втором месте приведены оценочные и уточняющие материалы из литературных источников более позднего периода. Они показывают до-

вольно большие расхождения в исчислении отдельных национальных меньшинств, например, эвенков, ханты, манси и некоторых других.

Начинается таблица с ненцев, наиболее многочисленного, широко расселенного по Северу народа, и далее по убывающей. В переписи 1989 г. отсутствовали телеуты, в предлагаемой таблице они заняли свою нишу. Значительные различия в литературных и официальных данных связаны, например, с разделением этноса "эвенки" на эвенков и эвенов. Различие в количестве бурят связано с тем, что первая цифра относится к собственно Бурятии, вторая - ко всему ареалу их проживания. Перепись 2002 г. позволит уточнить эти оценки и выявить некоторые динамические тенденции в численности и структуре размещения коренных малочисленных и "среднечисленных" титульных народов. Данные о численности последних, для сравнения, приведены в нижней части таблицы. Эти материалы тем более интересны в условиях набирающего силу процесса идентификации и становления этнической идентичности, самоопределения и организованности в группах коренных малочисленных народов Севера. Первые результаты переписи-2002 показывают, например, что количество тофаларов (тофов) в Иркутской области незначительно выросло - если в 1989 г. их было 630, то в 2002-м - 654, рост на 4 %.

Большой интерес вызывает этноэкологическая история северных и сибирских народов, реально наблюдаемый процесс самоопределения малых групп, возможность придания им статуса этнических меньшинств. На их роль претендуют, например, "северные русские старожилы" Якутии, разделяющиеся на пять этнических групп, в том числе "арктические русские", "северные старожилы", "земледельцы-русские" и т. д. [102]. Можно ставить вопрос о придании такого статуса татарам юга Западной Сибири и некоторым другим этнокультурным группам. Теоретико-методологическим и прикладным исследованиям факторов устойчивости малых национальных групп посвящены специальные монографии [57, 313].

Определение этнической идентификации представляет собой социальный феномен, который привлекает внимание ученых [312]. Существует проблема определения признаков этноса [291]. Особый интерес вызывает содержание этнической идентичности, во многом приобретающей черты социальной идентичности вообще [11]. Обсуждается проблема существования этнонации [296]. На фоне проходящей этнической реидентификации для социальной стабильности общества представляют опасность спекуляции на идее этнического единства, в том числе попытки возрождения русского шовинизма. Ученые изучают истоки и психологию межэтнической напряженности, ищут ответ на вопрос, считают ли себя миноритарные этносы, исконно проживающие на территории Федерации, россиянами не по гражданству, а по духу, и если нет, то какова же ее сущность? [79, 279]. Приведем в связи с этим примечательное высказывание А. Ципко: " Механизмы утверждения общей "российскости", приемлемые для одних народов, могут вызвать протест у других. Представители многочисленных народов бывшей Российской империи боятся совсем другого: не выпячивания этнических корней, а, напротив, их забвения. Для этих народов внятное выделение этнической принадлежности, связи со своим племенем являются стержнем личного достоинства. Вот почему эти народы справедливо воспринимают нынешнюю либеральную моду на национальный нигилизм как покушение на свои святые права. И с этим надо считаться" [328].

Определение, уточнение статуса малочисленных народов составляет часть движения к общенациональной идее, к гражданскому обществу, о которых говорят все больше. При определении статуса малочисленных народов Севера исходным моментом является их близость к природным основам. Они, как никто другой, заинтересованы в сохранении природы, ее эволюционной социализации. Статус северных народов явля-

ется статусом хранителей территории и ее экологического равновесия. Об этом свидетельствует Хартия коренных малочисленных народов Севера, принятая четвертым съездом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в 2001 г.

В резолюции этого съезда есть предложение ратифицировать Конвенцию Международной организации труда (МОТ) № 169 от 1989 г. "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах". В Конвенции прямо указывается на необходимость "ликвидации ориентации на ассимиляцию, содержащейся в ранее действовавших нормах" и декларируется признание права этих народов осуществлять контроль над собственными институтами, образом жизни и экономическим развитием, а также сохранять и развивать свои традиции, обычаи, язык и религию. Надо отметить, что Конвенцию МОТ ратифицировали лишь 11 государств, она считается устаревшей, не отвечающей современным реалиям. Поэтому сейчас идет активная работа над принятием нового международного правового документа, касающегося коренных народов [216].

Утверждение нового статуса коренных малочисленных народов соответствует общей потребности в экологизации сознания народов России и восстановлении нарушенного экологического равновесия [22, 34, 74, 136, 166, 233, 348]. Однако, как подчеркивает Джон Гоуди, "пока экономическая и социальная политика будут основываться на иллюзии о прогрессивном движении к более материально обеспеченной жизни для каждого человека, даже более просвещенная этическая позиция по отношению к окружающей среде может только модифицировать, а не уменьшить экологический ущерб от экономического роста" [368]. В кризисной России, где значительная часть населения проживает в нищете, а малочисленные народы стоят на грани выживания, ситуация выглядит намного сложнее. Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из работы Ф.С. Донского "Проблемы возрождения юкагиров": "Юкагиры Колымы, как в области политической, так и в социально-экономической, оказались отброшенными далеко назад - до уровня дореволюционного бесправного и нищенского существования, что ничем не отличается от антинародной царской политики этногеноцида в отношении инородцев Севера, противоречащего принципам современного правового государства" [71, с. 87 - 88]. О тенденции неуклонного ухудшения ситуации практически во всех сферах жизни свидетельствуют данные по Эвенкии [1], материалы по условиям проживания селькупов в Томской области [91], коренных малочисленных народов в Якутии [43].

Определение и научная разработка нового статуса северных народов призваны помочь и в решении внутрирегиональных проблем, ограничивая экспансионизм, обеспечивая будущее тех, кто собирается дальше жить на своей малой Родине. Статус малочисленных народов как хранителей территории является фактором отхода от расточительного природопользования.

С другой стороны, как показывает реальная жизнь, индустриальное освоение регионов плохо воспринимается даже теми представителями малочисленных народов, которые получили соответствующее образование и формально способны трудиться в производственной сфере. Образовательная практика убеждает, что большинство стремится к получению гуманитарного образования, где доминирующее правополушарное сознание легче реализуется. По профессионально-квалификационной подготовке коренные малочисленные народы не могут конкурировать с пришлым населением.

Еще один важный аспект проблемы заключается в том, что многие малочисленные народы России имеют "родственников" за рубежом - в Скандинавии, на Аляске и т. д. Ханты, манси, коми родственны финнам, эстонцам, венграм. Начиная с 1960 г. регу-

лярно проводятся международные форумы, посвященные единству культуры финно-угорских народов. В 1992 г. в г. Сыктывкаре прошел Первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, Третий состоялся в 2000 г. в Финляндии. В этом же году в г. Тарту (Эстония) состоялся 9-й конгресс "Финно-угристика на рубеже тысячелетия" (такие мероприятия проводятся каждые 5 лет). Создан Консультативный комитет финно-угорских народов, осуществляющий координационные функции, отстаивание прав и интересов этих народов в международных организациях. Он является членом Комиссии по правам национальных меньшинств при ООН с правом совещательного голоса.

Таким образом, возникает проблема самоидентификации финно-угорских народов, живущих на Севере, их международной автономизации в связи с претензиями на своего рода "двойное гражданство". При этом дело не ограничивается только культурными связями: выдвигается концепция особых, в том числе экономических, отношений автономных округов, в которых проживают малочисленные народы, с Финляндией, Венгрией, Эстонией.

Особая роль в этнической идентификации принадлежит языку. М.В. Дьячков в работе еще 1993 г. подчеркивал, что в ненормальной ситуации находятся десятки языков народов России, носители которых задаются вопросом, для чего им нужен родной язык. Между тем хорошо известно, что без языка теряется способность к развитию культуры и его исчезновение - первый шаг к исчезновению этноса [78]. Автор сторонник всеобщего обоюдного двуязычия, которое может быть обеспечено только в условиях разноразностной национально-территориальной (национально-государственной) автономии. Именно она, а не национально-культурная автономия, призвана обеспечить эффективное этнокультурное и этноязыковое развитие коренных малочисленных народов Севера [41, 359, 363].

Проблемы динамики и трансформации этносов, этничности коренных малочисленных народов Севера остаются в центре внимания научного сообщества и социальной практики. Можно назвать основные линии:

- изучение тенденций национальной идентичности, проблематика этничности [11, 119, 146, 205, 274, 296, 312];
- развитие этносоциологии и этнополитологии [29, 95, 223, 262, 317];
- межэтнические отношения и межкультурный синтез [73, 78, 97, 110, 139, 279];
- вопросы ассимиляции и интеграции [79, 253];
- этнос в ситуации выбора будущего [128, 131, 140, 171, 321, 354].

Глава 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

При освоении Севера предполагалось, что технический прогресс с его индустриализацией и технизацией всех сторон жизни, подкрепляемый соответствующими политическими, экономическими и культурными мерами, искоренит родовые черты, отличающие один этнос от другого. Вопреки господствовавшим идеям ассимиляционной политики, с ее постулатом о стираемости со временем многосторонних этносоциальных различий в соответствии с концепциями "плавильного котла", англоконформизма, канадизации и т. д., концептуальным базисом социального развития и возрождения малых народов стал этнокультурный критерий. Этнические группы, этносы, входящие в полиэтнические государства, не только не утратили своей самостоятельности, но их социальное положение, жизненный уровень, общественный статус стали значимыми индикаторами устойчивого развития. В то же время подчеркивание особого статуса этнической идентичности в полиэтничестве, гипертрофия этнического самосознания и роли этнической культуры только одной из групп непременно оборачиваются кризисом доверия, обострением взаимоотношений. Статусные привилегии в условиях экономической и политической конкуренции, идеологических игр не способствуют стабильному развитию общества: необходимо отлаживание специального организационно-управленческого механизма встраивания этносов в общественную структуру регионов [56].

В литературе можно увидеть немало теоретических попыток объяснения анализа и моделирования межэтнических отношений, механизмов взаимодействия и взаимовлияния в одной плоскости, в одном этносоциальном масштабе. Наиболее жизненными оказываются концепции, подчеркивающие необходимость сохранения культурного многообразия (многокультурность, культурный плюрализм, единство в многообразии).

Рассматривая эту проблему сквозь призму синергетического подхода, важно определить тип социальной системы, свойственный этапу существования этноса (гомеостатический, аттракторный или бифуркационный). Этап гомеостатического равновесия у северных народов был пройден, когда состоялась встреча с более развитой культурой. Выстраивание аттракторов, угадывание их характеризовало этап взаимодействия культур, когда политические приоритеты привели систему жизнедеятельности в неустойчивое состояние, о чем свидетельствуют современные социологические, медицинские и экологические исследования. Ситуацию неустойчивости усилило нерациональное освоение природных богатств Севера. Современную систему жизнедеятельности малочисленных народов можно рассматривать как бифуркационную, с максимальной социальной неустойчивостью, с выходом на критические уровни, за которыми следует ускоренная деградация, распад, ассимиляция.

В сложном комплексе социально-экономических проблем, решением которых обеспечивается устойчивое развитие коренных малочисленных народов Российской Федерации, ведущая роль отводится образованию. Однако образование, базирующееся на федеральных стандартах, недостаточно учитывает местную специфику. Огромную роль в передаче традиций природопользования всегда имела система воспитания, основанная на максимально раннем включении детей коренных народов, старожильческого населения в трудовую деятельность семьи. При этом она сочеталась с очень хорошей физической подготовкой через специальные системы закаливания, тренировок и упражнений. Обычно к восьми - десяти годам мальчики и девочки знали все производственные процессы и выполняли то, что было им по силам. Это один из важнейших вопросов современной этнической педагогики [51, 182, 194, 205, 305].

Существуют серьезные проблемы, связанные с изучением родных языков малочисленных народов Севера. Родной язык - неперемное условие существования и развития этноса, признак его самобытности [78]. Именно знание языка является препятствием быстрой ассимиляции, поэтому он должен быть охраняем как одно из важнейших достояний этноса. В мононациональной среде человек не задумывается о роли своего языка, но в крупном населенном пункте, в городе надо говорить на языке большинства, а родной язык в лучшем случае остается для общения с родственниками.

Многочисленные данные свидетельствуют о реальном знании языка северных этносов [41, 91, 319, 359]. Отмеченные факты признания родным языком языка своей национальности большим числом респондентов, чем им реально владеют и на нем общаются, говорит о достаточно высоком уровне этнического самосознания, ставящем барьер этнической ассимиляции. Индикатором является отношение к изучению родного языка в школе и обучению на нем. Неоднородность населения Европейского Севера, малая доля коренных жителей является объективной трудностью: малочисленные народы Севера составляют 26 этносов количеством более 181 тыс. человек, но это лишь 2% населения. Постоянно увеличивается доля смешанных браков (до 70 - 90% всех рожденных из числа коренных национальностей), что также затрудняет выбор родного языка преподавания [78].

В данной ситуации особенно важной является разработка нового содержания школьного образования и форм педагогической деятельности. По большому счету речь идет о создании собственной системы образования для коренных малочисленных народов Севера, учитывающей этническую специфику и традиционные формы уклада жизни. Разработка программ обязательно должна учитывать, что в народной педагогике северных народов обучение неотделимо от воспитания, а воспитание - от жизни. Обучение связано с подлинной деятельностью тогда, когда школа связана с базовыми видами деятельности. Не случайно специалисты в области образования обращаются к педагогическому опыту северных народов и рекомендуют столетиями выверенные образцы, которые могут быть адаптированы к новым реальностям с учетом новых информационных технологий [151].

Существующие школьные образовательные программы отражают, в основном, федеральный подход. Требуется приведение программ обучения в соответствие с этнопсихологическими закономерностями стиля мышления детей Севера [9, 194, 221]. В создании практической системы школьного образования на Севере много нерешенных проблем, затрагивающих всю сеть: начальная школа, школа-детский сад, семейная школа, кочевая школа, специализированная школа и школа с этнонациональными классами. По этому вопросу есть специальная литература [57, 82, 83, 195].

Сказанное целиком относится и к среднему специальному, и высшему образованию. Вузовские программы часто оторваны от жизни и не соответствуют предлагаемым моделям опережающего образования. Так, на экономических факультетах не уделяется должного внимания анализу хозяйственной деятельности аборигенов, вопросам экономики традиционных промыслов и других видов хозяйствования на Севере. При подготовке юристов необходима специализация по вопросам прав коренного населения, статуса родовых угодий, регулирования отношений аборигенов и корпораций. Сельскохозяйственные вузы не обеспечивают должной подготовки по оленеводству, пушному звероводству, рыбным промыслам, медицинские - по нетрадиционной медицине населения Севера. В предметах социально-гуманитарного цикла поверхностно освещаются вопросы истории Севера и культуры малочисленных народов, почти не затрагиваются вопросы этнопедагогики, этнопсихологии, имеющие значение для всех, кто работает на Севере. Центральные вузы практически не предлагают таких направлений подготовки, после которых коренные жители Севера могли бы вернуться и остаться в прежней сфере деятельности с новым багажом знаний. Актуальной остается разработка этнокультурного содержания образования и в учебных заведениях северных регионов, имеющих систему квот для детей коренных народов, адаптация европейской модели образования с учетом специфики этноэкологического развития, подготовки специалистов по традиционным видам хозяйственной деятельности [9, 18, 83, 123, 186, 239, 264, 271, 337].

Важной социокультурной предпосылкой устойчивого развития является становление авангарда этноса, в том числе национальной интеллигенции, той части, которая способна инициировать позитивные перемены, удерживать положительный опыт и содействовать расширенному воспроизводству условий жизнедеятельности народа.

Однако проблема участия в образовательных процессах интеллигенции достаточно сложна, поскольку многие выпускники вузов фактически переходят по своим социокультурным характеристикам в другой этнос. В.М. Куриков подчеркивает, что ситуация резко изменится, если будет создан национальный хозяйственный комплекс, построенный по этническому признаку, в котором национальная интеллигенция станет в результате своей деятельности получать не меньшие блага, чем получает в народном хозяйстве страны сегодня, покинув свой этнос. Поворот национальной интеллигенции к своим корням в значительной степени решит острейшую проблему кадров [147, 148].

Для модернизации существующей системы образования требуется:

- провести экспертные оценки школьных программ, учитывающих особенности обучения детей малочисленных народов;
- создать сеть экспериментальных начальных и средних школ или классов в них, в рамках которых будут внедрены проекты совершенствования обучения детей из семей коренных жителей;
- организовать ассоциацию средних и высших учебных заведений, в которых разрабатываются и практически реализуются программы подготовки и повышения квалификации преподавательского состава, способного синтезировать достижения европейской системы образования и воспитания с традиционной;
- разработать программы специализированной подготовки высококвалифицированных специалистов в областях, имеющих особое значение для Севера, из числа наиболее успешно обучающихся студентов.

В вопросах образования остается немало проблем. Согласно данным Института национальных проблем образования, уровень знаний и грамотности коренных малочисленных народов Севера характеризуется так: из аборигенного населения старше

15 лет на территориях традиционного проживания около 48% имеют начальное и неполное среднее образование, 17 процентов не имеют даже начального образования, из них почти половина - полностью безграмотны. Выпускники северных школ неконкурентоспособны при поступлении в вузы. Концепция по развитию образования коренных малочисленных народов Севера, разработанная в соответствии с приказом министра образования России в 1998 г., осталась невостребованной. Тормозится законодательная инициатива комитета Совета Федерации по делам Севера и коренных малочисленных народов о внесении изменений и дополнений в статью 16 закона "Об образовании" и в статью 11 закона "О высшем и послевузовском профессиональном образовании", имеющая целью отнести к категории социально защищаемых групп детей коренных малочисленных народов и дать им право на внеконкурсное поступление в вузы. Решение проблемы может быть в реанимации Концепции образования коренных малочисленных народов, в которой предусмотрена, в частности, специальная довузовская подготовка наиболее одаренных выпускников школ из мест компактного проживания аборигенов с использованием подготовительных отделений. Есть идея создания Северного этнообразовательного центра на базе педуниверситета в Санкт-Петербурге [195]. Интересен зарубежный школьный образовательный опыт [160].

Говоря об образовательной сфере в целом, можно констатировать, что технократические тенденции в ней по-прежнему сильны, нет критических оценок природных, социальных и психоземональных последствий собственной деятельности, несмотря на формальную экологизацию. Технократически мыслящие "узкие" специалисты склонны рассматривать часть вне целого, настоящее вне прошлого и будущего, практические эффекты вне человека. Междисциплинарный характер глобальной экологической проблемы требует знания не расщепленного, ущербного, а интегративного и нравственно наполненного, ставящего его в фокус научно-философской картины мира. Экологическое образование должно быть непрерывно и охватывать дошкольный, школьный, вузовский и послевузовский периоды. Направления формирования вузовских образовательных систем по экологии имеются во многих публикациях [18, 114, 337].

Приоритет экологического образования всех слоев общества, и в первую очередь подрастающего поколения, является ключевым принципом "устойчивого развития". Оно должно стать главным инструментом формирования мотивационной среды деятельности человека и обеспечить конструктивный подход к реализации этого принципа [311]. Целью национальной экологической политики в сфере образования, которая заново определяет социальные императивы и приоритеты [278], является создание системы эффективного целенаправленного формирования экологической культуры всех категорий жителей с использованием для этого всех возможных инструментов, институтов, возможностей образования. Необходима концентрация усилий специалистов на комплексной разработке стратегии формирования экологической культуры населения на основе идей устойчивого развития и поддержания здоровья среды:

- создание и распространение новых форм и методов эколого-образовательной деятельности;
- соотнесение содержания образования с реальными потребностями и интересами самих обучающихся;
- применение людьми экологических знаний в практической деятельности;
- активизация общественного экологического движения [54].

Система образования на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности малых народов должна быть гарантом сохранения и передачи последующим поколениям народного опыта природопользования. Органам государственной

власти и местного самоуправления Севера следует обеспечить подготовку соответствующих программ по изучению истории и культуры, строить учебный процесс с учетом традиций, обычаев, образа жизни и хозяйственной деятельности, реализовать специальные программы подготовки национальных кадров коренных народов, развивать национальное краеведение, систему особо охраняемых природных территорий и т. д.

Необходимо учитывать ряд принципиальных позиций в процессе информатизации образования как компонента национально-этнической политики:

- широкое внедрение информационных технологий для наглядного, динамичного представления учебной информации с использованием видеоизображения, звука и удаленного доступа к информационным ресурсам;

- непрерывность и преемственность компьютерного образования на всех уровнях обучения от дошкольного до послевузовского - за счет компьютерной поддержки всех предметов и дисциплин учебного процесса;

- обеспечение свободы выбора методики, стиля и средств обучения для раскрытия и выявления творческих индивидуальных способностей обучаемого;

- создание научно и методически обоснованной системы базового образования на основе новых информационных технологий [56].

Глава 6. ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируя особенности традиционного природопользования народов Севера, Л.С. Богословская [24, 25] подчеркивает, что историко-экологический опыт требовал строгого соблюдения норм хозяйствования и поведения, и прежде всего у народов, занимающихся оленеводством и ограниченно промысляющих мигрирующие виды животных в местах их размножения. Именно такие народы осуществляли из поколения в поколение настоящий биомониторинг ресурсов и оценивали разумность промысловой нагрузки и своего поведения по результатам воспроизводства ресурсов и состояния угодий [228]. Они выработали и до последнего времени пользовались основным правилом природопользования в северных экосистемах: не брать у природы больше, чем нужно для выживания.

Назвав подобный комплекс знаний и правил "системой социальной солидарности людей с природой", Л.С. Богословская перечисляет составные части этой системы:

- хозяйственные календари - исторически закреплённые годовые циклы всех способов природопользования;
- местные (локальные) охотничьи и рыболовные календари в сочетании с промысловыми ограничениями и запретами, регламентами добычи по половозрастному составу, в зависимости от динамики и численности;
- охрана мест размножения животных, нерестилищ, наиболее ценных и продуктивных биоценозов, перевод части их в категорию резервных, священных, особо ценных и неприкасаемых;
- отработанные системы пастбищеоборота, оленеемкости, прогноза продуктивности угодий, совместного с соседями использования земель и ресурсов в случае стихийных бедствий или потерь биопотенциала.

"Время показало, - делает вывод Л.С. Богословская, - что, с одной стороны, народы Севера не могут сохраниться как самостоятельные этносы вне своих традиционных культур, в основе которых лежит уникальный опыт взаимодействия людей с природой и друг с другом, а с другой стороны, в большинстве северных регионов до сих пор нет альтернативы экологически сбалансированным традиционным методам использования возобновляемых ресурсов". Этот постулат находит свое подтверждение в разных регионах и касается разных сфер традиционного природопользования [32, 46, 59, 60, 85, 105, 116, 193, 229, 243, 260, 294, 343].

Важно обозначить некоторые методологические подходы к проблеме устойчивости хозяйственных культур народов Севера, осмыслению социокультурного содержания хозяйствования, культуре жизнеобеспечения, уточнению меры совпадения жизнеустойчивости народа и объективной экономической эффективности [56]. При этом можно опираться на предложенную В.П. Алексеевым [12] концепцию хозяйственно-

культурных типов и понятие "антропогеоценоз" как симбиоз хозяйственного коллектива и освоенной им территории. Природно-климатические условия, история происхождения и сложившаяся система жизнеобеспечения оформили четыре хозяйственно-культурных типа малочисленных народов Севера:

- оленеводы тундры и лесотундры (ненцы, саамы, оленные чукчи, коряки) с переходным подтипом оленеводов и охотников (энцы, нганасаны, юкагиры);
- оленеводы и охотники тайги (эвены, лесные ненцы) с переходными подтипами: оленеводы, охотники и рыболовы тайги и лесотундры (северные ханты, манси, ороки [ульта], орочи), охотники и рыболовы тайги и лесотундры (удэгейцы, кеты, юкагиры, эвенки);
- оседлые рыболовы (ханты, манси, селькупы, ительмены, нивхи, ульчи, нанайцы);
- арктические охотники на морского зверя (береговые чукчи и коряки, эскимосы, алеуты).

Традиционное природопользование остается на обозримую перспективу материальной основой сохранения северными народами привычного им образа жизни. Главным и определяющим условием воспроизводства сообществ малочисленных народов является сама природа Севера. Но за прошедшее столетие народы Севера, их общины, семейно-родовые группы, отдельные пользователи во многом утратили свои исторические права на определенные территории и ресурсы, а также на средства производства, доставшиеся им от предшествующих поколений и находившиеся в их собственности.

Ученые, общественность и политики напряженно ищут выход из сложившейся ситуации. В зарубежных работах 50 - 60-х гг. прошлого века была популярна идея равновесных, жестко регулируемых природно-социальных систем. В СССР в 70-е гг. на волне всеобщего внимания к экологической ситуации разрабатывалась концепция "равновесных" этносов и природно-социальных систем, где за равновесными этносами как носителями рационального природопользования (именно с той поры вошло в обиход это словосочетание) видели будущее. Был создан образ "гармоничных" традиционных и первобытных культур в противовес индустриальному обществу [61, 311].

Своеобразное преломление концепция "равновесия" получила в рамках так называемой "новой экологии", или "неофункционализма", особого течения американской экологической антропологии, сформировавшейся во второй половине 60-х гг. Ключевое понятие "новой экологии" - гомеостазис, т. е. способность всех элементов к саморегулированию и возвращению в исходное состояние в случае изменений [138]. Эта идея присутствовала в основе объяснения принципов развития первобытных и традиционных этносов в силу следующих причин:

- она включала возможность изменений среды обитания в результате как случайных, так и закономерных факторов, в том числе вызванных практической деятельностью человека;
- на смену идее пассивного, стабильного равновесия пришло понимание активной роли всех элементов системы и, в первую очередь, человеческой группы в общей саморегуляции;
- динамический гомеостаз с его циклами удачно объяснял логику длительного исторического существования традиционных сообществ, в которую вписывались не только процессы хозяйствования, размещения и демографического воспроизводства социума, но и сфера его духовной и психической жизни.

В развитие этих идей была выдвинута концепция "северного неотрадиционализма", представляющая собой обоснование традиционного природопользования, натурального хозяйства и компенсации от промышленной разработки природных ресурсов Севера

[149, 157, 214]. В основу северного "неотрадиционализма" многие авторы положили предоставление народам Севера правовой государственной протекции и свободы самостоятельного развития экономики, культуры и самоуправления [77, 195, 215].

Необходимо уточнить два понятия природопользования - этническое и традиционное. "Этническое природопользование" фокусирует внимание на единичных (уникальных) особенностях, включая антропологическую специфику. Так, А.Н. Нелюбин и С.В. Балтуева определяют его как "исторически и гипотетически взаимосвязанный комплекс видов и способов использования территории, демографических, социальных и культурных особенностей, определяющих воспроизводство этноса" [193]. В понятие "традиционное природопользование" вкладывается скорее социокультурный и региональный смысл, подчеркивается способ хозяйствования, в котором ведущую роль играют давно сложившиеся, привычные формы и методы.

Понимая, что рынок, нацеленный, прежде всего, на получение прибыли, плохо совместим как с традиционным природопользованием, так и с бережным отношением к окружающей среде, многие ученые рекомендуют при переходе к рынку учитывать специфику традиционных отраслей, предлагая разработку особых взаимоувязанных программ, основанных на принципах многообразия форм собственности, постепенности и учета социально-коммерческих и национально-этнических последствий. Диапазон оценок колеблется от тезиса полной неприменимости рыночных отношений до приоритета таких рыночных механизмов, которые будут наиболее результативными с позиций охраны и рационального использования природных ресурсов - главного экономического потенциала малочисленных народов Севера [46, 159, 184, 266]. Сам по себе рынок не способен вырабатывать шкалу ценностей, основанную на примате устойчивого развития. Нужны социальные факторы, государственная политика, формирование консенсуса и регулятивных правовых механизмов для придания рынку социального смысла [40, 45].

При переходе к рынку в условиях Севера и в местах проживания малочисленных народов важно прогнозировать последствия такого перехода и применение соответствующих защитных мер. В их числе называют [214]:

- тщательно выверенную этапность проведения рыночных реформ, прежде всего в вопросах приватизации и изменения форм собственности на землю;
- использование на данном переходном этапе прежде всего возможности долгосрочного арендного землепользования;
- реализацию особой программы обучения рыночным отношениям, новому законодательству, правилам поведения сторон в имущественных спорах;
- разработку особых, северных, этнозащитных механизмов правообеспеченности перехода к рынку с внесением соответствующих изменений в административное и уголовное право, защитой рынка Севера от криминала;
- создание специальных институциональных механизмов, представительных общественных институтов для контроля за проведением реформ в местах проживания малочисленных северных народов.

Большинство представителей малочисленных народов Севера осознают объективную необходимость сохранения традиционного природопользования и хозяйственной культуры. Во множестве публикаций подчеркивается, что объективной основой сохранения языка и культуры является традиционный уклад жизни с тенденцией постепенного и естественного освоения достижений цивилизации, т. е. на данном этапе сохранение этносов означает сохранение традиционного природопользования [59, 60, 116, 193, 359]. Нам представляется целесообразным рассматривать неотрадиционализм не в

узкоэкономическом, а в социокультурном смысле, как возвращение на новом уровне к ценностям традиционной хозяйственной культуры.

Зарубежный опыт также свидетельствует о необходимости сочетания социокультурного и экономического подходов [5, 135, 172, 276]. Взаимоотношения с хозяйственными культурами во всех странах арктического круга определяются парадигмой ревитализации традиционной культуры. Ревитализация - процесс многоступенчатый, сложный, с особым вниманием к поддержке самоуправления народов Севера, привлечением средств от разработки природных ресурсов, созданием общественных ассоциаций.

В области права идет постепенная наработка свода законов, регулирующих традиционное природопользование. Можно назвать федеральные законы "Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации", принятый Государственной Думой 6 июля 2000 г., и "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации", который принят 4 апреля 2001 г.

Подготовлена Федеральная программа по развитию оленеводства. "Нам важно, чтобы на всех уровнях власти поняли, что оленеводство не только отрасль производства, но и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера", - сказано в работе [141, с. 17]. По проблеме оленеводства есть специальные научные исследования [134, 361], не говоря уже о важной аграрно-охотничьей отрасли в целом. Много данных приведено в сборнике материалов первого учредительного съезда оленеводов России [210]. Особенности питания северных оленей, их физиология, кочевой образ жизни делают их удобными и важными индикаторами загрязнения среды на Севере [21].

А.А. Южаков и А.Д. Мухачев в монографии по этническому оленеводству Западной Сибири подчеркивают, что проблема северного оленеводства - "в господстве экономической прагматики и технологической унификации отрасли над ее этнокультурным своеобразием". Выделение особого "ненецкого" типа оленеводства пусть оценят специалисты - подотрасль скотоводства названа в честь малого коренного народа, впрочем, есть "якутская лошадь". Интересен раздел "Экология выпаса оленей", приведены цифры количества оленей в России, их малая часть дает представление о динамике поголовья и резком его сокращении (в тыс. голов): 1960 г. - 1999; 1970 - 2457; 1980 - 2257; 1990 - 2304; 2000 г. - 1245 [361].

Политика ревитализации за последние десятилетия оформилась в саморазвивающийся процесс за счет приобретения новых (как для этнического меньшинства, так и для доминирующего сообщества) социальных навыков. Аборигены научились "одомашнивать" и адаптировать средства, предоставляемые высокой технологией (и в первую очередь коммуникационные средства) для укрепления общего языка, образа жизни и ценностей, а также участвовать в дискуссиях и социальных мероприятиях, затрагивающих их сообщества. Теперь они чувствуют себя частью огромной общины как в региональном, так и в национальном смысле и подошли к прямому участию в формировании общественного мнения - фундамента местного политического развития. Северяне сталкиваются с новыми видами деятельности, которые требуют определенного мастерства в кросскультурном взаимодействии.

Общие выводы по проблеме можно сформулировать так:

1. Хозяйственная культура северных народов представляет собой целостность материально-производственных, бытовых, духовных и социокультурных факторов жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Нарушение или подмена какого-либо компонента влечет за собой деградацию системы.

2. В перспективе развития хозяйственной культуры северных народов ведущую роль играют социокультурные факторы сохранения жизнеспособности этноса. Традиционное природопользование не может быть рыночным и рассматриваться сугубо экономически: важны занятия населения, смыслонаполненность бытия, сохранность биоресурсов, экологическое равновесие. Гуманитарное измерение выражается в экологической миссии северных народов как хранителей традиционной хозяйственной культуры регионов.

3. Целостность и устойчивость хозяйственной культуры северных народов обеспечиваются ревитализацией - системой мер по сохранению традиций с учетом модернизации.

4. Политика ревитализации может сочетаться с переходными, буферными формами сотрудничества, с рыночной хозяйственной культурой регионального сообщества при доминировании социокультурного подхода к самоорганизации жизни северных народов.

5. Необходимо создание механизма взаимодействия коренного населения и других членов регионального сообщества на основе равноправного партнерства. Отношения народов Севера и промышленности как носителей традиционной и индустриальной хозяйственных культур нуждаются в тщательной правовой регламентации.

6. Необходимо формирование достаточного экономического базиса для возрождения и расширенного воспроизводства этноса.

7. Условием жизнеспособности хозяйственной культуры этноса является участие в самоорганизации и самоуправлении через общинные, муниципальные структуры [56].

Система хозяйственной культуры северных народов объективно складывается из трех основных элементов: отраслей традиционного природопользования; производственной инфраструктуры, являющейся своеобразным буфером между жизненным укладом и современным рыночным хозяйством; а также художественных промыслов и ремесел.

Первая сфера деятельности ограничена возможностями природы и существует по законам простого воспроизводства. Ее стабильность является свидетельством отсутствия кризиса. Вторая сфера деятельности ограничивается ресурсной базой, но имеет резервы, связанные с общим прогрессом хозяйственной инфраструктуры [137]. Третья сфера ограничена только способностями человека и поддержкой, в которой нуждаются любые творческие замыслы и потребности. Рациональное использование ресурсов требует наличия на всех уровнях квалифицированных работников, проведения исследований с целью повышения производительности при одновременном обеспечении сохранения потенциала и сведении к минимуму потерь.

С точки зрения воспроизводства северного этноса необходимо органичное соединение всех базисных элементов как единого целого. Это может стать надежной основой для сохранения этнической самобытности коренного населения Севера. Можно в современных условиях вести речь и о самокупаемости жизнедеятельности малочисленных народов, но никак не о расширенном воспроизводстве, необходимом для развития всех ее сторон. Не случайно во многих публикациях звучит тема разумных потребностей [314], разных аспектов жизнеобеспечения, скромного повышения уровня жизни [19, 22, 76, 118, 162, 244]. Ускоренное развитие хозяйства для того, чтобы сократить огромный разрыв в уровне жизни северных народов и основной части населения страны, невозможен без государственной поддержки традиционных отраслей, без внедрения современных технологий в переработку продукции оленеводства, рыболовства, морского зверобойного промысла, пушно-мехового производства. Это ситуация, о которой сказано так: "Без привилегий нет равенства" [195].

Глава 7. ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Требуемое углубленного анализа ускоренное изменение северных сообществ происходит под воздействием трех основных факторов: возрастающей экономической роли регионов их обитания, процессов глобализации (трансграничности), развития информационного общества. Северные территории страны, отдельные части которых могут перекрываться в названиях типа Российская Арктика, Субарктика, Крайний Север, Север Сибири и Дальнего Востока, Европейский Север, оказались средоточием основных минерально-сырьевых и энергетических ресурсов, больших площадей мало нарушенных естественных ландшафтов. Их освоение без учета принципов устойчивого развития породило множество проблем экономического и социального плана, экологической безопасности [56, 157, 254]. Связующим звеном в осмыслении состояния природной среды и его связи с социально-экономическими последствиями антропогенных изменений на обширных территориях является мониторинг. В его задачу входит наблюдение, всесторонний анализ, оценка и прогноз состояния трансформируемой природной среды для интегрированного подхода при реализации принципов устойчивого развития, оптимального решения экологических, социально-экономических и политических проблем [158, 176, 177, 180, 192, 301, 327, 342, 346].

Подавляющая часть народов нашей страны живет на своих исторических территориях: Россия - это не только союз народов, но и союз земель [49, 246]. Поэтому гражданская идентификация, принадлежность к государству и государственному языку всегда будет соседствовать и дополняться этнической идентификацией, принадлежностью к своей республике, округу, малой родине. Необходимо упомянуть, что Сибирь, являясь русским макрорегионом и неотъемлемой частью российского цивилизационного пространства, претендует на особую идентичность. Своеобразие этнокультурных процессов в Сибири, связанное с интенсивной метисизацией русских переселенцев и аборигенов, становится одним из факторов формирования регионального самосознания, генезиса культурного регионализма [290].

Важно, чтобы все народы, а коренные малочисленные народы Севера прежде всего, научились открыто и явно говорить о своих специфических этнических интересах, требованиях, необходимости их обсуждения и решения, опираясь, в частности, на федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации", подготовленный еще в 1999 г. и подписанный президентом В.В. Путиным 9 августа 2002 г. Это позволит решить проблему национального отчуждения и сепаратизма, найти способы урегулирования любых конфликтов в реальных условиях полиэтничного государства путем системы специальных стимулов и гарантий [143].

Северные территории, которые иногда называют "зонами дискомфорта", имеют исключительную геополитическую и экономическую роль, и не случайно существует выражение: "Север - это и чековая книжка, и стратегический резерв России" [292]. Их ускоренное освоение и новые концепции развития, связанные с высокой ликвидностью нефти, газа, никеля и других ископаемых, должны включать появление на Крайнем Севере наукоемких технологий, модернизацию транспортных путей, становление и совершенствование социальной инфраструктуры. С ними неразрывно связано трансформирование управления в регионах Севера, смягчение социальных и экологических рисков в условиях проводимых реформ. Нельзя забывать, что речь идет о невозобновляемых ресурсах, эффективность эксплуатации которых на конкретном месторождении, в конкретном регионе со временем снижается, а накопившиеся социально-экономические проблемы в регионе остаются [333]. Не случайно, например, в Ханты-Мансийском автономном округе активно обсуждается многофакторная проблема, формулируемая так: "Есть ли жизнь после нефти?". Малочисленных народов Севера напрямую касаются многие планируемые масштабные проекты, например, гидроэнергетического строительства. Так, создание Туруханской ГЭС на Нижней Тунгуске вызовет необходимость переселения десяти тысяч местных жителей (это почти половина населения Эвенкии) со всеми вытекающими отсюда долговременными крайне негативными последствиями [362]. В каждом регионе, которые прежде всего делятся на богатые (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) и относительно бедные (Республика Алтай, Эвенкия), определяющие жизнь коренных малочисленных народов социально-экономические процессы имеют свои особенности. Необходим новый взгляд на богатство народов, обесцениваемый индикаторами экологически устойчивого развития [64].

Рассматривая Север в контексте проживания коренных малочисленных народов (а их в официальном перечне в настоящее время 45, в том числе 12 исчезающих), можно отметить, что места их обитания выделяются особо и имеют ярко выраженную природно-географическую, административную, этнодемографическую и природопользовательскую специфику. Ее призвана отразить разработка региональной системы мониторинга для северных территорий Российской Федерации, создаваемая согласно Меморандуму о взаимопонимании между Министерством по развитию севера и делам индейцев Канады и партнерами из России, занимающимися проблемами развития Северных территорий и коренных народов Севера. Эти действия реализуются в рамках Арктического совета, Северного Исследовательского Форума и других международных программ.

Разработка специального мониторинга предполагает опору на показатели устойчивого развития, обеспечивающие надежной информацией о состоянии окружающей среды, организованной в природные, хозяйственные и популяционно-этнические системы. Разнообразная информация о них собирается многочисленными системами ведомственного мониторинга, однако огромные массивы некоординированных, плохо структурированных и необработанных данных не могут быть использованы для реального анализа, построения когнитивных моделей и достоверных прогнозов. При этом следует учитывать объективную дифференциацию научного знания [34] и иерархическое строение систем (рис. 1, 2). Контрольно-информационная (мониторинговая) система является составной частью комплексного обеспечения программы устойчивого развития любого иерархического уровня [158, 311].

"Отсутствие использования с вашей стороны системного подхода сопряжено с риском сбора значительного объема бесполезной информации при огромных материальных затратах, в то время как действительно важные показатели так и останутся за

пределами вашего внимания", - указывает Хартмут Боссель, автор монографии "Показатели устойчивого развития: теория, метод, практическое использование" [31]. Необходимо получение и выявление на основе соответствующей обработки и анализа данных реальных индикаторов (от латинского indicator - указатель), позволяющих определить состояние сложной системы по параметрам других, более доступных для обнаружения, исследования и измерения, в том числе в ограниченный отрезок времени. Информацией может служить простое присутствие или отсутствие индикатора.

Индикация как научный метод исследования широко используется в естественных науках для выявления разных типов связей между компонентами и системами. Интегративные свойства индикации являются объективным условием ее перехода на более высокий теоретико-практический уровень с помощью известной логико-гносеологической процедуры - экстраполяции. На практике показана необходимость выявления новых типов индикационных связей и индикаторов, отражающих появление объектов индикации, обусловленных развитием и совершенствованием природопользования, разработкой мер по охране природной среды, экологическими и даже социально-экономическими изменениями. На основе широких возможностей ландшафтно-индикационного метода реализуются пространственные и временные прогнозы состояния геосистем - сложных совокупностей населения, природы и хозяйства, поступление свежей информации о поведении которых уже давно было названо социально- и экономико-географическим мониторингом [10]. Имеются социально-экономические и экологические предпосылки организации мониторинга природно-технических систем на основе новых технологий с опорой на изучение индикаторов устойчивости и нарушенности в условиях природопользования [35, 38, 107]. Об этом же говорит появление публикаций, анализирующих воздействие, например, нефтегазового освоения на окружающую среду и природопользование малочисленных народностей [99]. Устойчивое развитие малых народов определяется внешними (окружение, воздействие), материальными, экологическими, социальными, экономическими, правовыми, культурными, политическими и психологическими параметрами, элементами экзо- и эндозоологии (в трактовке В.П. Казначеева) [104]. Не случайно существуют два типа показателей: для оценки жизнеспособности системы и ее вклада в функционирование другой. Взаимозависимость систем иллюстрируют связи рекурсивного типа (рис. 3) [31].

Главное требование к показателям и индикаторам заключается в обеспечении всесторонней информацией о состоянии систем, гарантирующей устойчивое развитие. Рекомендации по выбору индикаторов должны быть актуальными, четкими, наглядными, отражающими важнейшие интересы, всесторонними, но не безразмерными, коллективными, демонстрирующими жизнеспособность направлений развития, сравнимыми. Х. Боссель критикует наиболее распространенные показатели развития за отсутствие существенно важной информации. Например, единый показатель, такой, как ВВП, не способен охватить все важные аспекты устойчивого развития и служит главным образом мерой интенсивности разбазаривания природных ресурсов и превращения их в движение капитала независимо от того, каким образом это скажется на состоянии общества.

Шагом вперед являются агрегированные показатели, но и они могут включать в отдельных секторах несоизмеримые позиции. В качестве таковых называются разработанные в Канаде "Показатель экологического воздействия" и эквивалентный ему "Индекс устойчивого прогресса". Показатель экологического воздействия дает количественную оценку всей земельной территории, необходимой для поддержания потребностей в продовольствии, воде, энергии и удалении отходов на человека или город, но он

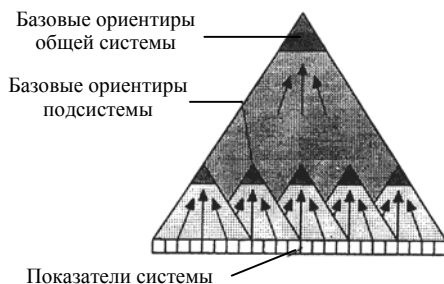

Рис. 3. В системах, зависящих от подсистем, жизнеспособность характеризуется двумя отдельными аспектами: 1 – жизнеспособностью подсистемы и 2 – вкладом этой подсистемы в функционирование системы. Это соответствует связи рекурсивного типа: подсистемы зависят от других подсистем и т. д. [31]

не касается, к примеру, социальных параметров устойчивого развития [31]. Комбинации, группы и совокупности индикаторов образуют *индексы*, наиболее сложные и агрегированные относительные показатели, которые, в свою очередь, объединяются в некоторые совокупности, являющиеся динамическими и пространственными критериями изучаемого объекта, процесса. При характеристике сложных явлений, состоящих из несоизмеримых элементов, применяют сводные индексы (цена, производительность труда). Сложными комплексными показателями являются упоминающиеся в литературе индексы гуманитарного развития, устойчивого экономического состояния, средней продолжительности жизни, экологических ущербов и потерь при нерациональном хозяйствовании, контрастов в уровне жизни.

В системе критериев устойчивого развития важную роль имеет их разделение, отражающее взаимодействия на локальном, региональном и глобальном уровне. Г.С. Розенберг и соавторы [311] говорят об иерархии "устойчивых развитий" в связи с решением таких задач в системе "Россия - бассейн - область - город". Эти же аспекты присутствуют в Повестке дня на XXI век. О глобальном, региональном и локальном подходах в переходе к устойчивому развитию на основе анализа зарубежного опыта и проблем России с акцентом на эколого-экономическую безопасность рассказано в монографии [211]. Предпринимаются попытки создать местную стратегию устойчивого развития, известную как "Местная повестка дня (МПД) - 21". Начат процесс обучения населения стратегическому планированию как части МПД-21 через исследование современной ситуации и планирование будущих действий на местном, муниципальном уровне, внедрение идей сбалансированного развития на уровне сельских районов и поселковых администраций [183].

Категория "уровень" относится к соответствующим отдельным секторам, группам и линиям параметров, которые подлежат точному инструментальному измерению как факторы окружающей среды. Что касается социальной жизни, то она больше опирается на статистику. Все более определенными становятся интегральные экологические оценки. Эти уровни действенны в современном правовом и информационном поле, которое необходимо для целостного представления о жизни. Уровневый принцип измерения интегрируется в конечный эффект - реальное состояние здоровья человека,

коллектива, этноса, региона, страны, определяемое системой жизнеобеспечения, индикаторы которой присутствуют во всех предлагаемых системах мониторинга.

В качестве примера могут быть названы индексы человеческого развития (потенциала), предлагаемые Программой развития человека ООН [367]: долголетие населения, доступность знаний, адекватный уровень жизни, доходы и уровень нищеты. В качестве индикатора развития территорий проживания МНС предлагается использовать индекс возрождения традиционной культуры этих народов. На основе подобных базовых индексов формируется комплекс операциональных индикаторов развития, которые следует назвать для последующего сравнения с теми, что предлагаются в других публикациях [216]:

Долголетие населения:

- средняя продолжительность жизни населения региона;
- динамика численности;
- показатели естественного движения населения;
- доля лиц с вероятностью смерти до 40 лет;
- уровень младенческой смертности;
- семейные демографические показатели (доля неполных семей, доля детей, рожденных матерями-одиночками, доля "отказных" детей при рождении, "социальное сиротство").

Доступность знаний:

- образовательный уровень взрослого населения (число лет обучения);
- доступность разных уровней образования в регионе;
- обеспеченность школьными зданиями, комплектация и профессиональный уровень преподавательского состава, совокупная доля обучающихся в учебных заведениях;
- доля неграмотного населения.

Адекватный уровень жизни:

- качество окружающей среды по основным санитарно-гигиеническим параметрам;
- уровень развития здравоохранения;
- уровень заболеваемости населения "социальными" болезнями (такими, как туберкулез, СПИД, кожные и венерические болезни);
- распространенность алкоголизма, табакокурения и наркомании;
- распространенность психосоматические заболевания;
- распространенность и частота эпизоотий;
- уровень преступности по тяжким преступлениям (убийства, изнасилования, разбои, грабежи, тяжкие телесные повреждения);
- уровень потребления основных продуктов питания (научно обоснованные нормы питания);
- доля детей до пяти лет с недостаточным весом;
- доступность и качество жилья;
- развитие сферы бытового обслуживания населения;
- развитие сферы культуры.

Уровень доходов и нищеты:

- уровень доходов населения (соотношение между средней оплатой труда и прожиточным минимумом, между среднедушевыми доходами населения и прожиточным минимумом в регионе);
- уровень пенсионного обеспечения (соотношение между средними размерами пенсионных выплат и прожиточным минимумом для пенсионеров, доля пенсионеров в численности МНС региона);
- уровень нищеты (доля нищего и бедного населения в регионе, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума).

Приведенная совокупность показателей ориентирована на разработку региональной социальной политики, основанной на концепции развития человека и реализуемой в Концепции устойчивого социального развития Алтае-Саянского экорегиона [216]. Ее цель - создание условий и разработка управленческих, социально-экономических и хозяйственных механизмов на основе:

а) последовательного улучшения уровня и качества жизни населения региона путем преодоления хронического отставания от среднероссийских стандартов жизни;

б) постепенного перевода хозяйственного комплекса региона на экологически ориентированные формы экономической деятельности и повышение их конкурентоспособности;

в) изменения мировоззренческих и социальных установок населения в направлении формирования ценностей коэволюции общества и природы, развития человека в гармонии с природой.

Приведенный выше показатель "качество окружающей природной среды по основным санитарно-гигиеническим параметрам" увязывает приведенную систему с экологическим блоком антропосферы. Критерии оценки изменения природной среды имеются в значительном числе естественно-научных публикаций [34, 200, 324]. В Приложении 1 помещена одна из них, приведенная Т.А. Хоружей в книге, посвященной методам оценки экологической опасности [324].

Пример выбора критериев и индикаторов устойчивого развития на примере Японии показан в табл. 2 [52].

В комментарии к этой таблице сказано, что применение для других стран подобных индикаторов и критериев требует проверки полноты и репрезентативности набора индикаторов. Это замечание тем более справедливо, что актуальной является разработка методов определения перечня индикаторов для разных уровней исследования (государство, регион, локальное формирование), соответствующих международным стандартам и характеризующих динамику, устойчивость и нарушенность социально-экономических, экологических и этнических процессов на Севере. Система критериев должна обязательно учитывать природно-зональную и региональную специфику, которая принципиально отличается от японской.

Таблица 2

Критерии устойчивого развития, по С. Мураи (Япония) [52]

Индикатор развития	Устойчивое	Критическое	Разрушительное
Рост населения	< 0,5% в год	1,0 - 1,5% в год	> 2,0% в год
Валовой национальный продукт за год	3% < ВВП < 5%	8% < ВВП < 10%	ВВП > 10%
Обезлесение	< 0,1% в год	0,5 - 1,0% в год	1% в год
Относительная площадь лесов	> 30%	15 - 20%	< 10%
Площадь пашни	> 0,3 га/чел.	0,15 - 0,2 га/чел.	< 0,1 га/чел.
Обеспечение собственным зерном	> 90%	60 - 70%	< 50%
Плотность городского населения	< 50 чел./га	100 - 150 чел./га	> 200 чел./га
Численность населения города	< 0,5 млн чел.	> 1 млн чел.	> 10 млн чел.

На российско-канадском семинаре по программе "Обмен опытом в области управления развитием северных территорий Сибирского федерального округа" (Новосибирск, 24 - 28 июля 2002 г.) была предложена для обсуждения совокупность индикаторов устойчивого развития региональной системы мониторинга. В ее составе: экономические индикаторы (занятость, доходы, налогообложение, инвестиции, жилищное строительство, транспорт, инфраструктура, государственная политика); индикаторы окружающей среды (качество воздуха, воды, водоснабжение, качество и запас подземных вод, загрязнение поверхности, живая природа (фауна, растительный покров, их загрязнение углеводородами); культурно-социальные индикаторы (общественное здоровье, образование, трудовое обучение, творчество, социальное обслуживание, традиционные знания и промыслы, локальный бизнес, спорт).

По каждому индикатору необходимы прямые и кумулятивные (совокупные) данные (от 2-х до 7) при общем числе показателей для экономического блока - 47, окружающей среды - 56, культурно-социального - 59. Их общее число (162) сопоставимо с количеством исходного набора показателей, предложенных в рабочей программе Комиссии ООН по устойчивому развитию - 130. Репрезентативный набор показателей устойчивого развития устанавливается в результате обсуждения и оценки их целесообразности с учетом страны, региона, особенностей научной или любой другой программы и ее основных задач. Рабочий список из издания ООН "Показатели устойчивого развития: структура и методология" [219] приведен в Приложении 2.

Кроме трех основных категорий индикаторов устойчивого развития (социальная, экономическая, экологическая), в рабочем списке присутствует четвертая - институциональная, связанная с разработкой стратегий, программ, экспертиз, технологий, разработкой правовых механизмов, международных соглашений. Она характеризует социально-правовое поле существования коренных малочисленных народов Севера, основы организации и функционирования местного самоуправления, обоснование административно-территориальных преобразований, межнациональные отношения и трансграничные связи. Уместно напомнить о федеральном законе "О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ", на момент принятия которого в России проживало 65 коренных малочисленных народов общей численностью около 500 тыс. человек.

Интересно сопоставить приведенные в Приложении 2 показатели с параметрами, предлагаемыми для исследования социо-эколого-экономических систем регионов (СЭЭС) из монографии [311]. Этот перечень открывает группа показателей экологической подсистемы:

- медико-географические (младенческая смертность, самопроизвольные аборты, аномалии развития новорожденных, смертность по возрастным группам, заболеваемость детей и взрослых, распространенность онкологических, инфекционных и других экологически обусловленных заболеваний);
- состояние воздушного бассейна (механическое, химическое, физическое и другие виды загрязнения с учетом метеорологических факторов), оцениваемое с помощью ПДК веществ, индекса среднегодового загрязнения, уровня максимальных разовых концентраций и др.);
- состояние водного бассейна (уровень загрязнения, в том числе токсическими веществами, отклонения от гидрохимических, гидробиологических, санитарно-гигиенических нормативов, количество загрязняющих веществ, накопленных в донных осадках, организмах и др.);
- состояние почв (уменьшение содержания гумуса, увеличение содержания токсических веществ, увеличение площади засоленных и деградирующих почв и др.);

- состояние растительности (уменьшение площади коренных ассоциаций, уменьшение лесистости, повреждения и заболевания растительного покрова, снижение запаса фитомассы и др.);
- состояние животного мира (уменьшение видового биоразнообразия и численности и др.);
- пространственные и динамические признаки деградации экосистем (масштабы проявления негативных изменений, нарушение локальных биогеохимических циклов и потоков химических элементов, их соединений и др.).

Показатели социальной подсистемы:

- медико-географические (численность и плотность популяции, ее возрастная, половая и генетическая структуры, степень урбанизации, динамика воспроизводства (смертность, рождаемость, продолжительность жизни);
- социальные (уровень жизни, образования, культуры, права человека и др.);
- социальное напряжение (внутри- и межэтническая агрессивность, деморализация - алкоголизм, преступность, наркомания, самоубийства, уровень безработицы, миграция населения по экологическим причинам и др.).

Показатели состояния экономической подсистемы:

- данные экономической конъюнктуры (величина товарных запасов);
- движение цен, процента, курса ценных бумаг;
- соотношение численности безработных и занятых;
- эффективность хозяйства;
- удорожание производства по природным и антропогенным факторам;
- динамика производства, потеря продуктивности и выбытие из использования угодий и ресурсов;
- структура затрат экономики региона;
- вложение энергии на единицу площади территории;
- объем производства отходов, загрязнений и др.

Комплексная оценка СЭС региона дается по критериям состояния:

- специфика природных условий;
- уровень промышленной и сельскохозяйственной освоенности;
- состояние системы цен;
- уровень экологического риска и степень критичности экологического состояния;
- природная устойчивость к экзогенным воздействиям;
- естественная продуцирующая способность ландшафтов;
- наличие полезных ископаемых;
- резервы неосвоенных природных ресурсов;
- рекреационный потенциал и рекреационная нагрузка;
- социальная структура региона;
- развитость инфраструктуры;
- земельно-ресурсный потенциал;
- скорость утилизации продуктов естественного и антропогенного метаболизма;
- традиции природопользования;
- ухудшение условий жизни и здоровья населения;
- истощение и потеря природно-ресурсного и генетического потенциала.

Разделение на три основных блока не случайно и следует из классических представлений о природе, человеке, хозяйстве, трансформировавшихся в единство трех

составляющих устойчивого развития - природы, общества, экономики [121]. Четвертый блок комплексных оценок необходим для выявления более сложных, зачастую опосредованных показателей, исторически сложившихся условий, ретроиндикации регионального развития. Поскольку устойчивое развитие реализуется при коэволюции общественной и экологической систем, с точки зрения оценки общественного развития целесообразно разграничение или выявление актуальных секторов или взаимодействующих подсистем антропосферы. Они показаны на рис. 4 [31]. Шесть подсистем агрегированы до трех: общественная (социальная система, индивидуальное развитие и политическое управление); система обеспечения (инфраструктура и экономическая система), экологическая система (ресурсы и окружающая среда). Здесь же названы их структура и основные элементы. Задача состоит в определении показателей, обеспечивающих информацию о вкладе каждого элемента и подсистемы в целом в поддержание потенциала и жизнеспособности общей системы. Как указывает Х. Боссель, названные подсистемы практически соответствуют трем категориям капитала, часто используемым при анализе общей системы: человеческий капитал, возобновимый капитал и экологический (невозобновимый) капитал [31]. Об этом же писал Ф. Сен-Марк (см. раздел 3).

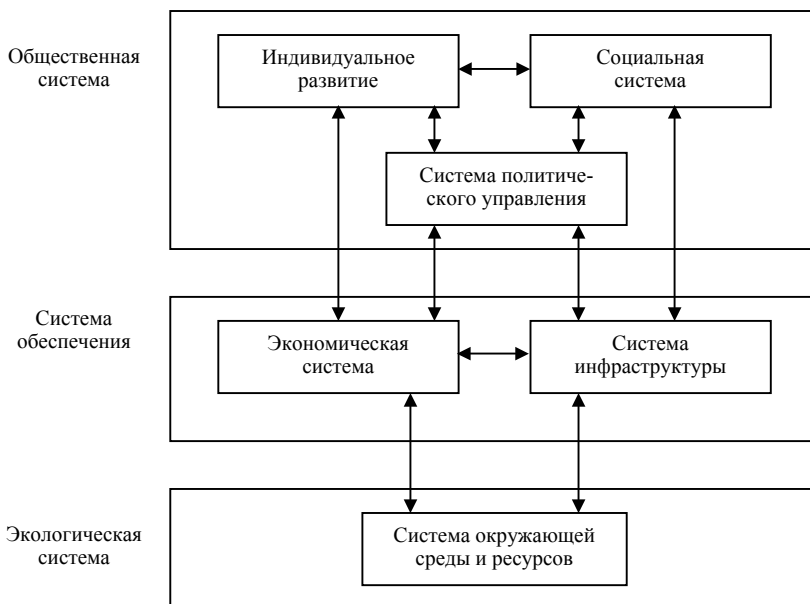

Рис. 4. Шесть основных подсистем антропосферы и их основные связи. Эти шесть секторных подсистем могут быть агрегированы до трех подсистем: общественная система (человек), система обеспечения и экологическая система [31]

В экономической литературе разрабатываются блоковые системы индикаторов экологической безопасности и устойчивого развития, отражающие состояние эколого-экономической системы [55]. Базовый набор индикаторов устойчивого развития для Байкальского региона приведен в монографии И.И. Думовой [74]. Поскольку этот набор может служить эталоном на этапе разработки и обмена опытом создания систем мониторинга для северных территорий, он приведен как образец в Приложении 3. Сопоставление данных приложений 1 и 3 показывает, как трансформируются теоретические подходы при реальном решении задачи выбора индикаторов устойчивого развития.

Блок социально-демографического воспроизводства при разработке стратегии устойчивого развития включает такой важнейший компонент, как здоровье. Без его анализа обходятся только "бесчеловечные" модели и конструкции, например, чисто природные. Известно, что российская и сибирская популяции населения находятся на грани быстрого истощения, демографической катастрофы, критерии и факторы здоровья сегодня выдвигаются на первое место и отражают действительность наступившего века [30, 104, 156]. Этнические процессы погружаются в экономическую среду, здоровье человека прямо связано со здоровьем окружающей техногенно измененной природы. Качество этноса является важнейшим индикатором устойчивого развития. Существующая система показателей требует дополнительной оценки и обсуждения. Она напрямую увязана с системой практического здравоохранения коренных малочисленных народов Севера [269]. Медико-демографические критерии состояния здоровья населения в упрощенном варианте приведены в Приложении 4 [324]. Что касается специфики здоровья человека на Севере и медицинских критериев выживания коренных малочисленных народов, то, не касаясь этой сложной и актуальной проблемы, сделаем ссылку на некоторые публикации [4, 185, 199, 202, 269, 293].

В связи с разработкой системы мониторинга социально-экономической и экологической ситуации и положения коренных малочисленных народов Сибири предстоит значительная работа по анализу многочисленных научных и статистических данных, обращение к ведомственной статистике, "которая знает все", но не управляет процессами [80, 283]. Приведем в качестве примера статистические издания для анализа и прогноза региональной ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе: "Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах. 2000 год. Статистический сборник" [318] и "Прогноз социально-экономического развития Ханты-Мансийского округа на 2002 год и параметры прогноза на период до 2004 года" [235]. Проблемы устойчивого развития как бы растворяются в многочисленных данных (показатели промышленности, строительства, образование, воспитание, социальная помощь, инвалидность, смертность, медицина, транспортные и коммунальные услуги, экологические и санитарно-гигиенические затраты и т.д.). Вычленение среди них информации, относящейся к малым народам, и ее целевой анализ являются исследовательской задачей. Примеры целенаправленного анализа подобных данных для упомянутого округа имеются в монографии А.П. Гудымы [57], для Алтае-Саянского экорегиона у Ю.М. Плюснина и соавторов [216]. О задачах и возможностях российской статистики для создания систем мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем как важнейшем институциональном основании повышения ее статуса и общественного значения специально пишет В.Н. Лексин и В.Е. Селиверстов [158].

Х. Боссель [31] обратил внимание на важность включения в процесс определения показателей устойчивого развития *базовых ориентиров*, выводимых на основе общей теории систем и обнаруживаемых в таких областях знания, как экология, психология, социология, религия, искусственный интеллект. Они свидетельствуют о фундаменталь-

ных аспектах ориентации систем, их жизнеспособности и идентичны во всех самоорганизующихся системах независимо от их физической природы и функционального типа. В процессе поиска показателей устойчивого развития базовые ориентиры, они же базовые требования, включаются в системы высшего уровня сложности - экологические и общественные - и отражают их взаимодействие с окружением, происходящие качественные изменения в ходе становления систем и обретения ими новых сложных свойств. В числе базовых ориентиров: существование, эффективность, свобода действий, безопасность, адаптируемость, сосуществование и психологические потребности. Обоснование выделения и детальное описание названных "ориентиров жизнеспособности" имеется в названной работе.

Хотелось бы обратить внимание на сущность, задачи и основные трудности создания в России мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем, требующего специально организованной и постоянно действующей системы сбора и анализа статистической информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований и оценки (диагностики) состояния, тенденций развития и остроты названных ситуаций и проблем [158, 295]. Они могут проявляться в виде формирования зон аномально высокой системной депрессии или экологического бедствия, в форме возникновения проблем социально-демографических, этнонациональных, геополитических, связанных с истощением ресурсов и утратой хозяйственного профиля территории. Мониторинг может быть тотальный и проблемно ориентированный. Например, изучение типичной региональной проблемы резкого падения уровня, качества и продолжительности жизни одного из малочисленных народов Севера может быть результативно осуществлено только в форме тотального мониторинга на всей территории жизнедеятельности этого народа. Проблемно ориентированный мониторинг касается, например, экодиагностики дестабилизированных территорий или регионов [107, 179, 261]. В их изучении помогут программно-целевой подход [100], методы среднего и регионального анализа, картографо-геоинформационного обеспечения [20, 35, 157, 249, 258, 260].

Глава 8. СЦЕНАРИИ ВОЗМОЖНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

"Линейные" концепции истории отводят малочисленным народам Севера место в "третьем" эшелоне: в худшем случае это вечные аутсайдеры, в лучшем - нуждающиеся в ускоренном приобщении к индустриальному обществу, его образу жизни, европейскому образованию и индивидуалистическому мировоззрению. Более приемлемой в качестве социально-философской основы для разработки стратегии устойчивого развития малочисленных народов является циклическая концепция, утверждающая, что единого пути для всех нет, а существуют лишь несколько локальных культур, каждая из которых живет по своим, уникальным и неповторимым правилам. Мир Севера является одним из таких центров.

У малочисленных народов Российского Севера существует выбор из нескольких вариантов развития. Если их представить в "чистом" виде, то они таковы [56]:

- полная экономическая и культурная ассимиляция в единый российский народ, полная утрата родного языка, превращение культуры в музейный экспонат, более не существующий в реальной жизни (эта тенденция соответствует "формационному подходу", знакомому по включению всех в единую общность, так называемый "советский народ", при всевластии Центра) [3];

- полная изоляция от техногенного мира, сохранение в неизменном виде традиционного образа жизни, способов хозяйствования, языка и культуры, создание при поддержке государства своего рода заповедных зон наподобие резерваций [63];

- установление тесных и постоянных контактов с близкими по культуре и языку народами европейских стран (в Финляндии, Венгрии), США (эскимосы), интеграция, например, в финно-угорский мир [265];

- интеграция по географическому признаку с народами Арктики, по типу циркумполярной культуры с народами Канады и США, объединение, например, в "Северный форум";

- внутрirosсийская ревитализация образа жизни, нахождение консенсуса внутри России и решение своих проблем в ее рамках с опорой на собственные силы и помощь государства;

- налаживание сложного политического взаимодействия с региональными политическими и экономическими элитами, большинство из которых не принадлежит по происхождению своему к аборигенным народам Севера, получение их поддержки для своего образа жизни и культуры и передача им, в свою очередь, полномочий для обоснования перед Центром особого экономического и политического статуса административных автономных образований [207].

Анализ сложившейся на Севере социально-политической ситуации свидетельствует о присутствии в ней элементов всех четырех упомянутых вариантов [2]. Очевидно,

что по экономическим и военно-стратегическим причинам Центр не допустит выхода северных территорий из-под своего контроля [254]. Продолжается сохранение идей государственного патернализма [215], о чем свидетельствует, например, федеральная целевая программа "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера (1995 - 2000 гг.), которая, правда, финансировалась в объеме от 25 до 2% при острой нужде в средствах на охрану здоровья, поддержку образования и культуры, оказание адресной социальной помощи, развитие традиционных отраслей хозяйствования. Аналогичная судьба была и у региональных программ [44, 122, 124].

Не следует забывать, что функционирование стержневых производственных комплексов страны - топливно-энергетического, металлургического, лесопромышленного, транспортного, - реализация оборонно-стратегических интересов обеспечиваются в основном сырьевыми ресурсами Севера и именно он определяет темпы экономического и социального развития и, в конечном счете, будущее России [6, 15, 292]. Промышленная элита современной России пытается включить территории народов Севера в сферу своего экономического влияния. Разгорающаяся борьба интересов отдельных банков и финансово-промышленных группировок, отечественного и иностранного капитала, Центра и регионов, противостояние внутри самих регионов проявляются на Севере особенно остро.

Согласно этой логике, северным народам предлагается совершить переход к более эффективным экономическим рыночным отношениям. Современная политика государственной власти в отношении традиционного природопользования коренного населения Севера до сих пор определяется установками советского периода, когда все виды и формы этой деятельности рассматривались как "архаические пережитки", а практикующие их коллективы - как отсталые и консервативные группы населения страны. Значительная часть аборигенного населения при этом подверглась русификации, практически полностью утратила свой язык и обычаи или просто деградировала, создав тип маргинала, забывшего свой язык и обычаи, плохо адаптированного к современному производству [56, 242, 256]. Отсюда призывы к социальной реабилитации Севера [1, 163, 282].

Подрыв естественной базы традиционных промыслов и занятий значительно сократил число аборигенов, занимающихся исторически сложившимся хозяйством. Этому способствовало и разрушение инфраструктуры, созданной во времена СССР. Жить согласно аборигенной культурной традиции необычайно трудно в условиях современной цивилизации и под влиянием других культур. Материалы экспедиции "Обская панорама" свидетельствуют, что молодые аборигены или вообще не хотят возвращаться в традиционное жилье, к суровому образу жизни, к ведению хозяйства и быта по обычаям предков, или же предпочитают модернизированный вариант "традиционной жизни" (использование электричества и новой техники, современное хозяйствование, полноценное потребление культурных услуг, доступ к передовым формам образования и медицинского обслуживания). Традиционная система ценностей малочисленных народов Севера, при которой главной задачей человека являлось сохранение природы для последующих поколений и воспроизводства жизни, деформируется, уступая место мечтам о материальном благополучии [56, 109 - 112, 130].

Стремление к изоляции от техногенных цивилизаций представляет собой естественную реакцию на нарушение традиционного образа жизни, на бесконтрольное "освоение природных богатств Севера", на культурную ассимиляцию. Она поддерживается защитниками окружающей среды, которые с полным основанием указывают, что

деятельность северных народов является природосохраняющим фактором, важным для поддержания экологического баланса на всей планете.

Общие разговоры о единой судьбе народов Севера, о естественном тяготении народов друг к другу на основе единой исторической судьбы и культуры могут быть прикрытием вполне конкретных экономических интересов, для выгодного вложения капиталов и извлечения прибыли. Речь идет о дальнейшей эксплуатации северных территорий транснациональными корпорациями, в расширенном объеме и с участием иностранного капитала [15, 265].

Предпочтителен такой сценарий развития событий, при котором северные регионы, не претендуя на обособление от России и поддерживая, в роли донорских сырьевых территорий, решение общероссийских проблем, должны, опираясь на собственные силы и ресурсы, обеспечить устойчивое развитие, включая задачи ревитализации образа жизни малочисленных народов. Многие представления о сущности природосохраняющего хозяйствования "новопришлого" население может и должно заимствовать у представителей коренных малочисленных народов, всячески способствуя сохранению их образа жизни и культуры.

"Региональное сознание", которое развивается сегодня в России вместе с расширением прав регионов [17, 122, 157, 247 - 249, 252, 267, 286], получение ими значительной самостоятельности в политике и экономике неизбежно должны привести к тому, что северяне перестанут понимать себя как население, искусственно и временно привязанное к Северу, и начнут осознавать себя единой многонациональной общностью: "С одной стороны, это легко ранимые малочисленные народы Севера со своим традиционным образом жизни, которые могут погибнуть в условиях вторжения в этот регион индустрии, массы людей с иным укладом жизни, а с другой - пришлые северяне, отдающие освоению этого сурового края больше труда, энергии и здоровья, чем жители других районов России" [88, с. 64]. Не случайно появилось интереснейшее исследование о феномене Сибиряка [263], носителя лучших черт и качеств обитателя и создателя всего Сибирского региона. Даже с учетом множественности его расово-этнического состава [246] можно говорить об идентичности, "сибирском характере", других специфических чертах, например, воинских, о которых с уважением писал маршал Конев в своих мемуарах. Опыт показывает, что сибиряками рождаются и становятся (идентифицируются), прожив в регионе более десяти лет, и это интересный момент для этнической психологии [42]. Имеются специальные исследования менталитета северян [196]. Впрочем, добрые слова в адрес сибиряков, северян, дальневосточников не относятся к категории временщиков, для которых Азиатская Россия - это колония, место, которое можно грабить, наживаясь на его природных богатствах. Но это уже вопрос об этических парадигмах индустриального освоения регионов [48].

Анализируя проблему в целом, можно сделать вывод, что для перспективного развития малочисленных народов России существует определенный комплекс условий. Это, в первую очередь, сохранение территории относительно компактного проживания и традиционного образа жизни, развитие системы образования, языка, приобретение опыта других культур, постепенное совершенствование законодательной базы, богатые природные ресурсы. Все это свидетельства возможностей сохранения здорового традиционного консерватизма и потенциальных возможностей устойчивого развития. Для практической реализации необходима конструктивная поддержка государства и активная жизненная позиция самих этносов. Ее выражает, в частности, резолюция IV съезда коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проходившего в 2001 г. Его участники призвали ускорить разработку и принятие федеральных зако-

нов и других нормативных актов, регулирующих жизненно важные для народов Севера вопросы:

- традиционного природопользования;
- северного оленеводства;
- охоты и охотничьего хозяйства;
- рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов;
- сохранения и поддержания этнических культур и языков народов Севера;
- формирования полномочных представительных органов народов Севера (в том числе парламента коренных малочисленных народов);
- развития традиционных форм самоуправления народов Севера;
- организации этнологической экспертизы при осуществлении проектов экономического развития территорий в местах компактного проживания и хозяйственной деятельности народов Севера;
- сохранения культурного и духовного наследия;
- образования и охраны здоровья.

Съезд коренных малочисленных народов обратил внимание и на несовершенство региональных систем управления, обратившись к органам государственной власти субъектов Российской Федерации с такими предложениями:

- соблюдать национальные и международные нормы в области прав коренных малочисленных народов при формировании регионального законодательства (об этом же пишут ученые [102, 128, 172, 226, 276, 306]);
- в соответствии с Конституцией РФ разработать механизм защиты "исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей" как частей народов Севера, проживающих в различных субъектах РФ, учитывая, что природная среда имеет для них этнообразующее значение, а их духовная культура создает базис для перехода к устойчивому развитию в Арктическом регионе;
- разработать механизм для реализации прав коренных народов Севера на участие в разработке программ экономического развития регионов, проведении государственных и общественных экологических и этно-экологических экспертиз, сопряженных с проектами любого использования территорий их традиционного расселения, в подготовке соглашений о разделе продукции;
- провести инвентаризацию территорий традиционного природопользования (ТТП), а также составить кадастры природных и культурных ресурсов (наследия) ТТП с оценкой их эколого-демографической емкости в условиях традиционного хозяйства и природопользования для сохранения и рационального использования этих ресурсов (наследия);
- законодательно и практически обеспечить охрану святынь и сакральных мест народов Севера;
- активизировать культурно-просветительную и воспитательную работу, направленную на признание значения культурного и природного наследия народов Севера, их традиционных знаний и практики природопользования;
- разрабатывать и осуществлять региональные и международные программы по сохранению и поддержанию традиционного природопользования, языков, культуры и развитию самоуправления в соответствии с обычаями и традициями народов Севера.

Касаясь последнего пункта этого перечня, хотелось бы сделать замечание о необходимости компетентного и контролируемого анализа исходной информации, привлечения к работе экспертов-профессионалов. Иначе получится ситуация, о которой писал польский сатирик Ежи Лец: "Всегда найдутся эскимосы, которые выработают для жителей Бельгийского Конго директивы поведения в самый разгар жары".

Активное обсуждение разных аспектов проблемы выживания малых этносов идет в различных регионах. Это относится, например, к праву собственности этноса на землю как основе экономического суверенитета. В одной из публикаций подчеркивается: "Превращение исконной территории проживания этносов в их реальную собственность должно служить предпосылкой для перехода от сугубо патерналистских взаимоотношений с федеральными органами власти к взаимоотношениям более равноправным, партнерским, для восстановления в новых условиях традиционного родственно-соседского коллективизма, способного обеспечивать на протяжении всей их истории специфическую целостность северных этносов. В этом случае отдельные представители коренных этносов Севера - владельцы родовых угодий, имея право на пожизненное владение ими и передачу их по наследству, окажутся надежными защитниками от напора внешней экономической среды и сами выступят в роли главных хранителей традиций и целостности этноса" [96, с. 16]

Следует еще раз упомянуть о научных исследованиях последних лет по рассматриваемым в аналитическом обзоре проблемам. Диапазон тематики кандидатских и докторских диссертаций охватывает широкий спектр наук: по убывающей это будут философские, политологические, экономические, географические, педагогические, социологические, исторические, психологические, медицинские и технические науки. Более десятка кандидатских и столько же докторских диссертаций посвящены Северу в целом и его региональным особенностям. Значительное внимание уделяется этносам и традиционному природопользованию, его правовым основам, неплохо представлен региональный компонент многих проблем, касающихся коренных малочисленных народов Севера. В сводном перечне публикаций можно выделить наиболее важные содержательные блоки:

- северный этногенез: [13, 70, 79, 89, 109, 140, 242, 245, 250, 263, 266, 317, 321, 352, 368];
- этносы и власть: [23, 72, 77, 128, 183, 195, 212, 215, 259, 273, 275, 349];
- этносы: социология и политика: [57, 68, 84, 88, 95, 110, 159, 184, 213, 223, 237, 262, 281, 289, 302, 323, 351];
- этносы: хозяйство, экономика: [19, 46, 76, 162, 190, 218, 284, 320, 336];
- безработица и обеспечение занятости [45, 53, 69, 127, 154, 238, 240];
- жизнеобеспечение и устойчивое развитие [56, 168, 204, 244, 319, 326];
- традиционное природопользование [59, 60, 116, 193, 243, 361];
- этносы и право [50, 90, 91, 96, 102, 120, 129, 133, 226, 272, 287];
- этносы и культура [48, 73, 92, 97, 141, 220, 221, 303, 315];
- этносы и религия [167, 173, 224, 334, 344];
- этносы: образование и воспитание: [82, 83, 186, 194, 222, 264, 271, 316, 337];
- этносы: традиции и современность: [67, 98, 33, 142, 175; 189, 329];
- этносы: медицина и здоровье: [169, 185, 198, 199, 202];
- этнодемография: [111, 112, 149];
- этносы и экология: [20, 37, 81, 132, 174, 233, 294, 360];
- этнос и культурный ландшафт: [105, 106, 139, 152, 179];
- этносы в регионах [36, 47, 113, 132, 181, 191, 212, 216, 231, 299];
- этносы и информатизация [17, 104, 187, 260, 289, 298].

На этом фоне значительного числа публикаций и разнообразия аспектов тем не менее следует сказать о перехвате инициативы в научных исследованиях северных, особенно арктических, областей странами Запада. Крайне ослабленная кризисом Россия

оказалась опутанной сетью международных соглашений и организаций, в которых главенствующую роль играют Канада, Норвегия и особенно США. Летом 1996 г. был создан Арктический совет, куда вошли все восемь северных стран (Россия, Канада, Гренландия (Дания), Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия), рекомендации которого в отношении путей и программ исследования и освоения Арктики более жестки, чем в других подобных соглашениях (по региону Баренцева моря, "Северный форум", Азиатско-Тихоокеанские договоры). Западные специалисты не скрывают своего стремления к тому, чтобы в Арктике все меньше проявлялся суверенитет отдельных стран и она бы напрямую управлялась международным сообществом. На особую роль в этом процессе претендует Финляндия, бывший президент которой Мартти Ахтисаари в 1998 г. заявлял: "Экономический кризис в России, вместе с глобальными экономическими проблемами, подтверждает основное предположение инициативы, ставшей известной под названием "Северное измерение ЕС". Это предположение может быть выражено одним словом: взаимозависимость. Даже такое государство, которое имеет масштабы России, уже не является независимым от развития в Азии и Европе... Финляндия в Европейском союзе хочет активно участвовать в развитии регионального и местного управления России" [56].

Гораздо больший интерес представляет зарубежный опыт решения проблем коренных народов Севера. В работе А.П. Гудымы [57] на примерах США, Канады, Гренландии, Норвегии рассмотрены особенности территориально-административного устройства северных территорий, национальные модели решения вопроса о земле, модели взаимодействия промышленных компаний с коренным населением Севера (Кодекс поведения ТНК) [5], приведены извлечения из правовых актов зарубежных стран. Эта тема затрагивается также в публикациях [135, 168, 276].

В рамках канадско-российского Соглашения о сотрудничестве в Арктике и на Севере активно разрабатывается "Экспериментальный проект по выработке всеобъемлющего подхода к обмену передовым опытом в области государственного управления и развития северных районов с учетом задач, стоящих перед Сибирским федеральным округом". Подобные проекты имеются и в других федеральных округах, регионах проживания коренных малочисленных народов.

Широко используемое в научной литературе слово *регионализация* отражает резкое повышение роли регионов, регионального фактора в жизни России. Это универсальная категория, неустранимый географический феномен специфичности и целостности функционирования государства. Существует священное отношение как к территории всего государства, так и малой родины. Патриотическое сознание любой, малой или большой, нации формируется, исходя из представлений о пространстве, наделяемом сакральным, священным значением. Такие аспекты регионализма, как идентичность, цикличность пространственного развития, фрагментация экономического пространства, финансовое неравенство, поляризация ресурсопользования, дезинтеграционные риски и многие другие активно изучаются [157, 158, 248]. В настоящем обзоре наибольшее внимание уделено этносоциальным, этнокультурным и эколого-географическим факторам, ключевым для понимания специфики Севера как территории обитания коренных малочисленных народов, совокупности регионов с ярко выраженной природно-географической, административной и этнодемографической спецификой. Этот анализ имеет значение для взвешенного понимания роли этнокультурного регионализма в развитии России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главой целью аналитического обзора было введение читателя в курс проблем национальной политики, касающейся коренных малочисленных народов Севера с учетом их недавнего (советского) исторического прошлого и достаточно драматичного сегодняшнего положения, тенденций и перспектив декларируемого на всех уровнях устойчивого развития. Сущность протекающих на Российском Севере неоднозначных процессов раскрывается через анализ теоретических подходов, предлагаемых философами, социологами, экономистами, правоведами, регионологами, представителями других гуманитарных и естественных наук.

Общая задача состоит в том, чтобы сделать Россию комфортной для всех граждан. Поэтому проблемы существования и жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера рассмотрены как часть общего комплекса экономических, экологических, политических, правовых и социокультурных проблем государства и его северных регионов. В обзоре концептивно затронут спектр вопросов, включающих взаимоотношения этносов и этничность, традиционное природопользование, этику освоения корпорациями минерально-сырьевых ресурсов, экологическую безопасность, мониторинг социального развития. Обосновывается возможность создания системы индикаторов социально-экономической и экологической ситуации. Показаны недостатки современного законодательства, социально-экономической системы, механизмов управления, призванных обеспечить гарантии выживания и благополучия коренных малочисленных народов Севера. Вместе с тем освещены пути оптимизации ситуации, в том числе с учетом решения этнонациональных проблем малых народов за рубежом.

В аналитическом обзоре использован достаточно репрезентативный массив публикаций, но он не претендует на абсолютную полноту: по каждому малочисленному народу, по любому северному региону России, по Арктике и Субарктике можно найти сотни разноплановых публикаций - от фундаментальных монографий до публицистических статей, лишь часть из которых приведена в списке литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей А. Эвенкия: есть ли выход из тупика? // ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. - 1997. - № 7. - С. 154 - 163.
2. Абрютин Л.И. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в государственной национальной политике России: проблемы, решения: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1999. - 20 с.
3. Аверин А.Н. Проблемы малочисленных народов Севера // СОЦИС. - 1990. - № 5. - С. 105 - 107.
4. Авцин А.П. и др. Патология человека на Севере / А.П.Авцин, А.А. Жаворонков, А.Г. Марачев, А.П.Милованов. - М.: Медицина, 1985. - 415 с.
5. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. - М.: Наука, 1984. - 200 с.
6. Агранат Г.А., Котляков В.М. Север - зеркало мировых и российских проблем // США: ЭПИ. - 1996. - № 12. - С. 6 - 49.
7. Акимова В.С. IV съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 2. - С. 1 - 9.
8. Акимова В.С., Николаев А.Н. Духовный смысл традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера // Там же. - № 1. - С. 27 - 28.
9. Актуальные проблемы развития национальных образовательных учреждений коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа. - Ханты-Мансийск, 1996.
10. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. - М.: Мысль, 1983. - 350 с.
11. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // СОЦИС. - 1998. - № 2. - С. 49 - 54.
12. Алексеев В.П. Историческая антропоэкология и этногенез. - М.: Наука, 1989. - 445 с.
13. Алексеева Л.В. К вопросу о начале трансформации традиционного общества у северных народов Западной Сибири // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивого развития нефтегазовых регионов России: Теория, методы, практика. Т. 2. - Нижневартовск, 2001. - С. 107 - 109.
14. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли: биологические аспекты: Курс лекций. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. - 279 с.
15. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / И.С. Грамберг, Д.А. Додин, Н.П. Лаверов, Ю.Е. Погребницкий. - СПб.: Наука, 2000. - 247 с.
16. Арктическая политика: человеческое измерение: Материалы экспертного опроса к Международной конференции / Под ред. В.И. Бакштановского. - Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. - 114 с.
17. Арсеньева Т.И. Информационная среда региона: методология формирования, социальные функции, управление: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Н. Новгород, 2001. - 40 с.
18. Базовый эколого-просветительный полигон Ханты-Мансийского филиала ТГСХА - Института природопользования Севера. - Ханты-Мансийск, 2001. - 28 с.
19. Баишева С.М. Продовольственное самообеспечение улусов проживания малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Якутск, 1998. - 27 с.
20. Баранова С.В. Региональная экологическая диагностика (на примере Нижегородской области): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. - СПб., 2001. - 20 с.

21. Баскин Л. Олень обходит никель, кадмий и свинец // Северные просторы. - 2000. - № 4. - С. 32 - 34.
22. Богатырев Н.Р. Экологическая инженерия жизнеобеспечения. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. - 184 с.
23. Богданова А.Н. Развитие местных органов власти коренных малочисленных народов (на примере Республики Саха (Якутия) и Канадского Севера: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1997. - 19 с.
24. Богословская Л.С. Традиционное природопользование в жизни народов Арктики // Проблемы экологии приполярных областей. - М., 1991. - Вып. 2. - С. 12 - 21.
25. Богословская Л.С. Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. - М., 1994.
26. Бойко В.И. Социально-экономическое развитие народностей Севера. - Новосибирск: Наука, 1988. - 320 с.
27. Бойко Е.Р. Метаболические особенности у представителей малочисленных народностей Севера: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. - Ташкент, 1990. - 25 с.
28. Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (Социологические очерки). - Рыбинск: РГАТА, 1995. - 154 с.
29. Борисов М.Н. Введение в этносоциологию. - Рыбинск: РГАТА, 1996. - 82 с.
30. Борисов М.Н. Демографические проблемы малочисленных народов Республики Саха: результаты социологических исследований. - Рыбинск, 1998. - 85 с.
31. Бурятыя Хартмут Показатели устойчивого развития: теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы / Пер. с англ. - Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2001. - 123 с.
32. Брегалов А. Русский Север // Использование и охрана природ. ресурсов России. - 1999. - № 7/8. - С. 120 - 123.
33. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. - М.: Наука, 1987. - 332 с.
34. Булатов В.И. Российская экология: дифференциация и целостность: Аналит. обзор / ГПНТБ, ИВЭП СО РАН. - Новосибирск, 2001. - 116 с.
35. Булатов В.И., Винокуров Ю.И. Ландшафтная индикация в решении задач природопользования // Ландшафтная индикация для рационального использования природ. ресурсов. - М.: МФГО, 1989. - С. 12 - 19.
36. Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития. - М.: Изд. дом "Круглый год", 2000. - 511 с.
37. Валеева Э.И., Зенько А.П., Московченко Д.В. Оценка антропогенной трансформации окружающей среды и ее этносоциальных последствий в Ханты-Мансийском автономном округе // Геоэкол. аспекты функционирования хозяйственного комплекса Западной Сибири: Материалы Всерос. конф. - Тюмень, 2000. - С. 82 - 84.
38. Валеева Э.И., Московченко Д.В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. - 229 с.
39. Василенко В.А. Экология и экономика: проблемы и поиски путей устойчивого развития: Аналит. обзор. - Новосибирск, 1997. - 123 с.
40. Василенко В.А. Экологическое обоснование хозяйственных решений: Аналит. обзор. - Новосибирск, 2001. - 138 с.
41. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. - СПб., 2001. - 291 с.
42. Введение в этническую психологию: Учеб. пособие / Под ред. Ю.П. Платонова. - СПб., 1995. - 199 с.
43. Винокурова Т.З. Этнические аспекты демографических проблем в Республике Саха (Якутия) // СОЦИС. - 1999. - № 6. - С. 77 - 80.
44. Власов В. Малые народы Севера нуждаются в защите // ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. - 1997. - № 7. - С. 164 - 168.
45. Всероссийская научно-практическая конференция "Проблемы обеспечения трудовой занятости малочисленных народов Севера в условиях перехода к рыночной экономике": Докл. и тез. выступлений. - Якутск: Северовед, 1997. - 109 с.

46. Галкин В.В. Эколого-экономические проблемы и пути развития традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера. Экономика менеджмента лесного комплекса: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Иркутск, 2001. - 21 с.
47. Ганопольский М.Г. Региональный этнос: истоки, становление, развитие. - Тюмень, 1998.
48. Ганопольский М.Г. Этические парадигмы индустриального освоения региона // Проблемы взаимодействия человека и природ. среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 3. - С. 72 - 75.
49. Генофонд и геногеография населения // Геногеография. Атлас населения России и сопредельных стран. В 5 т. - СПб.: Наука, 2002. - Т. 2.
50. Гладышев А.Г. Правовое и организационное обеспечение комплексного развития местного сообщества. (Одинцовский район Московской области): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2001. - 47 с.
51. Головин А.Ф. Трудовая подготовка детей коренных малочисленных народов Крайнего Севера (на примере эвенкийских школ Амурской области): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2000. - 25 с.
52. Голубев Г.И. Геоэкология. - М.: Геос, 1999. - 338 с.
53. Горохова Т.Б., Чистобаев А.И. Трудовой потенциал и проблема занятости малочисленных народов Севера России // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. - Вып. 3. - С. 104 - 115.
54. Гражданское общество и окружающая среда. Серия "Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России". - М.: Московский лицей, 2001. - Вып. XVII. - 288 с.
55. Губайдулина Т.Н. Устойчивое развитие эколого-экономической системы (вопросы теории и методологии): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. - Казань, 2000. - 46 с.
56. Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. - 343 с.
57. Гудыма А.П. Малочисленные народы Севера: социознательные отношения. - Тюмень: Изд-во "Вектор Бук", 2000. - 204 с.
58. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: "Институт ДИ-ДИК", 1997. - 640 с.
59. Гурова О.Н. Традиционное природопользование коренного населения Читинской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. - Улан-Удэ, 2001. - 24 с.
60. Гурова О.Н. Некоторые соображения к перспективам традиционного природопользования эвенков Читинской области // География Азиатской России на рубеже веков. - Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. - С. 107 - 108.
61. Данилов-Данильян В.И. Возможна ли козволлюция природы и общества? - М.: Экспресс, 1998. - 20 с.
62. Данилова Л.В. Традиционный опыт природопользования и современность // Традиционный опыт природопользования в России. - М.: Наука, 1998. - С. 4 - 17.
63. Дежкин В.В. Возвращение к российским истокам: возрождение сельской периферии России. (Дополнение к экологической парадигме XXI столетия). - М.: Изд-во МНЭПУ, 2000.
64. Диксон Б., Бэксес Ж. и др. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Пер. с англ. В.Н. Сидоренко, Т.А. Глушко. - М.: Ин-т соц.-экономических и производственно-экологических проблем инвестирования, 2000. - 175 с.
65. Джордж Г. Прогресс и бедность. - СПб., 1896. - 662 с.
66. Джордж Г. Земля для народа. - М., 1905. - 16 с.
67. Добжанская О.Э. Коренные народы Таймыра // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 22 - 23.
68. Долгушин Н.Г. Социальные проблемы сохранения и развития малочисленных этносов российского Севера: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. - Уфа, 2000. - 22 с.
69. Донской Ф.С. Обеспечение рациональной занятости народностей Севера // Проблемы современного соц. развития народностей Севера. - Новосибирск, 1987. - 88 с.
70. Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX и XXI веков (Краткий обзор). - Якутск: Северовед, 1997. - 39 с.
71. Донской Ф.С. Проблемы возрождения юкагиров // СОЦИС. - 1995. - № 7. - С. 83 - 88.
72. Доржинкевич С.И. Можно ли управлять социально-экономическим развитием коренных малочисленных народов Севера? - М., 1999. - 30 с.

73. Дорогонько Е.В. Коренные народы в условиях межкультурного синтеза // Северный регион. Наука, образование. Культура. - Сургут, 2001. - 2001. - № 1 (3). - С. 206 - 211.
74. Думова И.И. Региональное развитие и экологический менеджмент на предприятии. - Новосибирск: Изд-во "Гуманитарные технологии", 2001. - 74 с.
75. Думова И.И., Линягова Р.Р. Методические рекомендации по разработке Программы социально-экономического развития территории муниципального образования. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. - 44 с.
76. Дуткина М.П. Пути повышения уровня жизни коренных малочисленных народов арктических улусов Республики Саха (Якутия): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Якутск, 1999. - 24 с.
77. Дьячков М.В. О национально-территориальной, национально-государственной, национально-культурной автономии // СОЦИС. - 1993. - № 11. - С. 99 - 102.
78. Дьячков М.В. Родной язык и межэтнические отношения // Там же. - 1995. - № 11. - С. 67 - 70.
79. Дьячков М.В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / Там же. - № 7. - С. 88 - 92.
80. Европейский Север России (социально-экономическое положение региона): Сб. - Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000.
81. Евсеев А.В., Красовская Т.М. Эколого-географические особенности природной среды районов Крайнего Севера. - Смоленск, 1999.
82. Ендовицкий С.Н. Социально-педагогические проблемы становления и развития национальной школы (На примере школ коренных малочисленных народов Севера): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2001. - 21 с.
83. Жиркова З.С. Социально-педагогические основы совершенствования деятельности школ малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Якутск, 1998. - 21 с.
84. Жукковский А.И. Малые народы Севера в системе государственной социальной политики России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. - М., 1999. - 23 с.
85. Завьялова О.Г. Территориальные особенности ретроприродопользования Курганской области // Проблемы региональной экологии, 2001. - № 2. - С. 80 - 85.
86. Завьялова О.Г. Этнокультурное разнообразие природопользования: риск утраты (на примере ретроприродопользования в Курганской области) // Экологический риск: Материалы Второй всерос. конф. - Иркутск, 2001. - С. 73 - 76.
87. Загрязнение Арктики: Доклад о состоянии окружающей среды Арктики / АМАП. Программа арктического мониторинга и оценки. - СПб., 1998. - 188 с.
88. Зайдфудим П.Х. Социальная реабилитация населения в районах Российского Севера // СОЦИС. - 1994. - № 7. - С. 19 - 28.
89. Зайдфудим П.Х. Система социальной реабилитации и адаптации населения Российского Севера (опыт, проблемы) - М.: Изд-во Компания "Единая Европа", 1995.
90. Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1998. - 20 с.
91. Защита права коренных малочисленных народов России на традиционный образ жизни и среду обитания // Информ. бюл. Асс. корен. малочисл. народов Севера Том. обл. "Колта куп". - Томск: Изд-во НТЛ, 2001. - 96 с.
92. Зеленская Е.Г. Традиционная культура коренных народов Сахалина // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 23 - 26.
93. Зубаков В. Дом Земля. Контуры эпигеософского мировоззрения (научное развитие стратегии поддержания). - СПб., 2000. - 112 с.
94. Зубаков В. Дом Земля. Контуры эпигеософского мировоззрения (Научное развитие стратегии поддержания). - СПб.: Изд-во "Нестор", 2000. - 190 с.
95. Иванов Г.А. Этнос как субъект социального развития: социально-философский аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Якутск, 1996. - 20 с.
96. Иванов Г.А. Собственность на землю как основа экономического суверенитета этноса // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 1. - С. 13 - 16.
97. Иванова В.А. Историческое своеобразие и актуальные проблемы социально-культурного развития малочисленных народов Енисейского Севера: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. - М., 1991. - 20 с.

98. Иванова Ю.В. Этнос: социокультурная динамика и традиции: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - 46 с.
99. Ивачев И.В. Некоторые аспекты воздействия нефтегазового освоения на окружающую среду и природопользование малочисленных народностей // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998. - Вып. 3. - С. 90 - 95.
100. Истомин А.В. Программно-целевой подход в экономической политике развития регионов Севера. - Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2001. - 210 с.
101. Казанник А.И. Народная охрана природы Сибири (История. Состояние. Перспективы). - Омск: ГУИПП "Омский дом печати", 1999. - 192 с.
102. Казарян П.Л. Об историко-юридической полноте северных правовых норм // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 12 - 14.
103. Казначеев В.П. Проблемы человековедения. - Москва - Новосибирск, 1997. - 349 с.
104. Казначеев В.П. и др. Проблемы "Сфинкса XXI века". Выживание населения России / В.П. Казначеев, Я.В. Поляков, А.И. Акулов, И.Ф. Мингазов. - Новосибирск: Наука, 2000. - 232 с.
105. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. - Смоленск, 1998.
106. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учеб. пособие. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - 96 с.
107. Камышев А.П. Методы и технологии мониторинга природно-технических систем Севера Западной Сибири / Под ред. А.Л. Ревзона. - М.: ВНИПИГАЗДОБЫЧА, 1999. - 230 с.
108. Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского анализа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - 48 с.
109. Квашнин Ю.Н. Современные этнические процессы в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. - Ханты-Мансийск; Сургут, 2000. - С. 187 - 189.
110. Квашнин Ю.Н. Проблемы межнациональных отношений в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии. - Нижневартовск, 2000. - С. 56 - 69.
111. Квашнин Ю.Н. Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири (ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник. - М.: ИЭА РАН, 2001. - С. 56 - 69.
112. Квашнин Ю.Н. Этнодемографическая характеристика населения Ярсалинской сельской администрации Ямало-Ненецкого автономного округа // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 3. - С. 47 - 50.
113. Кимонко Н.Е. Коренные народы Хабаровского края // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 17 - 21.
114. Киселев А.И. Человек: экологическое измерение (философская интерпретация). - СПб.: Изд-во "Нестор", 2000. - 190 с.
115. Клоков К.Б. Некоторые проблемы развития хозяйства коренных народов Севера: Текст доклада, прочит. на 2-м Междунар. семинаре по проблемам Севера, Принс-Джордж, Канада, май 1996 г. (Certain problems of the economy of the Northern peoples). - СПб.: НИИ географии СПбГУ, 1996. - 24 с.
116. Клоков К.Б. Традиционное природопользование елогуйских кетов (опыт социально-этнического изучения процессов акультурации) // Этногеографические и этноэкологические исследования. - СПб.: М., 1999. - Вып. 6.
117. Клоков К.Б. // Зеленый мир. - 1999. - № 16 - 17.
118. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. - М., 1991. - С. 17 - 18.
119. Козлов В.И. Проблематика этничности // Этнографическое обозрение. - 1995. - № 4.
120. Комментарий к федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / Б.С. Крылов, С.Н. Харючи, Л.В. Андриченко и др. - М., 1999. - 152 с.

121. Кондратьев К.Я., Лосев К.С. Иллюзии и реальность стратегии устойчивого развития // Вестник РАН. - 2002. - Т. 72, № 7. - С. 505 - 509.
122. Концепция региональной политики социально-экономического развития малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе (на Международное десятилетие коренных народов мира). - Екатеринбург, Ханты-Мансийск, 1996. - 122 с.
123. Концепция развития профессионального образования в Ханты-Мансийском автономном округе. - Тюмень: Вектор Бук, 1997. - 24 с.
124. Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991 - 2005 гг. - Якутск, 1988.
125. Костарев С.В. Самоорганизация и управление природопользованием (философские аспекты). - Омск: Изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 1999. - 176 с.
126. Костарев С.В. Самоорганизация и управление природопользованием: (Философско-методологические аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - С. 43.
127. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока: труд и занятость / В.Г. Мыслик, И.В. Калашникова, С.В. Лебедев, П.Б. Суляндзига. - Хабаровск: ДВГУПС, 2001. - 123 с.
128. Коренное население: глобальное стремление к независимости: Докл. для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. - М.: Междунар. отношения, 1990. - 248 с.
129. Коренные народы. Нефть. Закон: Сб. тез. и докл. междунар. конф. - Ханты-Мансийск, 1998. - 153 с.
130. Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты: Материалы Всерос. конгр., М., 3 - 5 декабря 1999 г. - СПб.: Просвещение, 2000. - 318 с.
131. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири = The small indigenous nations of Northern Russia: Руководство для исследователей / Ред. Д.А. Функ, Л. Силланпя. - Б. м. - 1999. - 184 с.
132. Коренные народы и охрана природы: декларация принципов WWF = Indigenous peoples and conservation: WWF statement of principles. - М.: Всемир. фонд дикой природы, 1997. - 40 с.
133. Коренные народы России: самоуправление, земля и природные ресурсы: Обзор законов и иных нормативных актов XIX - XX вв. / К.Д. Аракчаа, Т.А. Васильева, Е.М. Доровских и др. - М.: Изд-во Гос. Думы: Известия, 1995. - 47 с.
134. Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы Междунар. конф. - Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2000. - 565 с.
135. Корчагин Ю.В. Народы Севера России в двадцатом столетии: Процесс преобразований в западноевропейской и североамериканской историографии. - СПб., Петропавловск-Камчатский, 1994. - 285 с.
136. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития / К.Б. Клоков, С.А. Хрушев, В.М. Моисеева, О.В. Петина; науч. ред. А.И. Чистобаев. - СПб.: НИИГ СПбГУ, 1996. - 28 с.
137. Краснополюский Б.Х. Инфраструктура в системе регионального комплекса Севера. - М.: Наука, 1980. - 145 с.
138. Краснощеков Г.П., Розенберг Г.С. Экология "в законе" (теоретические конструкции современной экологии в цитатах и афоризмах). - Тольятти: ИЭВБ РАН, 2002. - 248 с.
139. Красовская Т.М. Культурный ландшафт районов Крайнего Севера как основа устойчивого развития региона // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. - Смоленск, 1998.
140. Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. - Новосибирск, 2000. - 45 с.
141. Кривошапкин А.В. Социокультурное развитие малочисленных народов Севера России (на материалах эвенского этноса): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. - М., 2000. - 36 с.
142. Кривошапкин А.В. За сохранение самобытности и духовное возрождение коренных малочисленных народов севера Якутии в XXI веке // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 2. - С. 10 - 18.
143. Кротов А.В. География национального сепаратизма: причины, происхождение и пути урегулирования: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. - Барнаул, 2002. - 22 с.

144. Крупник И.И. Арктическая этнология. - М.: Наука, 1989. - 372 с.
145. Крылов И.А. Дестабилизация социально-экологической обстановки в России // Философия и общество. - 1999. - № 1. - С. 92 - 115.
146. Куницына В.П. Этнические стереотипы // Психолог. журн. - 1989. - № 4.
147. Куриков В.М. Современные проблемы традиционного общества народов Севера. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. - 48 с.
148. Куриков В.М. Стратегия сохранения и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. - СПб., 1999. - 26 с.
149. Куриков В.М. Социально-экономические проблемы сохранения и воспроизводства этносов коренных малочисленных народов Севера: Науч. докл. / РАН. Уральское отд. Ин-т экономики. - Екатеринбург, 1999. - 17 с.
150. Куриков В.М. Социально-экономические проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера. - СПб.: Алфавит, 1999. - 127 с.
151. Кушнир А. Природосообразность и народная педагогика // Народное образование. - 1999. - № 1 - 2. - С. 86 - 90.
152. Ландшафт и этнос. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. - 200 с.
153. Ланцов В.А., Бабкина Л.Н., Песоцкая Е.В. Потенциал территории: экономический, социальный, экологический аспекты. - СПб.: СПбУЭФ, 1994. - 145 с.
154. Лебедев С.В. Занятость коренных малочисленных народов Севера. Проблемы и регулирование (на примере Корякского автономного округа): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Хабаровск, 1999. - 26 с.
155. Левашов В.К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия. - М.: Академия, 2001. - 175 с.
156. Левашов В.И., Староверов В.И. Демография и демографическое развитие России: демографический анализ. - М.: РАГС, 2000. - 190 с.
157. Лексин В., Андреева Е. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения. - М.: Изд-во "Экопрос", 1993. - 160 с.
158. Лексин В.Н., Селиверстов В.Е. Сущность, проблемы и механизмы формирования общероссийской системы мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем // Регион. - 1999. - № 4. - С. 3 - 31.
159. Логинов С.В. Оценка социально-экономических последствий освоения минеральных ресурсов в ареалах проживания коренных малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - Екатеринбург, 1999. - 21 с.
160. Луговская И.Р. Школьное обязательное образование северных стран. - Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. - 97 с.
161. Лысак И.В. Деструктивная деятельность человека как социально-культурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Ростов н/Д, 1999. - 22 с.
162. Магнатаева Д.Ж. Экономико-географические основы формирования и трансформации традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. - Иркутск, 2000. - 36 с.
163. Малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия): Информ. сб. / Сост. и отв. ред. Ф.С. Донской. - Якутск: ИПМНС, 1994. - 121 с.
164. Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков: Сб. ст. - СПб.: ИЛИ, 1997. - 190 с.
165. Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы: Сб. науч. тр. - Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1993. - 98 с.
166. Мантатов В.В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. - Улан-Удэ, 1998. - Т. 1. - 204 с.
167. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1997. - 160 с.
168. Мантатова Л.В. Устойчивое развитие: экология и человеческий дух - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999. - 174 с.
169. Манчук В.Т. Среда и здоровье населения Крайнего Севера // СОЦИС. - 1994. - № 7. - С. 62 - 65.
170. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. - Новосибирск: Наука, 1993. - 189 с.

171. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. - Новосибирск: Наука, 2002. - 254 с.
172. Мастюгина Т., Стельмах В. Малые народы Севера и Дальнего Востока: основы правового статуса в свете принципов междунар. права и заруб. опыта // Рос. бюл. по правам человека. - 1994. - № 4. - С. 156 - 171.
173. Мартынов А.С. Природа и люди России. Экология, религия, политика и действие. - М.: Проект ГЭФ "Сохранение биоразнообразия", 1999. - 132 с.
174. Марфусалова А.Д. Экологические традиции малочисленных народов Севера (социально-философский аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Якутск, 2000. - 21 с.
175. Марфусалова А.Д. Традиции и кочевая родовая община // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 26 - 28.
176. Маслова Т.Д. Методология и методы управления развитием социальных эколого-экономических систем (маркетинговый аспект): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. - СПб., 1999. - 31 с.
177. Медведкова Н.И. Педагогические основы рационализации физической реабилитации населения экологически неблагополучных территорий: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. - Пермь, 2000. - 48 с.
178. Международное право, законодательство Российской Федерации и ее субъектов по проблемам коренных малочисленных народов и национальных меньшинств: Материалы междунар. семинара / Сост. В.Н. Бирин, И.Б. Семакова. - Петрозаводск: Периодика, 1998. - 64 с.
179. Мельник А.В. Динамика антропогенных ландшафтов Западного Забайкалья (историко-географический аспект). - М.: Изд-во МИИГ АиК, 1999. - 342 с.
180. Мельников Б.Н. Методология исследования гетерогенных структур при разработке природоохранных мероприятий: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Екатеринбург, 1998. - 41 с.
181. Мельникова Л.В. Тофы. - Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1994. - 302 с.
182. Меляков Н.И. Традиционное воспитание детей у малочисленных народов Севера. - М.: ИНПО, 1993. - 107 с.
183. Местная повестка дня на XXI век (МПД-21) // Эко-Logos. Журн. московского ИСАР. - 2002. № 15. - 39 с.
184. Методические материалы по взаимоотношениям коренных малочисленных народов Севера с хозяйствующими субъектами / В.П. Пахомов, М.Н. Игнатъева, В.Н. Беляев и др. - Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2000. - 63 с.
185. Мефодьев В.В. Антропогенная трансформация окружающей среды и ее влияние на состояние здоровья населения Ханты-Мансийского автономного округа // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 3. - С. 86 - 88.
186. Михайловская Е.В. Правовое регулирование образовательной деятельности в ХМАО // Северный регион. Наука, образование. Культура. - Сургут, 2001. - № 1 (3). - С. 104 - 107.
187. Моделирование социо-эколого-экономических систем региона / О.Ф. Балацкий, Д.Ф. Бельшев, В.И. Гурман и др. - М.: Наука, 2001. - 175 с.
188. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вестн. философии. - 1995. - № 1. - С. 4.
189. Молчанов Б.А. Человек и природа в традиционном правосознании народов Северной России. - Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. - 215 с.
190. Мордкович В.Г. Бараба - страна диковинная. - СПб., 1995. - 176 с.
191. Мурин В.Б. Становление системы категорий национальных и региональных отношений. - М.: Граница, 2001. - 344 с.
192. Некоторые подходы к организации экологического мониторинга в условиях Севера. - Сыктывкар, 1996. - 169 с.
193. Нелюбин А.Н., Балтуева С.В. Этническое природопользование малочисленных коренных народов Сибири // Проблемы устойчивого развития общества. - Иркутск, 1998.
194. Нерадовский В. Дети Севера - особенные дети. Этническая дифференциация образования // Народное образование. - 1999. - № 1 - 2. - С. 98 - 99.
195. Нимаева Л. Без привилегий нет равенства // Северные просторы. - 2000. - № 4. - С. 28 - 31.

196. Новиков А.Г. Особенности менталитета северян // Север: проблемы и перспективы. - 2000. - № 1. - С. 20 - 22.
197. Нормативно-правовое регулирование природопользования в Ханты-Мансийском автономном округе: Сб. норматив. актов. - М., 2000. - Книга I. - 486 с., книга II - 351 с.
198. О создании единой региональной системы мониторинга окружающей природной среды и здоровья населения Сибири: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Новосибирск, 1996. - 142 с.
199. Образцов Л.Н. Медицинская экология Европейского Севера России. - СПб.: ВМедА, 1998. - 258 с.
200. Оценка состояния и устойчивости экосистем. - М., 1992. - 127 с.
201. Осипов В.А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Концептуальный аспект. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. - 248 с.
202. Особенности онкологической заболеваемости населения Сибири и Дальнего Востока / Л.Ф. Писарева, А.П. Бояркина, Р.М.Тахауов, А.Б. Карпов. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. - 411 с.
203. Особенности природопользования и нормативы природовосстановления на Крайнем Севере России / Н.С. Котелина, И.Б. Арчегова, Г.Г. Романов, Л.П. Турубанова. - Екатеринбург: УрО РАН, 1998. - 147 с.
204. Особо ценные территории природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации. - М.: МНЭПУ, 1997. - 117 с.
205. Павлов С.М. Психологические особенности этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 2001. - 20 с.
206. Паин Э. Национальная политика России: история и современность. - М.: Русский мир, 1997.
207. Паин Э. Динамика этнодемографической ситуации как отражение политических перемен в России (1991 - 1997 гг.). - <http://www.prof.msu.ru/book/pain.htm>
208. Панасюк М.В. Географические основы управления регионом: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. - М., 2001. - 39 с.
209. Парсонс Г. Человек в современном мире. - М., 1985. - 428 с.
210. Первый учредительный съезд оленеводов России: 14 - 15 ноября 1995 года. - М.: Изд-во РУДН, 1996. - 89 с.
211. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный подходы. Зарубежный опыт и проблемы России. - М.: Изд-во КМК, 2002. - 444 с.
212. Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. - М.: Academia, 1998. - 190 с.
213. Петров Ю.Д. Государственная политика и механизм сохранения малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. - М., 2000. - 40 с.
214. Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М., 1994. - 225 с.
215. Пилясов А.Н. От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства. - Магадан: Сев.-Вост. компл. НИИ ДВО РАН, 1998. - 199 с.
216. Плюснин Ю.М. и др. Концепция устойчивого социального развития Алтае-Саянского экорегиона / Ю.М. Плюснин, З.И. Калугина, С.В.Соболева, Ю.В. Попков. - Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2002. - 58 с.
217. Поисеев И.И. Устойчивое развитие Севера. Эколого-экономический аспект / Отв. ред. Е.Г. Егоров. - Новосибирск: Наука. Сиб изд. фирма РАН, 1999. - 223 с.
218. Поисеев И.И. Эколого-экономические проблемы развития северных регионов (на примере Республики Саха (Якутии): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. - М., 1999 - 43 с.
219. Показатели устойчивого развития: структура и методология / Пер. с англ. - Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2001. - 359 с.
220. Положение об особо ценных территориях природного и природно-историко-культурного наследия народов Российской Федерации / ЦС ВООП, ВЭФ. - М., 1997. - 130 с.
221. Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра: Хрестоматия: (Пособие для учителей и учащихся). - Красноярск: Кн. изд-во, 1995. - Ч. 2. - 252 с.
222. Попова М.И. Этнопедагогика малочисленных народностей Таймыра: Учеб. пособие. - М.: ИНПО, 1995. - 87 с.

223. Попова Т.И. Развитие малочисленных народов Российской Федерации: этнополитический аспект (на примере бесермян): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1998. - 22 с.
224. Поспелова А.И. Религия и культура автохтонных арктических народов: (Филос.-культурол. анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - 58 с.
225. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. - М.: МНЭПУ, 1999. - 224 с.
226. Правовой статус коренных народов приполярных государств: Материалы конф. - М.: РУДН, 1997. - 192 с.
227. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 310 с.
228. Приклонский С.Г. Научные основы мониторинга охотничьих животных на больших территориях: Автореф. дис. ... докт. биол. наук. - М., 1999. - 52 с.
229. Природа и люди России: Основания к пониманию проблемы / Сост. Д.Н. Кавтарадзе, А.А. Овсянников. - М.: Изд-во МГУ, 1999. - 111 с.
230. Приоритеты национальной экологической политики России. - М.: Наука, 1999. - 100 с.
231. Приоритеты социально-экономического развития регионов: вопросы теории, методологии, практики. - Екатеринбург, 2000. - 503 с.
232. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. - Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. - 2002. - 356 с.
233. Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 3. - 145 с.
234. Проблемы загрязнения Арктики // Экол. безопасность России. - М.: Изд-во "Юрид. лит.", 1996. - Вып. 2. - С. 232 - 267.
235. Прогноз социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа на 2002 год и параметры прогноза на период до 2004 года. - Ханты-Мансийск, 2001. - 38 с.
236. Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М. Дридзе. - М.: Наука, 1989. - 256 с.
237. Программные методы управления экономическим и социальным развитием коренных малочисленных народов Севера / П.Х. Зайдфудим, И.В. Прангишвили, С.И. Доржинкевич и др.; Под ред. П.Х. Зайдфудима - М.: ИГУ РАН, 1996. - 72 с.
238. Программа обеспечения занятости населения из числа коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа. - Ханты-Мансийск, 1996.
239. Программа профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: концептуальные модели развития и пути их реализации / К.Г. Барбакова, В.В. Гаврилюк, А.П. Гудыма и др. - Тюмень: Вектор Бук, 1997. - 90 с.
240. Программы "Обеспечение занятости населения из числа коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа на 1997 - 2000 годы", "Жилье аборигенов" - Ханты-Мансийск, 1996. - 170 с.
241. Прохоров Б.Б. Прикладная антропоэкология: Учебник. - М.: МНЭПУ, 1998. - 312 с.
242. Пыхтеева И.В. Итоги и следствия советских преобразований в жизни малочисленных народов Камчатки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1994. - 24 с.
243. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. - 163 с.
244. Рагулина М.В. Концепция жизнеобеспечения как основа социально-географического исследования локальных сообществ // География Азиатской России на рубеже веков. - Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. - С. 117 - 118.
245. Рагулина М.В. Географический анализ субъективных факторов этнотерриториального взаимодействия в политическом регионе: постановка проблемы // Регион. природопользование и фундам. проблемы будущего. - Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. - С. 108 - 124.
246. Расы и народы (Сибирь). - М.: Наука, 2002. - Вып. 28.
247. Регион: теория и практика устойчивого развития. - М.: Изд-во "БСТ", 1998. - 146 с.
248. Регионализация в развитии России. Географические процессы и проблемы. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 296 с.

249. Региональные проблемы сбалансированного развития процесса природопользования: эколого-экономические, организационные и правовые аспекты. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. - 508 с.
250. Рехлясова Л.П. Современное положение коренных малочисленных народов Севера Якутии // Север: Проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 15 - 17.
251. Рогачев Г.Г. Социально-экологические проблемы охоты и рыболовства: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. - М., 2000. - 45 с.
252. Рогожина Н.Г. Региональная экополитология: Учеб. пособие. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. - 164 с.
253. Росенко М.Н. Этнонациональные процессы в современном обществе: Философско-методологический анализ. - СПб., 1996.
254. Российская Арктика: на пороге катастрофы. - М.: Центр экологической политики России, 1996. - 206 с.
255. Русский Север: этническая история и народная культура 17 - 20 века. - М.: Наука, 2001. - 848 с.
256. Рыбкина Р.В., Косалс Л.Я., Ковалкина К.А. Малочисленные народы Севера СССР: итоги жизни в империи и перспективы // СОЦИС. - 1992. - № 4. - С. 37 - 35.
257. Рюмина Е.В. Анализ эколого-экономических воздействий. - М.: Наука, 2000. - 158 с.
258. Рыщенко С.В. Региональная антропоэкология Сибири. - Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2000. - 191 с.
259. Саввина А.Г. Политическое участие коренных малочисленных народов как фактор осуществления демократических реформ в Республике Саха (Якутия): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2000. - 24 с.
260. Саввинова А.Н. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): картографо-геоинформационное обеспечение: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. - М., 2001. - 23 с.
261. Сапожников А.А., Молдаванов О.И. Экологически депрессированные территории. Проблемы и методология. - М.: Высшая школа, 1999. - 138 с.
262. Сафронов А.С. Этносоциальное и политическое развитие малочисленных народов Севера в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 1994. - 21 с.
263. Сверкунова Н.В. Феномен Сибири // СОЦИС, 1996. - № 8. - С. 90 - 94.
264. Север и экология - 21 век: экологическое образование и воспитание // Тр. межрегион. конф. северных регионов Российской Федерации. - Сыктывкар, 2000. - 407 с.
265. Северное измерение в политике Евросоюза и Российский Север: Материалы Междунар. науч. семинара. - Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 1998. - 163 с.
266. Северные народы России на пути в новое тысячелетие: К десятилетию Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Рос. Федерации. - М., 2000. - 223 с.
267. Северные регионы России: социальные, экономические, демографические и этнические процессы. - Сыктывкар, 2000. - 407 с.
268. Селиванов А.О. Природа, история, культура. Экологические аспекты культуры народов мира. - М.: Геос, 2000. - 322 с.
269. Сельское здравоохранение у малочисленных народов Севера Канады и России. Ч. III. Здоровье и здравоохранение / Отв. ред. Ю.В. Попков, Д.Дж. Андерсон. - Новосибирск: Агентство "Сибпринт", 2002. - 144 с.
270. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учеб. пособие для вузов. - Брянск: Курсив, 1999. - 557 с.
271. Серкин В.П. Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-Востока России в конце XX в. - Магадан, 1998. - 36 с.
272. Силанпяэ Л. Малые народы Российской Севера и их права как коренных народов: Некоторые наблюдения и предварительные гипотезы // Обычное право и правовой плюрализм: Материалы XI Междунар. конгр. по общ. праву и правовому плюрализму. - М., 1999. - С. 52 - 58.
273. Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? - М., 1999. - 27 с.

274. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. - 184 с.
275. Слепцов А.Н. Теория и методология государственного регулирования прав коренных малочисленных народов Севера России // Север: проблемы и перспективы. - 2001. - № 2. - С. 28 - 32.
276. Слепцов А.Н. Защита интересов коренных жителей США // Там же. - № 1. - С. 29 - 30.
277. Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. - М., 1990. - 208 с.
278. Солдаткин В. И. Современная государственная образовательная политика: социальные императивы и приоритеты: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - 54 с.
279. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. - М.: Смысл, 1998. - 389 с.
280. Соловьев В.С. Собр. соч. в 10-ти т. - СПб., 1911 - 1912. - Т. 8. - 704 с.
281. Сондыков В.С. Коренные малочисленные народы Севера: проблемы развития и управления (На примере Ханты-Мансийского автономного округа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2001. - 22 с.
282. Социальная реабилитация Севера России / П.Х. Зайдфудим, О.П. Фролов, О.И. Бабков и др. - М., 1995. - 95 с.
283. Социальное и экономическое развитие районов проживания народностей Севера: Стат. сб. - Тюмень, 1997.
284. Социально-экономическое развитие обских угров на этапе перехода к рыночным отношениям. - Ханты-Мансийск: ГУИПП "Полиграфист", 1998. - 193 с.
285. Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: Федеральный и региональный аспекты: Сб. тез. / Всерос. науч.-практ. конф. Секция 5 - 6. - Сургут, 1998. - Ч. 3. - 130 с.
286. Спиридонов Ю. Право на развитие северных территорий в контексте региональной политики // Федерализм. - 2001. - № 4. - С. 5 - 16.
287. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы / Сост. В.А. Кряжков. - М.: Юрид. лит., 1994. - 486 с.
288. Степанов А. С. Философско-методологические основы социально-правового регулирования экологических отношений: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 2000. - 50 с.
289. Степановская И.А., Доржинкевич С.И., Борисов В.Г. Проблемы социального развития коренных малочисленных народов Севера. Информационное обеспечение программно-целевого экономического реформирования. - М.: РАН. Ин-т проблем управления, 1998. - 33 с.
290. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России / Под ред. А.И. Тревиша и С.С. Артоболевского. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - С. 10 - 38.
291. Стручков К.Н. К проблеме признаков этноса // Север: Проблемы и перспективы. - 2001. - № 3. - С. 10 - 11.
292. Субъект Российской Федерации Ханты-Мансийский автономный округ: Информационный меморандум / Инвестиционная компания АВК. - Ханты-Мансийск; СПб., 2000. - 65 с.
293. Сулейманов С.Ш. Особенности функционирования системы биотрансформации ксенобиотиков в адаптивных реакциях и патологии малочисленных народов Крайнего Севера: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. - Волгоград, 1997. - 47 с.
294. Сыроечковский Е.Е. Этноэкологические территории в системе особо охраняемых природных территорий Севера России и правовой статус коренных народов // Правовой статус коренных народов приполярных государств: Материалы конф. - М.: РУДН, 1997. - С. 176 - 178.
295. Сюткин В.М. Экологический мониторинг административного региона (концепция, методы, практика на примере Кировской области). - Киров: ВГПУ, 1999. - 232 с.
296. Тадевосян Э.В. Этнонация: миф или реальность? // СОЦИС, 1997. - № 8. - С. 61 - 68.
297. Таскаев А.И. Приоритеты экологической политики на Севере России // Северное измерение в политике Евросоюза и Российской Север: Материалы междунар. науч. семинара. - Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1999. - С. 53 - 54.
298. Теблеева У.Ц. Функциональные модели эко- и геосистем различного иерархического уровня. - М.: РАН, 1996. - 175 с.

299. Телицин В.Л. Проблемы сбалансированного развития северных территорий (на примере Среднего Приобья) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири: Сб. - Тюмень: Изд-во Тюм. ГУ, 1998. - Вып. 3. - 180 с.
300. Территориальная организация природопользования при газопромысловом освоении Верхояленья / Отв. ред. А.Н. Антипов, Л.М. Корытный. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. - 251 с.
301. Территория: проблемы экологической стабильности (Амурский район в аспекте эколого-географической экспертизы). - Хабаровск: Дальнаука, 1998. - 165 с.
302. Технология социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера / Междунар. обществ. фонд содействия экон. и соц. развитию коренных народов Севера. - М.: МГАПИ, 1999. - 25 с.
303. Титов В.Н. Этнокультурная идентичность малочисленных этнических групп как фактор экономического и демографического поведения (на примере московских ассирийцев и караимов): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - М., 1995. - 17 с.
304. Томашек П. Глобализация, трансформация и регионы // Проблемы теории и практики управления. - 1997. - № 5. С. 45 - 49.
305. Традиции воспитания народов Сибири. - Ленинград, 1988.
306. Токарев А.Н. Налоговое регулирование нефтегазового сектора: региональные аспекты. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000. - 256 с.
307. Тузмухамедов Р.А. Право этносов в международном праве. - М.: Наука, 1991. - 105 с.
308. Урсул А.Д. Человечество, земля, вселенная (Философские проблемы космонавтики) - М., 1977. - 264 с.
309. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. - М., 1998.
310. Урсул А.Д. Стратегия устойчивого развития цивилизации III тысячелетия // Глобальные проблемы биосферы. - М.: Наука, 2001. - Вып. 1. - С. 175 - 194.
311. Устойчивое развитие: мифы и реальность / Г.С. Розенберг, Г.П. Краснощеков, Ю.М. Крылов и др. - Тольятти: ИЭВБ РАН, 1998. - 191 с.
312. Файзулин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // СОЦИС. - 1997. - № 8. - С. 40 - 47.
313. Факторы устойчивости малых национальных групп: теоретико-методологические и прикладные вопросы исследования. - Новосибирск: ИЭОП, 2000. - 166 с.
314. Филиппов Л.С. Разумные потребности личности как социально-исторический феномен: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Якутск, 1999. - 37 с.
315. Формирование экологической культуры молодежи Ханты-Мансийского автономного округа. - Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2000. - 118 с.
316. Фролова А.Н. Этнопедагогика детства коренных народов Северо-Востока России. - Магадан: КОРДИС, 2001. - 231 с.
317. Хайрулина Н.Г. Этническая идентификация аборигенных народов Севера: социологический подход // Северный регион. Наука, образование. Культура. - Сургут, 2001. - № 1 (3). - С. 136 - 143.
318. Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах. 2000 год: Стат. сб. / Ком. гос. статистики Ханты-Мансийского автономного округа. - Ханты-Мансийск, 2002. - 204 с.
319. Харамзин Т.Г. О программе устойчивого социально-экономического развития малочисленных народов ХМАО на период 2001 - 2010 гг. // Северный регион. Наука, образование. Культура. - Сургут, 2001. - № 1 (3). - С. 237 - 243.
320. Харамзин Т.Г., Хайрулина Н.Г. Обские угры: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия. - Ханты-Мансийск: ГУИПП "Полиграфист", 2000. - 186 с.
321. Харючи С.Н. Традиции и инновации в этнической культуре ненцев: (Вторая половина XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Томск, 1999. - 18 с.
322. Харючи С.Н. Партнерство - залог устойчивого развития // На пути к устойчивому развитию России. - 1999. - № 7. - С. 26 - 27.
323. Харючи С.Н. Современные проблемы коренных народов Севера: Докл. и выступления. - Томск, 1999.
324. Хоружая Т.А. Методы оценки экологической опасности. - М.: Экспертное бюро-М, 1998. - 224 с.

325. Хрупкое равновесие Севера: концептуальные основы экологически сбалансированного освоения природно-ресурсного потенциала Российской Арктики / А. Вьюгин, А. Беляев, К. Беляев, К. Кивва // Использование и охрана природных ресурсов России. - 1999. - № 1/2. - С. 69 - 74.
326. Хуршудов А.Г. Трудные пути развития коренных народов Севера // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивого развития нефтегазовых регионов России: Теория, методы, практика. - Нижневартовск, 2001. - Т. 2. - С. 86 - 89.
327. Цибульский В.Р. Оценка устойчивости развития северных территорий на примере Сибири, Тюменской области и г. Тюмени // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. - Вып. 3. - С. 80 - 85.
328. Ципко А. Ахиллесова пята великоросса // Литературная газ. - № 23. - 2002.
329. Чикачев А.Г. Русские на Индирикке. - Новосибирск: Наука, 1990. - 189 с.
330. Чубайс И.Б. Идеино-идентификационная основа российского общества и государства: Социально-философский анализ : Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Ростов н/Д, 2000. - 42 с.
331. Чудов В. Кто поможет нашим "могиканам"? // Эхо планеты. - 1995. - № 8.
332. Шалмина Г.Г., Тарасевич В.В., Загарин А.В. Основы стратегии развития регионов России. - Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. - 420 с.
333. Шафраник Ю., Крюков В. Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между легендарным прошлым и неясным будущим? - М.: ООО "НТ", 2001. - 224 с.
334. Шилин К.И. Экосфера религии и этноса. - М.: Очаг, 1997. - 113 с.
335. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения, этнических и этнографических явлений. - Шанхай, 1922.
336. Шустров Д.Н. Исследование и разработка организационно-экономических методов управления традиционным хозяйством малочисленных народов Севера (на примере Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа): Автореф. дис. ... канд. техн. наук. - Норильск, 2000. - 22 с.
337. Экология и природопользование: Сборник образовательных программ и учебно-методических материалов. - Ханты-Мансийск, 1999. - Вып. 1. - 272 с.
338. Экология сознания. Критерии успешного развития в толерантном обществе XXI века: Материалы конф. - Норильск, 1999. - 88 с.
339. Экология Ханты-Мансийского автономного округа / Сост. Л.Н. Добринский, В.В. Плотников. - Тюмень: Софт Дизайн, 1997. - 288 с.
340. Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. - СПб.: Наука, 1995. - 222 с.
341. Экология: устойчивое развитие и управление природопользованием. - М.: РАГС, 1998. - 237 с.
342. Эколого-географическая оценка и мониторинг природной среды. - СПб., 1998. - 129 с.
343. Эколого-экономические основы регулируемого природопользования / Л.Я. Захарченко, Л.В. Соломяная, С.В. Соломяный и др. - М.: МСХА, 1999. - 197 с.
344. Экология и традиционные религиозно-магические знания: Материалы междунар. симпозиума, Москва-Абакан-Кызыл. - М., 2001. - 305 с.
345. Этническая экология: Теория и практика. - М.: Наука, 1991. - 374 с.
346. Экологические и социально-экономические аспекты развития России в условиях глобальных изменений природной среды и климата. - М.: ГЕОС, 1997. - 140 с.
347. Этническая культура: динамика основных элементов / Отв. ред. И.И. Крупник. - М., 1984. - 196 с.
348. Этническая экология: теория и практика./ Б.В. Андрианов, А.А. Воронов, Н.И. Григулевич и др. - М.: Наука, 1991. - 376 с.
349. Этнические аспекты власти / Отв. ред. В.В. Бочаров. - СПб., 1995. - 241 с.
350. Этническое возрождение малочисленных народностей Севера и государственная региональная политика. - М.: Наука, 1994. - 225 с.
351. Этническое развитие народностей Севера в современный период. - М.: Наука, 1987. - 222 с.
352. Этносоциальные процессы в Сибири / Отв. ред. Ю.В. Попков. - Новосибирск, 1997. - Вып. 1; 1998. - Вып. 2; 2000. - Вып. 3.

353. Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы междунар. конф., 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. - М.: Наука 1994. - 315 с.
354. Этничность. Национальные движения. Социальная практика. - СПб., 1995. - 336 с.
355. Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (Концепция развития). - М., 1989. - 81 с.
356. Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. - М.: Наука, 1991. - 189 с.
357. Этнос и природная среда. - Владивосток: Дальнаука, 1997. - 151 с.
358. Этнос и этнические процессы: Сб. ст. - М.: Наука, 1993. - 344 с.
359. Этнос Сибири: язык и культура: Материалы междунар. конф. - Томск, 1997. - 82 с.
360. Этноэкология и туризм Горной Шории. - Кемерово, 1997. - 250 с.
361. Южаков А.А., Мухачев А.Д. Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. - Новосибирск, 2001. - 112 с.
362. Юркевич Б.Н. Перспективы строительства Туруханской ГЭС на р. Нижняя Тунгуска // Материалы второго Всерос. совещ. гидроэнергетиков. - СПб.: Изд-во ОАО "ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева", 2002. - С. 222 - 228.
363. Ямалов Р.К. Идея национально-культурной автономии (Исторический социологический аспект). - Екатеринбург, 1994.
364. Ямальский конфликт: Гуманитарная экспертиза: Материалы экспертного опроса / Под ред. В.И. Бакштановского. - Тюмень, 1991. - 174 с.
365. Ясвин В.А. История и психология формирования экологической культуры. Удобно ли сидеть на вершине пирамиды? - М.: Наука, 1999. - 100 с.
366. Gowdy D.M. Progress end Environmental Sustainability // Environmental Ethics. - 1994. - Vol. 16, № 6. - P. 51.
367. Human Development Report 1990. N.Y.: Oxford University Press, 1990. Новое обращение к индексу человеческого развития // Отчет по человеческому развитию за 1994 год. - Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1994. - С. 90 - 101. Нищета с точки зрения развития человеческого потенциала: концепции и показатели // Доклад о развитии человека за 1997 год. - Нью-Йорк, Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1997. - С. 15 - 123.
368. Siberia and the Circumpolar North = Sibirien und Zircumpolare Norden: Conference, June 2 - 4, 2000, Vienna, Austria : Contributions by antropologists a. NGOs. - Vienna, 2000. - 64 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Булатов Валерий Иванович - доктор географических наук, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН
- Гудыма Анна Петровна - кандидат педагогических наук, профессор, Тюменская аграрная академия

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Критерии разработаны для воздушной среды, водных объектов, почв, геологической среды, наземных экосистем (растительного и животного мира), биогеохимических характеристик.

Критериями для атмосферного воздуха являются *критические нагрузки* (максимальные значения выпадений) и *критические уровни загрязняющих веществ* (максимальные значения концентраций).

Параметры установлены для наземной растительности, лесных и водных экосистем по веществам: диоксиды азота и серы, фтористый водород, озон (*критические уровни*), соединения серы и азота, ионы водорода (*критические нагрузки*).

Выявление зон чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия для водных объектов проводят по критериям загрязнения, истощения водных ресурсов и деградации водных экосистем с использованием химических и биологических (в том числе биотестовых) показателей. Основными химическими показателями являются концентрации наиболее опасных токсичных загрязняющих веществ (с учетом класса опасности), в том числе обладающих свойством накапливаться в органах и тканях гидробионтов. Для совокупной оценки используют расчетный суммарный показатель для превышающих ПДК химических веществ.

Оценка состояния водных экосистем основана на гидробиологических параметрах, характеризующих развитие всех экологических групп водных сообществ: фито-, зоопланктона, зообентоса, запасов иктиофауны, а также на показателях биотестирования токсичности. Учитывают также степень евтрофикации пресноводных и морских экосистем.

В качестве основного показателя степени истощения водных ресурсов взята норма безвозвратного изъятия поверхностного стока.

В оценке состояния почв основными критериями экологического неблагополучия являются *показатели физической деградации почв, химического и биологического загрязнения*.

Величины параметров установлены для показателей:

- площадь выведенных из сельскохозяйственного оборота земель;
- уничтожение гумусового горизонта;
- превышение уровня грунтовых вод;
- радиоактивное загрязнение;
- превышение ПДК химических веществ (с учетом классов опасности);
- снижение уровня активной микробной массы;
- фитотоксичность (по данным биотестирования).

В качестве дополнительных показателей используют показатели доли загрязненной сельскохозяйственной продукции. Экспертно устанавливают параметры средней урожайности почв сельскохозяйственных территорий.

Изменения геологической среды оценивают по интенсивности и масштабам проявления современного напряженно-деформированного состояния верхних частей литосферы, по параметрам критических скоростей деформации и масштабам ожидаемого сейсмического эффекта.

Оценку степени деградации наземных экосистем проводят по критериям, характеризующим негативные изменения в их структуре и функционировании.

В *зоне чрезвычайной экологической ситуации* состояние экосистем описывается изменениями в соотношении основных трофических групп и удельной массы одной из групп в пределах 20 - 50% с нарушением взаимосвязей внутри системы; процессы деградации в этом случае еще обратимы.

В *зонах экологического бедствия* изменения необратимы и экосистема теряет средо- и ресурсовоспроизводящие функции.

Направленность и скорость деградации наземных экосистем рассчитывают по рядам наблюдений за 5 - 10 лет.

Критерии оценки состояния растительности различаются в зависимости от географических условий и типов экосистем.

При этом учитывают следующие параметры:

- уменьшение биоразнообразия;
- плотность популяции видов-индикаторов;
- площадь коренных ассоциаций;
- лесистость;
- запас древесины основных лесообразующих пород;
- повреждение древостоев и хвойных пород техногенными выбросами;
- площадь посевов, поврежденных вредителями;
- проективное покрытие и продуктивность пастбищной растительности;
- изменение ареалов редких видов и др.

Критерии состояния животного мира включают показатели на уровне зооценоза и отдельных видов и популяций.

Ранжированы параметры:

- уменьшение биоразнообразия;
- плотность популяции видов-индикаторов;
- снижение численности охотничье-промысловых видов.

При биогеохимической оценке рассматривают биогеохимические провинции с резким изменением химического элементного состава компонентов окружающей природной среды. Например, основными показателями являются соотношение углерода и азота в почвах, поверхностных водах, растениях, растительных кормах, содержание токсичных химических веществ (ртути, кадмия, свинца, мышьяка и др.) в растениях и растительных кормах.

РАБОЧИЙ СПИСОК ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ГЛАВЫ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА XXI ВЕК	ПОКАЗАТЕЛИ ВХОДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	ПОКАЗАТЕЛИ СОСТОЯНИЯ	ПОКАЗАТЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ
1	2	3	4

КАТЕГОРИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ

Глава 3. Борьба с бедностью

- Уровень безработицы

- Индекс бедности по широте охвата населения.
- Индекс степени бедности.
- Индекс предельной бедности.
- Индекс неравенства о распределении доходов (индекс Гини).
- Соотношение средней заработной платы у мужчин/женщин

Глава 5. Демографическая динамика и устойчивость

- Коэффициент прироста населения.
- Коэффициент чистой миграции.
- Суммарный коэффициент рождаемости

- Плотность населения

Глава 36. Поддержка образования, общественного просвещения и профессионального обучения

- Коэффициент динамики контингента учащихся.
- Коэффициент контингента учащихся начальной школы (суммарный и чистый).
- Коэффициент контингента учащихся средней школы (суммарный и чистый).
- Коэффициент грамотности взрослого населения

- Дети, перешедшие в 5-й класс в системе начального образования.
- Прогнозируемый срок пребывания в школе.
- Коэффициенты процентного состава мальчиков и девочек в контингенте учащихся.
- Число женщин на 100 мужчин в составе рабочей силы

- Доля валового внутреннего продукта, предназначенная на нужды образования

1	2	3	4
<p>Глава 6. Охрана и укрепление здоровья</p>		<ul style="list-style-type: none"> - Основные санитарно-профилактические мероприятия: процент населения, имеющего доступ к системе адекватных технических сооружений по удалению коммунально-бытовых сточных вод. - Доступ населения к питьевой воде, отвечающей санитарным нормам. - Средняя продолжительность жизни, прогнозируемая при рождении. - Дети с адекватной массой тела при рождении. - Коэффициент детской смертности. - Коэффициент материнской смертности. - Состояние питания детей 	<ul style="list-style-type: none"> - Процент вакцинации от детских инфекционных болезней. - Распространенность контрацепции. - Процент потенциально опасных химических соединений, зарегистрированных в пищевых продуктах. - Доля расходов на национальное здравоохранение, отчисляемая в адрес местной первичной медицинской санитарной помощи. - Процент общих расходов на национальное здравоохранение от валового национального продукта
<p>Глава 7. Поддержка устойчивого развития населенных пунктов</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент прироста городского населения. - Потребление топливного горючего автотранспортом в расчете на душу населения. - Человеческие и экономические потери в результате стихийных бедствий 	<ul style="list-style-type: none"> - Процент городского населения. - Площадь и население городских официальных и неофициальных застроек. - Размеры общей жилплощади на человека. - Отношение цены на жилье к уровню доходов 	<ul style="list-style-type: none"> - Расходы на развитие инфраструктуры на душу населения

1	2	3	4
---	---	---	---

КАТЕГОРИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

<p>Глава 2. Международное сотрудничество, направленное на ускорение устойчивого развития в развивающихся странах, и связанная с этим внутренняя политика</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения. - Доля чистых капиталовложений в ВВП. - Процент суммы экспорта и импорта от ВВП 	<ul style="list-style-type: none"> - Чистый, внутренний продукт с коррекцией на экологические затраты - Доля товаров промышленного назначения в общем объеме экспорта товаров 	
<p>Глава 4. Изменение структуры потребления</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Годовое энергопотребление на душу населения. - Доля промышленных отраслей, характеризующихся интенсивной эксплуатацией природных ресурсов, в производстве условно-чистой продукции 	<ul style="list-style-type: none"> - Разведанные минеральные запасы. - Разведанные ископаемые топливно-энергетические запасы. - Период разработки разведанных энергетических запасов. - Интенсивность сырьевого потребления. - Доля условно-чистой продукции, производимой перерабатывающей промышленностью, в ВВП. - Доля потребления возобновляемых энергетических ресурсов 	
<p>Глава 33. Финансовые ресурсы и механизмы</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Поступления чистых денежных средств/валовой национальной продукт (ВНП). - Процент общего объема официальной помощи, предоставленной или полученной на развитие от ВНП 	<ul style="list-style-type: none"> - Внешняя задолженность/ВНП. - Обслуживание внешнего долга / экспорт 	<ul style="list-style-type: none"> - Процент расходов на охрану окружающей среды от общего объема ВВП. - Объем вновь производимого или дополнительного финансирования на нужды устойчивого развития

1	2	3	4
Глава 34. Передача экологически приемлемых технологий, сотрудничество и наращивание экономического потенциала	<ul style="list-style-type: none"> - Импорт товаров производственного назначения. - Прямые иностранные инвестиции 	<ul style="list-style-type: none"> - Доля импорта экологически приемлемых товаров производственного назначения 	<ul style="list-style-type: none"> - Безвозмездная передача технологий в рамках технической кооперации

КАТЕГОРИЯ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ

Глава 18. Охрана качества пресных вод и обеспечение пресноводных ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> - Ежегодный водозабор грунтовых и поверхностных вод. - Бытовое водопотребление на душу населения 	<ul style="list-style-type: none"> - Запасы грунтовых вод. - Концентрация кишечной палочки в пресной воде. - Биохимическая потребность в кислороде в водных объектах 	<ul style="list-style-type: none"> - Очистка сточных вод. - Плотность гидрологических сетей
Глава 17. Охрана океанов, всех видов морей и прибрежных зон	<ul style="list-style-type: none"> - Прирост населения в прибрежных зонах. - Сброс нефти в прибрежные воды. - Сброс азота и фосфора в прибрежные воды 	<ul style="list-style-type: none"> - Максимальный промысловый запас для рыболовства. - Коэффициент массы водорослей 	
Глава 10. Комплексный подход к планированию и управлению земельными ресурсами	<ul style="list-style-type: none"> - Изменения в землепользовании 	<ul style="list-style-type: none"> - Изменение земельных условий 	<ul style="list-style-type: none"> - Местное самоуправление природными ресурсами
Глава 12. Управление хрупкими экосистемами: борьба с опустыниванием и засухой	<ul style="list-style-type: none"> - Население, живущее за чертой бедности в районах засухи 	<ul style="list-style-type: none"> - Национальный ежемесячный индекс выпадения осадков. - Индекс фитомассы, полученный на основе спутниковых данных. - Территории, пораженные опустыниванием 	

1	2	3	4
Глава 13. Управление хрупкими экосистемами: устойчивое развитие горных районов	- Изменение численности населения в горных районах	- Сбалансированное использование природных ресурсов в горных районах. - Благополучие населения горных районов	
Глава 14. Поддержка устойчивого развития сельского хозяйства и сельской местности	- Использование сельскохозяйственных пестицидов. - Применение удобрений. - Процент орошаемых земель от пахотных земель. - Энергоиспользование в сельском хозяйстве	- Площадь пахотных земель на душу населения. - Территория засоленных и заболоченных почв	- Сельскохозяйственное образование
Глава 11. Борьба с обезлесением	- Интенсивность вырубки леса	- Изменение площади лесного массива	- Доля лесов, охваченных лесоустройством. - Процент площади охраняемого лесного массива от общей площади лесного массива
Глава 15. Охрана биологического разнообразия		- Процент исчезающих видов от общего числа местных видов	- Процент охраняемых территорий от всей территории
Глава 16. Экологически обоснованное управление биотехнологиям			- Расходы на исследование и разработку биотехнологий. - Наличие норм или руководств по вопросам безопасности биотехнологий

Продолжение прил. 2

1	2	3	4
Глава 9. Охрана атмосферы	<ul style="list-style-type: none"> - Выбросы газов, вызывающих парниковый эффект. - Выбросы оксидов серы. - Выбросы оксидов азота. - Потребление веществ, разрушающих озон 	<ul style="list-style-type: none"> - Концентрация загрязняющих веществ в атмосфере городов 	<ul style="list-style-type: none"> - Расходы на борьбу с загрязнением воздушной среды
Глава 21. Экологически обоснованное управление твердыми отходами и проблемы, сходные с проблемами удаления сточных вод	<ul style="list-style-type: none"> - Образование промышленных и городских твердых отходов. - Количество удаляемых бытовых отходов на душу населения 		<ul style="list-style-type: none"> - Расходы на управление отходами. - Рециркуляция и повторное использование отходов. - Удаление городских отходов
Глава 19. Экологически приемлемое использование ядохимикатов	<ul style="list-style-type: none"> - Острые отравления, вызванные химическими соединениями 		<ul style="list-style-type: none"> - Число химических соединений, на использование которых наложен запрет или строгие ограничения
Глава 20. Экологически приемлемое использование опасных отходов	<ul style="list-style-type: none"> - Образование опасных отходов. - Импорт и экспорт опасных отходов 	<ul style="list-style-type: none"> - Земельные территории, загрязненные опасными отходами 	<ul style="list-style-type: none"> - Расходы, выделяемые на переработку опасных отходов
Глава 22. Безопасное и экологически приемлемое использование радиоактивных отходов	<ul style="list-style-type: none"> - Образование радиоактивных отходов 		

1	2	3	4
---	---	---	---

КАТЕГОРИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ

Глава 8. Комплексное рассмотрение вопросов экологии и развития при принятии решений

- Стратегии устойчивого развития.
- Программа единой экологической и экономической отчетности.
- Мандатная экологическая экспертиза.
- Роль национальных советов по устойчивому развитию

Глава 35. Вклад науки в устойчивое развитие

- Научный и инженерно-технический потенциал на миллион населения

- Ученые и инженерно-технические работники, задействованные в исследованиях по теоретическим и прикладным вопросам развития, на миллион населения
- Процент расходов, выделяемых на исследования по теоретическим и прикладным вопросам развития, от ВВП

Глава 37. Роль национальных механизмов и международного сотрудничества в становлении потенциала развивающихся стран

1	2	3	4
Глава 38. Международные институциональные соглашения			
Глава 39. Международные правовые инструменты и механизмы			<ul style="list-style-type: none"> - Ратификация глобальных соглашений. - Выполнение ратифицированных глобальных соглашений
Глава 40. Информационное обеспечение для принятия решений		<ul style="list-style-type: none"> - Магистральные линии телефонной связи на 100 жителей. - Доступ к информации 	<ul style="list-style-type: none"> - Программы по национальной экологической статистике
Глава 23 - 32. Усиление роли основных социальных групп			<ul style="list-style-type: none"> - Представительство основных социальных групп в национальных советах по устойчивому развитию. - Представительство этнических меньшинств и коренного населения в национальных советах по устойчивому развитию. - Вклад неправительственных организаций в устойчивое развитие

БАЗОВЫЙ НАБОР ИНДИКАТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

РАЗДЕЛ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА XXI ВЕК	ИНДИКАТОРЫ ТЕНДЕНЦИЙ ПО РАЗДЕЛУ	ИНДИКАТОРЫ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ	ИНДИКАТОРЫ КОРРЕКТИРУЮЩИХ ДЕЙСТВИЙ
1	2	3	4

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ

Борьба с бедностью	<p>За период с 1994 по 2000 гг. снижение числа занятых в экономике составило 5% (с 424 тыс. чел. до 399,8 тыс. чел.). Общий уровень безработицы вырос с 9,3% в 1994 г. до 20,4% в 1998 г. с последующим снижением до 17,3% в 2000 г.</p> <p>Реальные денежные доходы составляют 85% к предыдущему году, в 2002 г. - 105%</p>	<p>Население с уровнем жизни ниже прожиточного минимума:</p> <p>1995 г. - 55,2%, 1996 г. - 60%, 2002 г. - 42%.</p> <p>Соотношение по доходам наиболее богатых (10%) и бедных:</p> <p>1995 г. - 18,8, 1996 г. - 29,7, 2002 г. - 12%</p>	
Демографическая политика	<p>Темп роста населения:</p> <p>1995 г. - 100%, 1996 г. - 99,9%.</p> <p>Миграционный прирост:</p> <p>1995 г. + 0%, 1996 г. - 0,1%</p>	<p>Плотность населения - 3 человека на км²</p>	<p>Число родившихся:</p> <p>1994 г. - 12327 чел., 1995 г. - 12311 чел., 2000 г. - 10609 чел.</p> <p>Естественный прирост:</p> <p>1995 г. - 277 чел., 1996 г. - 259 чел., 2000 г. - 1438 чел.</p>

1	2	3	4
Содействие образованию, подготовке кадров и информированности общества	<p>Прирост числа учащихся: Начальная школа: 1994/1995 гг. - 114 чел., 1995/1996 гг. - 126 чел. Средняя школа: 1994/1995 гг. - 107 чел., 1995/1996 гг. - 108 чел.</p>	<p>Доля грамотных среди взрослых - 100%. Лица, не занятые в экономике и на учебе: 1995 г. - 59,4 тыс. чел., 1996 г. - 63 тыс. чел., в том числе имеющие статус безработного: (1995 г.) - 8,7 тыс. чел., (1996 г.) - 15,9 тыс. чел.</p>	<p>Число женщин на 100 мужчин среди работающих: 1994 г. - 85 чел., 1995 г. - 87 чел.</p>
Защита здоровья населения	<p>Доступ к чистой питьевой воде имеют 100% населения. Доля населения, живущая без канализации, - 32%. Доля лиц, не обеспеченных должным уровнем питания, - 60%. Оснащенность современным медицинским оборудованием на 2000 г. - не более 20%, а физический и моральный его износ превышает 60%. В 2000 г. по сравнению с 1994 г. число врачей уменьшилось в 1,6 раза, а средних медицинских работников - 1,3 раза</p>	<p>Детская смертность на 1000 человек, родившихся живыми: 1994 г. - 19,9 чел., 1995 г. - 15,2 чел. С 1995 по 2000 гг. уровень младенческой смертности увеличился на 14%. Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении: 1993 г. - 63,26 года, 1994 г. - 61,71 года, 2000 г. - 64,4 года. Материнская смертность при родах (на 1000 рожениц): 1994 г. - 6 чел., 1995 г. - 9 чел. С 1995 по 2000 гг. уровень материнской смертности увеличился на 24%. С 1994 по 2000 гг. заболеваемость туберкулезом выросла в 3 - 5 раз, а число ВИЧ инфицированных - в 400 раз</p>	<p>Доля ВВП, затрачиваемая на здравоохранение, - 0,5% (в 2002 г. - 14%). Доля расходов национального здравоохранения, затрачиваемая на местное медобслуживание, - 42%</p>

1	2	3	4
Содействие устойчивому развитию поселений	Число городских поселений: 1994 г. - 35, 1996 г. - 35	Доля городского населения: 1995 г. - 59,4%, 1996 г. - 59,6%. Общая площадь жилья на душу населения: 1994 г. - 14,5 м ² , 1995 г. - 14,8 м ² , 2000 г. - 16,2 м ²	Расходы на строительство жилья по федеральным программам (дети-сироты, дети-инвалиды, "ликвидаторы" и т. д.): 1995 г. - 2,33 млрд руб., 1996 г. - 7,17 млрд руб. Расходы на поддержание общественного транспорта: 1995 г. - 295,4 млрд руб., 1996 г. - 392,7 млрд руб. Инфраструктурные расходы на душу населения: 1995 г. - 49,4 тыс. руб., 1996 г. - 65,9 тыс. руб. Средства населения на индивидуальное строительство: 1995 г. - 53 млрд руб., 1996 г. - 85,2 млрд руб.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Экономическое развитие	Темп роста ВВП на душу населения (к предыдущему году): 1994 г. - 110,5%, 1995 г. - 100,9%. Экспорт товаров и услуг: 1994 г. - 67 млрд руб. 1995 г. - 161,7 млрд руб.	ВВП на душу населения (в ценах 1991 г.): 1994 г. - 3446 руб./чел., 1995 г. - 3477 руб./чел. Вклад производственной деятельности в ВВП - 46,9%. Экспортная доля ВВП - 2,4%	Доля инвестиций в ВВП: 1994 г. - 14,1%, 1995 г. - 16,7%. Нет региональных торговых соглашений
------------------------	---	---	--

1	2	3	4
Изменение характера потребления	Сокращение запасов минеральных ресурсов в год: 0,05% от утвержденных. Ежегодное производство электроэнергии на душу населения - 3,2 тыс. кВт·ч/чел. Доля ресурсных отраслей - 9 %	Утвержденные запасы минерального сырья - 5684,2 млн т. Утвержденные энергетические ресурсы - 2260 млн т угля. Валовой продукт ресурсных отраслей - 248,8 млрд руб. (цены 1994 г.)	Отношение потребляемых возобновимых ресурсов к невозобновимым - 3 : 1
Финансовые ресурсы и механизмы	Доля продажи ресурсов в ВВП - 6%	Долги (% от ВВП) - 0,04%	Доля ВВП, выделяемая на защиту окружающей среды с учетом платежей за загрязнение: 1994 г. - 1,42%, 1995 г. - 1,25%. Экологические налоги и субсидии - 7,9 % (1996 г.) от государственного долга

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

I. Водные ресурсы

Защита запасов и качества пресной воды	Ежегодное изъятие подземных и поверхностных вод - 1% от доступного объема	Запасы подземных вод - 1100 тыс. м ³ /сут. Показатели биохимического и химического потребления кислорода по водным источникам: БПК - 1,7. ХПК - 16,0.	Обработка сточных вод: всего - 59,5%, в том числе - 30% - механическим способом, 70% - биохимическим
--	---	---	--

II. Земельные ресурсы

Интегрированный подход к планированию и использованию земельных ресурсов	Используемые земли - 33,4 тыс. км ² . Количество пахотных земель на душу населения - 0,85 га. Орошаемые земли, всего - 6,7%	Земли, подверженные эрозии - 7,7 тыс. км ²	Нет земельной реформы
--	--	---	-----------------------

Продолжение прил. 3

1	2	3	4
Управление ранимыми экосистемами, борьба с опустыниванием и засухами	<p>Потребление древесины на отопление - 2,14 м³ на душу населения.</p> <p>Численность скота в засушливых зонах по: сухостойным степям - 27 голов/км², по БР - 23 голов/км²</p>	<p>Земли, затронутые опустыниванием, - 7,1 тыс. км².</p> <p>Частота засух: очень сильные - каждые 3 - 4 года из 12-летнего цикла, средние - 7 - 8 лет из 12-летнего цикла</p>	
Содействие устойчивости сельского хозяйства и местного развития	<p>Последние годы не применяются сельскохозяйственные пестициды, минеральные удобрения - 5 т/км². Органические - 800 т/км²</p>	<p>Засолением и заболачиванием затронута 4,1 тыс. км²</p>	<p>Площадь восстановленных земель - 4,1 тыс. км²</p>

III. Другие природные ресурсы

Борьба с обезлесиванием	<p>Темп обезлесивания: 1994 г. - 167 км²/год, 1995 г. - 157 км²/год.</p> <p>Годовое производство кругляка: 1994 г. - 1122 тыс. м³, 1995 г. - 1237 тыс. м³;</p> <p>деловой древесины: 1994 г. - 708,3 тыс. м³, 1995 г. - 891 тыс. м³</p>	<p>Запасы древесины - 2309 млн м³. Площадь лесов - 292,4 млн м³. Потребление древесины на душу населения - 2,14 м³</p>	<p>Темпы восстановления лесов: 1994 г. - 191,3 км²/год, 1995 г. - 240 км²/год.</p> <p>Посадка леса: 1994 г. - 16,9 км²/год, 1995 г. - 21,3 км²/год.</p> <p>Доля защищаемых лесов - 31,2%</p>
-------------------------	---	---	--

1	2	3	4
---	---	---	---

IV. Атмосфера

Защита атмосферы	<p>Выбросы CO₂: 1993 г. - 22,6 т, 1995 г. - 23 т. Окислов серы: 1993 г. - 36,4 т, 1995 г. - 29,6 т. Окислов азота: 1993 г. - 10,2 т, 1995 г. - 10,1 т</p>	<p>Концентрация поллюгентов в г. Улан-Удэ (1995 г.): взвешенные вещества - 0,2, диоксид серы - 0,012, оксид углерода - 2,0, диоксид азота - 0,05.</p>	<p>Расходы на сокращение загрязненности атмосферы, всего: 1995 г. - 10,7 млрд руб., в том числе капвложения - 1,3 млрд руб., текущие - 7,4 млрд руб. Сокращение выбросов диоксида серы - на 11% в год (1996 г.), диоксида азота - 7,3%, увеличение на 2% диоксида углерода</p>
------------------	--	---	--

V. Отходы

Управление отходами	<p>Объем производственных и муниципальных отходов: 1994 г. - 601 тыс. т, 1993 г. - 1,2 млн т в год. Объем опасных отходов: 1994 г. - 2 тыс. т (или 0,34%), 1995 г. - 1,4 тыс. т (или 0,12% от общего объема)</p>	<p>Объем отходов на душу населения: 1994 г. - 0,57 т, 1995 г. - 1,15 т. Площадь земель, загрязненных отходами: отвалы горных работ - 80,83 км², земли под свалками - 15,8 км². Захламленные остатками лесосек - 20,5 км²</p>	<p>Расходы на сбор и обработку отходов: на охрану земель - 2,8 млрд руб. (1995 г.), на рекультивацию - 121 млн руб. (1995 г.), платежи за размещение отходов - 905,5 млн руб. (1995 г.); темп уменьшения образования отходов на единицу ВВП в текущих ценах: 1994 г. - 0,17%, 1995 г. - 0,15%; рост объема отходов на 1 тыс. руб. ВВП в сопоставимых ценах 1991 г.: 1995 г. - +238,1 руб.</p>
---------------------	--	---	---

Медико-демографические критерии состояния здоровья населения (печатается с сокращениями)

Показатели	Параметры зоны	
	Экологического бедствия	Чрезвычайной ситуации
1	2	3

Основные показатели

Изменение структуры и увеличение перинатальной смертности в 1,5 раза и более от 1,3 до 1,5 раза

Увеличение детской смертности:

младенческой (до 1 года) в 1,5 раза и более от 1,3 до 1,5 раза

детской (1 - 4 года) в 1,5 раза и более от 1,3 до 1,5 раза

Медико-генетические показатели:

увеличение частоты врожденных пороков развития новорожденного и спонтанных выкидышей в 1,5 раза и более от 1,3 до 1,5 раза

Изменение заболеваемости детей и взрослых:

увеличение распространенности по отдельным нозологическим формам и возрастным группам, изменение структуры заболеваемости в 2 раза и более от 1,5 до 2 раз

Онкологические заболевания (заболеваемость и смертность):

отдельные формы в 2 раза и более от 1,5 до 2 раз

злокачественные новообразования у детей в 2 раза и более от 1,5 до 2 раз

1	2	3
Специфические заболевания, связанные с загрязненностью территории	Наличие таких заболеваний	
<p>Дополнительные показатели: Увеличение нарушений репродуктивной функции женщин:</p>		
осложнение течения и исходов беременности (число случаев на 1000)	в 2 раза и более	от 1,5 до 2 раз
Изменение массы тела, роста, окружности головы у новорожденных	Критерии устанавливают по экспертным оценкам	
<p>Средняя продолжительность жизни мужчин и женщин:</p>		
отставание от аналогичных показателей на контрольных территориях по годам:		
при рождении	М - 3,6, Ж - 3,5	М - 3,2, Ж - 2,6
в возрасте 15 лет	М - 4,0, Ж - 2,5	М - 3,4, Ж - 2,5
35 лет	М - 3,0, Ж - 2,0	М - 2,5, Ж - 2,4
65 лет	М - 2,3, Ж - 1,7	М - 2,0, Ж - 1,8
Психическое развитие детей: доля детей с отклонениями	20% и более	от 10 до 20%
Изменение иммунного статуса	Критерии устанавливают по экспертным оценкам	

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ	4
Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА	14
Глава 3. МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.....	32
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧНОСТИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ	38
Глава 5. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	47
Глава 6. ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	52
Глава 7. ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	57
Глава 8. СЦЕНАРИИ ВОЗМОЖНОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	74
ЛИТЕРАТУРА	75
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	89
Приложение 1.....	90
Приложение 2.....	92
Приложение 3.....	100
Приложение 4.....	106

Гудыма Анна Петровна
Булатов Валерий Иванович

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Аналитический обзор

Компьютерная верстка выполнена Т.А. Калюжной

Лицензия ИД № 04108 от 27.02.01

Подписано в печать 21.10.2002. Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 300 экз.
Заказ № 213.

ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 407, ЛИСА.
Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН. 630200, Новосибирск,
ул. Восход, 15.